

**ЖЕРАР ДЕ
НЕРВАЛЬ**

КОРОЛЬ ШУТОВ

Жерар де Нерваль Король шутов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156600

Аннотация

Нравы французского двора во время правления безумного короля Карла VI и Изабеллы Баварской.

Содержание

I. Суд любви	5
II. Государственный совет	18
III. Изабелла баварская	31
IV. Мариета д'Ангиен	42
V. Невер и Орлеан	54
VI. Маскарад	63
VII. Сумасшествие короля	70
VIII. Старый дом	82
IX. Право сюзерена	90
X. Метр Гонен	99
XI. Маргарита де Гено	105
XII. Козлиный рог	113
XIII. Член святого братства	122
XIV. Представление	134
XV. Оргия	153
XVI. Черный монах	164
XVII. Обер ле Фламен	172
XVIII. Рынок (Les Halles)	175
XIX. Лобное место	181
XX. Жан малый	190
XXI. Бургундия и Орлеан	200
XXII. Парижский народ и герцог Орлеанский	206
XXIII. Ришар и Жакоб	212

XXIV. Паж	218
XXV. Баллада	223
XXVI. Долина любви (Le val d'Amour)	233
XXVII. Бастард	239
XXVIII. Карты	243
XXIX. Король	245
XXX. Андалузианка	252

Жерар де Нерваль

Король шутов

I. Суд любви

*«Толпа теснилась у входа в светлый зал,
Где ароматы лил в курильницах сандал,
Монарх на троне был. С ним королева рядом,
Как юная луна, всех освещала взглядом,
А шут в безумии, как гаер, ликовал».*

Известно, что французские короли двух первых династий, Меровинги и Каролинги, никогда не жили в Париже: первые поселились в нем Капетинги. Они выбрали для себя здание, которое в настоящее время называется «Palais de Justice».

Известно также, что Карл V, из дома Валуа, ненавидел этот дворец, в котором, во время смут, организованных Марселем, старшиною (prevot) города Парижа королю пришлось перенести много оскорблений. Карл V, оставив этот дворец, переселился в загородный дом, построенный близ церкви «Saint-Pol», от которой он и получил свое название. Неподалеку оттуда, король выстроил крепость для хранения своих сокровищ. Это была Бастилия, обращенная в государственную тюрьму старшиною Гугом Обрио, который способство-

вал ее сооружению.

Отель «Saint-Pol», с прилегающими к нему обширными садами, окруженными стенами, мог, в случае надобности, выдержать осаду. Здесь то и происходили сцены, описываемые в этом этюде, который только потому не может быть назван романом, что все, рассказанное здесь, исторически верно.

В конце XIV века не было ни мощеных улиц, ни сточных труб, ни фонарей. Дома отличались полным отсутствием комфорта. У самых знатных людей вся мебель состояла из нескольких скамей для сиденья, да еще из особого рода сооружения, служившего шкафом, письменным столом и кроватью.

Отель «Saint-Pol» составлял исключение. Но и здесь лишь простая саржа голубого цвета украшала стены большой залы, где заседал Суд любви (*La cour d'amour*) под председательством Изабеллы Баварской и где собиралось порядочное число хорошеньких женщин, между которыми мелькали и мужчины, более или менее бородатые.

Среди этого благородного собрания, с каким то обезьяньим проворством, вертелась одна странная личность. Это был коренастый мужчина, не красивый и не безобразный. Из всех кто видел его или кому приходилось с ним разговаривать, никто не мог сказать: «у него такая-то наружность или такой-то голос», – до такой степени у этого человека ежеминутно менялись позы, жесты и голос. Эта странная личность

был король шутов.

Посреди полукруга, на котором возвышался подиум, где сидела королева, стояла очень молоденькая девушка, хорошенькая и самого скромного вида. Самый простой простонародный костюм сидел на ней удивительно грациозно, а длинные, густые, черные как смоль волосы, перехваченные стальным обручем, обрамляли прелестное личико, горевшее румянцем стыдливости.

– Подойди, милая, и расскажи, в чем твоя жалоба, – обратилась к ней Изабелла Баварская, возле которой сидел ее царственный супруг, – говори, не бойся. Наш Суд любви рассудит твое дело по всей правде, если только, как мы надеемся, право на твоей стороне.

– Ах, госпожа королева, – ответила молодая девушка, опуская глаза, – мое сердце полно великой скорби и... великого стыда...

– Успокойся, – возразила Изабелла, – и прежде всего скажи нам: кто ты?

– Колина Демер, дочь цирюльника на рынке (des Halles).

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Хорошо; теперь говори, что привело тебя сюда?

– Я в течение шестнадцати лет всегда шла по прямому пути, – продолжала Колина, по-прежнему опустив глаза.

Король шутов отпустил какую-то шутку на ухо сиру Гюгу де Гизей относительно безгрешной жизни при кормилице и

тем вызвал смех у дворянина.

– Сир Гюг, – строго крикнул Карл VI, – наш Суд любви есть суд серьезный, прошу не забывать об этом. Мы восстановили это древнее учреждение, чтобы положить предел распутству, которое, под видом любезности, грозит охватить все.

Потом, обратясь ко всей знати, король прибавил:

– Берегитесь, господа, постоянная любовь сделалась предметом насмешек: верность первых рыцарей считается делом вышедшим из моды... Но зато куда девались былая храбрость и честь? Где они?

Пока говорил Карл VI, мужчины хранили угрюмое молчание; но зато на устах дам мелькала улыбка одобрения.

– Колина Демер, – начала Изабелла, – продолжай свой рассказ.

– Я поступила, – продолжала Колина, – в услужение к герцогине Бурбонской. И вот один знатный господин, который часто бывал у герцогини, обратил взоры на меня...

– И заставил тебя свернуть с прямого пути, – перебил король.

– Да как же могла такая бедная, простая девушка, как я, устоять против обольщений...

– Договаривай! – повелительным тоном произнесла королева.

– Его высочества герцога Орлеанского...

– Орлеанского! – прошептала королева, вздрогнув.

– Моего брата! – вырвалось у короля со вздохом.

– Кто тебе внушил смелость выступать с обвинением против такой высокой особы? – вскричала королева, бросая на Колину взгляд полный ненависти.

– Бог свидетель, милостивая госпожа, что я справедливо обвиняю герцога!

– Где герцог? – спросила с живостью Изабелла у Гюга де Гизей.

– Его высочество на свадьбе у одного из своих офицеров.

– Жаль, что его здесь нет, чтобы опровергнуть наглую клевету этой девчонки...

– А может быть это и не удалось бы ему.

– Так, по-вашему, она правду говорит?

– Я думаю, ваше величество, – простите мою смелость, – что герцог легко мог забыться...

– А вы, сир Гюг, – прервала его королева, – забыли, что обязаны относиться к нему с уважением!

– Дорогая Изабелла, – вмешался король, – такие сильные выражения здесь совсем неуместны. Вспомни, для чего учрежден был Суд любви. Ведь для того, чтобы решать дела, подобные этому? При чем же тут высокое положение? Принц крови, равно как и простой буржуа, одинаково подлежат этому суду... Я вовсе не желаю, чтобы мой брат был осужден голословно. Отложим это дело до следующего заседания.

– Пусть будет по вашему желанию, – ответила Изабелла. – Но прежде, чем мы уйдем отсюда, я хочу предложить еще

один вопрос истице. Не знаешь ли ты, милочка, – обратилась она с притворной кротостью к девушке, – ради чего герцог бросил тебя?

– Как не знать, милостивая королева, – отведала со вздохом Колина, – ради одной благородной девицы в Орлеане. ее зовут Мариета д'Энгиен. При этом имени, сир Гюг разразился безумным хохотом.

– Клянусь всеми единорогами моего герба! – вскричал он. – Вот так наделили сегодняшнего новобрачного!.. Ведь невеста то и есть Мариета д'Энгиен.

– С этой стороны все улажено, – сказал король. – Ты также получишь удовлетворение, моя милая, – прибавил он, обратясь к Колине, – если только окажется, что ты говоришь правду. Наш Суд любви установлен именно для подобных дел. Брат мой найдет для тебя мужа из среды служащих при нем воинов.

– Мужа, – перебил сир Гюг, – настолько же пригодного для роли Менелая, как и супруг Мариеты д'Энгиен... знаете, как в вашей пьесе «Разрушение Трои», – обратился он к королю шутов.

– А у супруга Мариеты д'Энгиен кстати и фигура как раз подходит к этой роли, – отрезал мэтр Гонен, король шутов – волосы рыжие, плечи горбом. Он был бы неподобен в роли святого Иосифа, в мистерии Зачатия, или же в одной из ролей тех шутовских представлений, которые я взял из «Двора чудес».

Королева, только одним ухом слушавшая весь этот разговор, вышла из раздумья, объявив, что закрывает заседание.

– Позвольте еще на минуточку, ваше величество, – сказал сир Гюг – я хочу кое-что сказать.

– Говорите, – ответила Изабелла. – То, о чем я хочу просить ваше величество, – продолжал сир Гюг, – всецело находится в зависимости от прав и привилегий Суда любви. Чтобы убедиться в этом, стоит заглянуть в архивы провинциальных Судов любви – в Пюи, в Э, в Авиньоне, в Марселе, Тулузе... Эти суды присвоили себе право контроля в деле неправильных браков, каковы, например, если вдовец женится на вдове, старик на девственнице, или юноша на распутной женщине. Сегодняшняя свадьба как раз подходит к этим условиям...

– А какой бесподобный сюжет для устройства представления в теперешние масляничные дни! – вскричал мэтр Гонен, король шутов.

– Мэтр! Господин шут, – сказал Карл VI, – уймите свои восторги: мне надоело смотреть, как мои эю с орлом и флорины с портретом королевы расходятся на декорации, костюмы, на музыку: мои золотые монеты обращаются Бог знает во что.

– Но позвольте, государь, подумайте, что для такого забавного зрелища потребуется очень немного: для аксессуаров нужен только кортеж фавнов и сатиров. Что же касается главного действующего лица, то стоит только вытащить из

какого-нибудь шкафа старую епископскую рогатую шапку, никогда не появлявшуюся на подобном празднестве.

– Хорош будет супруг, – прервал сир Гюг, – с посохом и в митре с бараньими рогами! Тут будет хохоту на весь великий пост.

– А как вы полагаете, герцог Орлеанский тоже будет смеяться над фарсом, направленным против него? Что вы об этом думаете, Изабелла? Я вижу, ваши мысли далеко отсюда!

– Я слушаю; да! это будет чудный праздник! Жена, муж и любовник! Ах, счастливая мысль, счастливая и притом нравственная! Суд любви ничего не придумает лучшего, чтобы наказать соблазнителя.

Король, пораженный этим последним замечанием, где высказывалось желание публично наказать виноватого, и приписывая иронию Изабеллы ее негодованию, как председательницы суда, позволил себе лишь одно замечание:

– А как же герцог?

– О, герцог слишком умен, чтобы обидеться на выдумку короля шутов.

– Ну, если вы полагаете, что Людовик не рассердится, то я сдаюсь и даже возьму роль и себе. Кстати, мы можем доставить себе какое-нибудь приятное развлечение теперь, когда французское королевство успокоилось, благодаря перемирию, заключенному нами с Англией. И так, мэтр Гонен, глава Бешабашных, идите составлять церемониал праздника, касающегося нас. Мы намерены принять в нем участие

в костюме забавном и мифологическом, таком, чтобы нас не мог узнать никто, кроме лиц, одетых подобно нам. Кстати, господа, мы не желаем, чтобы на этом празднике повторилась сцена, случившаяся два года тому назад, во время крестин дофина: тогда, во время самого маскарада, придумали очень скверную, злую шутку – сразу потушили все огни, отчего добродетель дам подверглась большим испытаниям. Господин шут, позаботьтесь, чтобы на празднике ни в чем не было недостатка, а также чтобы не растащили нашей серебряной посуды.

Король шутов низко поклонился, но в то же время возвысил голос и отвечал несколько грубовато:

– Это только игра слов вашей милости, государь, антитеза, как мы говорили в риторике в те времена, когда я еще посещал коллегию, на улице Courpe Gueule... О, славное было времечко: был у нас там старик-профессор...

– Ладно, ладно, не изворачивайтесь. Наш дворцовый смотритель не раз жаловался мне, что не мало нашей серебряной посуды пропадало в те дни, когда ты со своей трупной устраивал у нас празднества.

– Честное слово, государь, смотритель старый плут, которого следует повесить. Он сам припрятал эти вещи. Завтра я представлю вам доказательства, и если они будут точны и убедительны, то буду просить вас пожаловать должность короля des Ribauds (?) одному моему кузену, за которого я ручаюсь, как за самого себя.

– Довольно! Однако, наблюдай за своими дураками.

Король плутов опять поклонился и быстро вышел, боясь, как бы не отменили приказания.

Карл VI, этот болезненный король, у которого здоровое состояние чередовалось с приступами меланхолии и страшного угнетения, очень часто раскаивался час спустя после того, как делал какую-нибудь уступку разорительным фантазиям Изабеллы.

Спеша поскорее выйти, глава Бесшабашных натолкнулся на входившего в эту минуту вельможу и принялся униженно кланяться ему и рассыпаться в извинениях. Это был Иоанн, герцог Неверский, наследник герцогства Бургундского, один из могущественнейших вассалов короля.

Но герцог прервал его веселым тоном:

– От принца к принцу – рукой подать: давай же свою, великий герцог!

И, схватив руку мэтра Гонена, он дружески сжал ее в своей руке, сильной и широкой, которая, в случае надобности, могла бы заменить тиски.

В самом деле, этот принц с широчайшими плечами, бычьей шеей, с лоснившимся лицом, немного кривоногий, мускулистый и нервный, был типом тех могучих рыцарей, с закаленным сердцем внутри и железной броней снаружи, которых поистине можно назвать кариатидами средних веков.

Он подошел к королю, который сначала не разглядел его, и прошептал ему на ухо:

– Государь, у вас при дворе есть плуты более опасные, чем эти Бешабашные.

– А, а, – проговорил король. – Давно ли здесь, кузен?

– Несколько минут; мне сказали, что у вас здесь совет, а так как мне надо переговорить с королем о делах политических...

– А, хорошо! – перебил король, зевая. – Но вы что-то сказали про плутов?

– Я имел в виду ваших дядюшек, – смело отвечал герцог, – герцогов д'Анжу, Беррийского и Бурбона.

– Ба! Это старая история! – вздохнул король, пожимая плечами, – вы опоздали... Но так как вы собираетесь говорить о политике, то мы сейчас же отправляемся в большой совет и дадим вам аудиенцию.

Затем, поклонившись дамам и поцеловав руку у королевы, король приказал вельможам идти за ним и вышел сам, опираясь на руку Иоанна Неверского.

Как только король и человек десять дворян удалились из зала, Суд любви преобразился: каждая дама пододвинулась поближе к своей приятельнице, составились группы, и отдельные разговоры, тихие, как жужжание роя пчел, слышались по всей зале. Все эти юные и благородные владелицы замков вынули из своих сумочек вышивки и стали работать пальцами, между тем как с губ их сыпались комментарии по поводу только что закрывшегося заседания Суда любви.

Королева, видимо озабоченная, с нахмуренным лицом и

сжав губы, ушла к себе.

Недоставало живописца, чтобы изобразить прелестную картину этого собрания. Несколько дам уселись кружком у огромного камина, где с треском горел чуть не целый ствол дерева. Кристина де Позан, облокотясь на ручку своего кресла, казалось прислушивалась ко всему, что говорилось вокруг нее, но прекрасная венецианка; по всей вероятности, мечтала о «dicts monaux», которые тогда собиралась писать.

Рядом с нею молодая жена камергера (chambellan) Саваози, величественного вида и с ангельским взглядом, наматывала золотые нити на маленькую перламутровую катушку.

Подальше – статс-дама Изабеллы Баварской, с нежным лицом и белокурыми волосами, разделенными на грациозные кольца, твердила вполголоса балладу Алена Шартье.

Живая и подвижная маршальша Бусико, волнуясь и кипящая по поводу каждого вздора, шумно расточала комментарии, по поводу и без повода, и колола соседок своей золотой шпилькой.

Между этими дамами различного возраста отличались герцогиня Беррийская, прекрасная блондинка, ее кузина, герцогиня Анжуйская, тоже не менее привлекательная блондинка, и герцогиня Бурбонская, важная и серьезная, точно заседание Суда любви еще продолжалось. Она раскрашивала рисунки на драгоценной веленовой бумаге, между тем как дочь ее, обворожительный бесенок лет 13-14, гонялась за прелестной левреткой, которая, очертя голову, скакала меж-

ду группами.

Чтобы дать больше простора этой шумной беготне, группы расстроились, дамы собрались в кучку. Нужно же было поговорить, после толков о любовных похождениях герцога Орлеанского, о предстоящем знаменитом маскараде? Ведь едва оставалось времени для приготовления костюмов. Вышивки были спрятаны в сумки и весь рой разлетелся, чтобы вынимать из баулов уборы и драгоценности и убедиться, что они достойны таких прекрасных и знатных дам.

II. Государственный совет

*«Мы видели народ и двор лицом к лицу.
Знать, окруженную блестящими войсками,
Народ, с оружием идущий смело в бой.
Она – дрожащая – была жалка с гербами,
Он, – храбрый, был велик своею нищетой».*

Солнце склонялось к западу, когда король и герцог Неверский, в сопровождении членов государственного совета, вошли в залу со сводами, украшенными золочеными арабесками. Свет, проникая через стекла высоких стрельчатых окон, играл на богатых обоях, испещренных золотыми и серебряными французскими лилиями, покрывавшими стены обширной залы совета.

Посредине этой залы стоял широкий и длинный стол, покрытый зеленым саржевым ковром с кистями из красной шерсти. На самой середине этого ковра была вышита белой шерстью огромная розетка, на которой стояла громадная чернильница, заключающая в себе также песок, сургуч и королевскую печать. Кругом были разбросаны перья и листы бумаги.

Против короля поместился секретарь его Ален Шартье, готовясь писать под диктовку своего повелителя.

Когда все члены совета уселись и сняли шляпы, между тем

как один только король оставался с покрытой головой, Карл VI обратился к Иоанну Неверскому, который не садился, что тогда было в обычае, если кто хотел держать речь.

– Видите ли, кузен, как быстро наш Суд любви обратился в государственный совет... Ах! И Суд любви бывает иногда столь же важен! Любовь приносит столько же забот, как и ненависть... Но вы хотите говорить с нами о чем-то важном. Начинайте.

– Вам известно, государь, – начал Невер, – что Сигизмунд Венгерский, ваш верный союзник, находится в опасности: если христианские государи не придут к нему на помощь, то турки завоюют его королевство. Он уже не один раз просил вас о помощи, и я пришел вам напомнить об этом, потому что вокруг вас столько шума и гама от непрерывных праздников и пиров, что голос погибающего друга может затеряться в этом.

Эта гордая речь смутила короля.

– Иоанн Неверский, имеете ли вы право поднимать столь важный вопрос, если вы еще не принимали участия в наших советах?

Молодой человек хотел ответить, но вдруг увидел входящего Людовика Орлеанского. Последний тоже увидел Невера, остановился на пороге и что-то сказал своему пажу, который тотчас же ушел.

Герцог Иоанн инстинктивно догадался, что в этом обмене слов между принцем и пажом дело шло о нем. Он весь

вспыхнул, но сдержался:

– Совершенно справедливо, государь: я еще не принимал участия в ваших советах. Однако, здесь же, в этой зале, я вижу кое-кого, кто не старше меня, а между тем вмешивается в управление государством, что подобает лишь людям старым, опытным и сведущим в науке управления государством.

– Боже истинный! Герцог, вы осмеливаетесь делать намеки на особу нашу?

– Сохрани меня небо! Вы – король и законно исполняете обязанности короля.

Затем, уже не скрывая своей антипатии, он указал рукою на герцога Орлеанского, прибавив:

– Здесь речь идет о кузене моем, герцоге.

Лицо Карла VI, на минуту омрачившееся, сразу прояснилось, как только он увидел брата, к которому и обратился с улыбкой:

– А! Ты уже вернулся, Луи. Ну, садись же. Нам тут много кое чего решить нужно. Но, прежде всего, займемся тем, что ответить герцогу Неверскому.

– Если вы позволите мне, брат, я возьму это на себя.

Король утвердительно кивнул головою. Герцог Орлеанский почувствовал себя смелее и начал так:

– Разве военное дело, в котором кузен наш приобрел уже такую славу, прискучило ему? Или он полагает, что совершил уже слишком достаточно, чтобы отдыхать в государственном совете?

– Ваше присутствие здесь, прекрасный кузен...

Иоанн Неверский протянул слово прекрасный. Его прервал Людовик Орлеанский: он высокомерно расхохотался и, встав с места, сказал ему:

– Продолжайте! Я принимаю эпитет прекрасного: это принадлежность царской крови. Есть довольно других для украшения оборотной стороны медали.

Невер закусил губы, а все члены совета скривили угол рта: ни более, ни менее они не могли сделать. Действительно, Людовик Орлеанский был прекрасный, стройный, грациозный, изысканно-любезный мужчина. Это был тип благородного и изящного рыцаря, безукоризненно и очень роскошно одетого.

Герцог Неверский продолжал:

– Ваше присутствие здесь, прекрасный кузен, ни в каком случае не может подать мне мысль, что военные труды служат обязательной прелюдией к государственной деятельности.

Вмешательство короля прервало этот обмен колкостей.

– Слушайте, господа, разве мы здесь собрались затем, чтобы слушать ваши взаимные насмешки, которыми вы обмениваетесь при каждой встрече? Вернемся к упреку, обращенному к нам нашим кузеном герцогом Неверским, за то, что мы медлим оказать помощь Сигизмунду Венгерскому.

– Этот упрек, государь, – возразил Невер, – если так вам угодно называть его, исходит не от меня, а от Филиппа Бур-

гундского: слова сына только отголосок чувств отца.

– А, если так, – отрезал Орлеанский, точно выстрелил из лука, – то пусть этот самый отголосок с точностью передаст ему вот что: мы – добрые христиане и боимся Бога, но время крестовых походов прошло и никогда не вернется. Во Франции в настоящее время мир – в первый раз с тех пор, как регентство наших дядюшек уступило место правлению короля, нашего брата.

Говоря это, Людовик указывал глазами на трех герцогов – Анжуйского, Беррийского и Бурбона, которые даже не шевельнулись.

– И вот, – продолжал герцог Орлеанский, – не успели еще закрыться две раны, через которые отчизна истекала кровью – разумею Англию и Италию, и малейшее движение может раскрыть эти раны, отчего боль будет еще сильнее... Мы сделали все для мира и надеемся сохранить его: это поведет Францию к благоденствию. Лилии, эмблемы нашей монархии, не могут цвести среди урагана.

– Это эмблема обманчивая и никуда не годная, – возразил Иоанн Неверский. – Старинные короли Франции имели в гербе не цветы лилии, но наконечники копий; это значило, что монархия может держаться и крепнуть в силе только войною. Они, конечно, это хорошо понимали, эти короли ваши предки, государь, если завели в Палестине нескончаемую войну, которая поддерживала мужество французских вельмож, улаживала их раздоры и очищала страну от того

избытка мятежной черни, которая столько раз беспокоила трон... А посмотрите вокруг, до чего мы дошли! Правда, у нас мир, но благоденствие – где вы его видите? Неприятель не разоряет больше наших провинций; но ваше дворянство оскорбляет и грабит народ, а после дворян – их слуги, их псаря, до тех пор пока ничего не остается. Теперь уже не военные издержки истощают государственную казну, но роскошь, празднества! Прибавьте к этому, что такой образ действий все более и более уничтожает любовь народа к монархии и уважение к дворянству. Сколько уже было смут, доказывающих это! Вы видели, как отказывались платить налоги, вы видели, как большие города Париж и Руан не признавали королевской власти, Жаки, Мальотены доказали, что виляны уже не боятся ваших больших, закованных в железо лошадей и украшенного гербами вооружения ваших рыцарей. Вы много раз уже пробовали надевать на них свои доспехи и видели, что они приходились им впору, и что, при опущенном забрале, вилян ничем не отличается от синьора. Чем же исправить все это зло? Я сказал уже: только войной, святая и благородная, она даст дворянству возможность очистить в крови неверных свои почти стертые гербы, возвратит ему утраченное уважение, которым народ обязан дворянству.

Речь эта произвела глубокое впечатление, но Орлеанский скоро установил равновесие.

– Уважение черни? Вот новости! Разве эти дураки смеют осуждать своих господ и властелинов, поставленных над ни-

ми Богом? Они ли для нас созданы или мы для них? О, какой это гнусный народ, грязный, безобразный! Он лает и кусает, как собака, всех без разбора. Боже правый! С самой фландрской войны, – я ненавижу эту чернь, а уж в особенности парижскую, как самых лютых зверей. Ведь тогда, во всех больших городах Франции, чернь была против нас и сочувствовала бунтовщикам, которых мы шли бить. А что мы получили по возвращении? Парижская сволочь овладела властью, и если бы обезумевшие от страха буржуа не отперли нам ворот, то пришлось бы осаждать Париж. И при подобном то положении дел тут хотят, чтобы дворянство шло на смерть за четыреста миль отсюда, оставляя свое имущество и власть в руках разных Жаков, Мальотенов, или еще какой-нибудь народной партии. Честью клянусь, я скорее согласен, чтобы Франция попала во власть...

– Брат! – закричал Карл VI, вскочив с места, – не извращай вопроса, не кощунствуй! Кому же тогда кричать: «Да здравствует Франция!» если не Людовику Французскому?

Король опять сел, а одобрительный шепот успокоил его волнение. Иоанн Неверский усмехнулся, герцог Орлеанский попросил у короля извинения и продолжал:

– Что же касается нашей роскоши, наших празднеств, нашей расточительности, которые вы порицаете, сын Филиппа, то они гораздо более нужны для нашей политики, чем для нашего удовольствия. Необходимо держать в нищете этот народ, который в довольстве тотчас же подымет голову и во

время войны пользуется нашими денежными затруднениями, чтобы откупаться на волю. Скоро половина страны будет свободна, а такое положение для этих людей чудовищно, противоестественно.

Герцог Бургундский хотел возражать, но сир Гюг де Гизей, поддерживавший политику королевского брата, перебил его.

– Помимо городов, – сказал он, – которые большей частью уже свободны, даже в деревнях уже встречается мужичье, у которых есть собственные дома, земли, фермы...

– Да я же говорю!.. Это чудовищно, – вскричал Орлеанский, смотря с иронией на кузена. – А сколько есть дворян, которые думают, что жены их существуют только для них одних!

Иоанн Неверский, казалось, не почувствовал этого удара прямо в грудь, он только прошептал так тихо, что никто не расслышал:

– Бедная Маргарита! – Есть даже такие, – продолжал сир Гюг, – которые ездят на лошадях, будто дворяне, и водят за собой лакеев, точно так, как наши лакеи водят за собою собак.

Каждый из членов совета, по примеру сира де Гизей, вставил свое словцо, отпустил насмешку на счет народа.

– Вы слишком далеко заходите в ваших речах, господа, – заметил король добродушно, но видимо взволнованный. – Я, право, не вижу худого в том, чтобы простой народ пользовался кое-каким довольством и пусть небольшой свободой.

Я вижу теперь, что это общий недостаток воспитания, в силу которого людей низшего класса до сих пор ценили ни во что, между тем, многие из них обладают и мужеством, и благородством души, поэтому, я вовсе не разделяю образ мыслей моего брата, который полагает, что держать их в повиновении можно только притеснениями и тяжкими налогами. Я уже уничтожил многие налоги, по ходатайству университетского канцлера, и еще уничтожу некоторые, в свое время. Я всеми силами противлюсь расточению общественной казны. Но что касается частных празднеств, на которые вы, Иоанн Бургундский, жалуетесь, то этому виной мое плохое здоровье. Доктора постоянно твердят мне, что я могу вылечиться только при непрерывных развлечениях и удовольствиях.

– Государь, здоровье ваше, по-видимому, не так дурно.

– Теперь оно, конечно, лучше, но вы забываете, что эти мрачные мысли, этот упадок духа, которым я подвержен, вызваны были переутомлением во время похода; достаточно какого-нибудь душевного потрясения, чтобы припадки вернулись с новой силой, а может быть и того хуже... однако, если мне не суждено, подобно королям, предкам моим, побеждать неверных, во имя Бога и чести, то я могу послать вспомогательный отряд, правда, незначительный, но которому я надеюсь придать важное значение в глазах нашего союзника, назначив начальником этого отряда вас, герцог Неверский.

– Государь, я сочту это за счастье и буду гордиться такой честью.

Король знаком руки подозвал к себе Жана Бусико, маршала Франции и своего друга детства. Несколько минут они вполголоса говорили между собою, после чего маршал вернулся на свое место, а Ален Шартье составил нечто в роде протокола заседания и подал Карлу VI, который, подписав бумагу, передал ее камергеру (chambelan) Карлу де Савоази. Затем король снова заговорил:

– Вы сами видите, кузен, это заседание утомило меня... голова у меня слаба. Приходите завтра во время совета, мы подумаем, как устроить все это. А пока, в ожидании, не хотите ли присутствовать сегодня вечером на нашем празднике? Будет шумно и весело. В этом мое лечение... мне нужен блеск, веселье, танцы. Это меня развлекает, разгоняет эту меланхолию, которая, по-видимому, угрожала моему рассудку...

– Бог да помилует вас, государь, а также Францию!

– Благодарю вас за короля, моего брата, герцог Неверский. Ах! если вы пожелаете сегодня, то привезите нам герцогиню Маргариту. Она будет блистать при дворе, как богиня Венера на Олимпе, и это будет большая честь для вас – ее счастливого супруга, – сказал герцог Орлеанский.

– То есть Вулкана, если уже продолжать аллегория, – пробормотал сир Гюг.

– Благодарю, кузен, но герцогине Маргарите нечего делать на ваших праздниках и шутовствах. Ваши придворные дамы привычнее к этому, они могут более блистать, чем она. Ее

бы это стесняло... Еще раз благодарю вас и прощайте.

После этого ледяного приветствия, герцог вышел из залы, которая мало-помалу и совсем опустела. Заседание было кончено, публика разошлась, остались только король и брат его.

– Вы отлично придумали, ваше величество, – сказал герцог Орлеанский, – удалить от двора этого толстого бургундца. Противен он мне со своим цензорским тоном и манерами скототорговца. Да и вся эта бургундская семья смахивает на мужиков, точно они вышли из черни!

– Ну этот, по крайней мере, доблестный рыцарь: я уважаю его еще больше чем люблю.

Разговаривая таким образом, братья вышли из залы заседаний и направлялись по галереям отеля Сен-Поль, которые вели в сад. Пройдя его, они поднялись по ступенькам крыльца, примыкавшего к другому флигелю здания, где находились апартаменты короля, и вошли в одну из комнат. Здесь был обширный камин, в котором пылало толстейшее полено, распространяя приятную теплоту, которую, впрочем, можно было почувствовать только усевшись поближе.

Король и герцог подошли к камину, взяли каждый по стулу, сели и некоторое время молча грелись.

В эту минуту на стене в глубине комнаты вырисовалась тень женщины. Стена эта была покрыта не обоями, а толстой фландрской кожей, на которой привешено было несколько картин Жана Море – Тициана той эпохи, у которого Людовик

Орлеанский учился живописи на стекле.

Карл VI, слегка продрогнув, собирался коснуться щекотливого вопроса о Колине Демер, оболыщенной и брошенной, затем перейти к замужеству Мариеты д'Ангиен, спросить об имени офицера, так любезно шедшего навстречу капризам принца, у которого была молодая и хорошенькая жена, красавица Валентина Висконти, покинутая своим супругом и повелителем и изнывавшая в его отеле де Бреген.

Старший брат собирался прочесть младшему целую лекцию о нравственности, но вошла королева Изабелла Баварская и уселась поодаль. Она смотрела на них обоих, сравнивая одного – изящного, стройного, красивого, с королем, хилым, болезненным, бледным, с незначительными чертами лица, не выказывавшими и той доли ума, какая была ему отпущена небом.

Изабелла с презрительным сожалением смотрела на своего иззябшаго, дрожавшего от холода мужа, забывая, что отель «Сен-Поль» почти не отапливался, что король простудился в зале совета, где даже не было камина. В те времена это не было редкостью даже при дворе.

Из исторических документов видно, что залы парламента, где заседания начинались с семи часов утра, освещались лишь двумя свечами желтого воска, а печей не топили вовсе. Члены парламента до такой степени зябли, что часто не могли вести заседаний.

В отеле «Сен-Поль», как повествует хроника, отаплива-

лись только три комнаты: спальни короля и королевы и зала, куда мы ввели читателя. Из уважения к дамам зажига-ли также охапку дров в зале, где заседал Суд любви, но как только заседание кончалось, дрова тушили.

III. Изабелла баварская

*«Нередко в час ночной, мне снится странный сон
И пробуждаюсь я... как камень давит он.
Любовь, желание и ревности томленья
Мне отравляют жизнь в минуту пробужденья».*

Пылкая, надменная, самовластная, с неизменно сжатыми углами рта, Изабелла Баварская с первого взгляда казалась необузданной и злой. Но в спокойном состоянии духа ее физиономия представляла собою спокойную, несколько строгую германскую красоту. Кровь галлов, смешавшись с кровью скандинавов и итальянцев, расцвела в ней пышным цветком. Лицо у нее было продолговато, нос с небольшой горбинкой, тонкие губы, густые брови дугой, большие голубые глаза с длинными шелковистыми ресницами, блестящие зрачки этих глаз дышали сладострастием; лицо было белое с розовыми щеками. Руки у нее были удивительной формы: маленькие, с ямочками. Ее свободная осанка напоминала скорее юг, чем запад, словом все в ней дышало негой и страстностью.

Изабелла бывала иногда весела, резва, даже шаловлива, но теперь лицо ее выражало совсем другое: вся ее сосредоточенная фигура напоминала скульптурное изваяние, низкий

лоб был нахмурен, побледневшие губы выражали досаду, и с ее кошачьей грацией она теперь напоминала львицу.

Ее не заметил пока ни один из братьев, и она не знала, на что решиться: подойти ли к ним или же удалиться так же не слышно, как и вошла. Дождется ли она случая увидеться без свидетелей, глаз-наглаз, с герцогом Орлеанским?

Остаток стыда боролся в сердце супруги с пылкостью любовницы, чуждой всякого самообладания. Но стыд напрасно боролся против ревности: статуя медленно скользнула с подмостков и очутилась как раз перед герцогом, который тотчас же встал и предложил ей свое место.

– Как! Это вы, королева? Какой приятный сюрприз! – сказал он.

– Вы бы постыдились говорить со мною, герцог, после того, что мы узнали!

– А что же вы узнали такого важного?

– Да вы откуда теперь, позвольте вас спросить?

– Мы сейчас только из Совета.

– А до Совета где вы были?

Орлеанский медлил с ответом. Король, улыбаясь, мешал в камине дрова и в душе восхищался мыслью, что у него жена – настоящая Лукреция, президент Суда любви, так строго относящаяся к поведению принца крови.

В глубине души Карл VI чувствовал снисхождение к брату и говорил сам себе:

– Он на четыре года моложе меня, у него железное здоро-

вье, огненный темперамент, пылкое воображение!

И добрый брат, добрый король, продолжал еще усерднее ворочать головни.

– Где же вы были до Совета? – повторила королева, раздраженная молчанием принца.

– Перед Советом я присутствовал на свадьбе Мариеты Ангиенской с одним из моих офицеров, мессиром Обером ле Фламан.

– Так это правда? Вы не отрицаете?

– Зачем же мне отрицать? Я даже не понимаю, почему вы удивлены, королева, ведь вы даже приданое дали невесте.

– Вы так просили меня об этом! Но тогда я не знала, почему вы так упорно хотите выдать эту девушку за человека неприятного и смешного, и почему она нисколько не противилась этому.

– Она бедная девушка. Я дарю ее мужу, Оберу ле Фламан, значительное поместье, она станет теперь дамой высшего общества. Для нее это партия, каких, по нынешним временам, не много.

– А-а! Вы дарите ее мужу поместье? А тут, кто-то говорит, что вы кстати дарите ему и наследника... Это достойно такого благородного принца, как вы... такого...

Изабелла готова была забыть о присутствии короля, раздражение увлекало ее. Вдруг она остановилась.

– Вы, конечно, шутите, королева, – сказал герцог двусмысленным тоном, в котором было и желание удержать Иза-

беллу, и вызов.

– Нет, нет, – с укоризной вмешался король, – королева не шутит! Ведь вы, брат мой, как сюзерен, имеете же право первой ночи.

– Если бы вы, государь, и не уничтожили этого права, то я не стал бы пользоваться им. Я не хотел бы так плохо вознаграждать верного слугу.

– Хорошо, Луи очень хорошо! Я желаю, чтобы в мое царствование законы пользовались уважением, и вы первый должны подавать тому пример.

Изабелла, задетая за живое настолько же мужем, насколько любовником, заговорила с живостью:

– К чему это лицемерие, эти извороты, герцог? Разве вы не видите, что нам хорошо известна эта история? А от кого мы ее знаем? От другой девушки, брошенной вами.

– О ком вы говорите?

Орлеанский, по-видимому, искренно не понимал в чем дело.

– О ком? Мало ли их у вас! О Колине Демер! Вы два раза виноваты! Вы сделали два преступления, две подлости!

– Именем Феба, государыня! Стоит ли самый обыкновенный случай такой грубой брани.

– Да, – сказал король, перестав ворочать головни, – ты, Изабелла, заходишь слишком далеко.

Он встал, оттолкнул ногой стул и заговорил тоном властным и в то же время как будто примирительным:

– Я думал, что вы шутите, а выходит, что вы оба выходите из себя. Твои глаза пышут гневом, Людовик, а по вашим глазам, королева, видно, что и вы сильно раздражены, это уже ссора. Да разве при французском дворе подобное приключение новость? Благодарение Богу, любовные грехи всегда отпускаются. Мой указ против разврата направлен только против насилия. Если прародители наши были наказаны за слушание, то и тогда наибольшее наказание понесла женщина. А мы прибавили к этому наказанию еще стыд. Женщина сама должна непрестанно беречь свою честь. Следовательно, там где не было насилия, нет и преступления, а лишь проступок, единственным оружием против которого мы ставим выговор. Постановив это, мы, по закону, предоставляем вам, королева, как председательнице Суда любви, наложить на Людовика штраф, но как государыня, вы должны относительно его воспользоваться правом помилования, точно так же, как поступаю и я, а затем, пусть об этом больше и речи не будет.

Королева слушала, нахмутив брови.

– Ну, полно! – сказал Карл VI, уже вполне добродушно, – подайте друг другу руки.

– Незачем, – пробормотала Изабелла, – я об этом больше говорить не стану.

– Руку подайте! Cordieu!.. Что же, я не король, что ли? Руку, говорят вам! А!.. Ну, хорошо! Нагнитесь, королева, чтобы я мог поцеловать вас в знак примирения. Ну, теперь я

пойду распорядиться на счет нашего бала. Это наш первый бал на маслянице, и я хочу, чтобы он был великолепен.

Очень довольный своим судом, Карл VI ушел, и пока слышны были его шаги, раздававшиеся по плитам, оба противника сидели молча друг против друга. Но едва звук шагов замолк в отдалении, тон разговора между Изабеллой и Орлеанским круто изменился: «ты» заменило «вы» и ссора снова возгорелась.

– С ума ли ты сошла, Изабелла, – сказал герцог. – Разве можно было говорить со мною так при нем?

– Я не могла удержаться от гнева, до которого довела меня твоя измена. И теперь еще, если бы я не удерживалась, я бы разодрала тебе ногтями все лицо.

– Вот уж чисто германская ревность, моя красавица. Наши французские дамы так не делают.

– Оттого, что они меньше любят.

– Нет! – а оттого, что они лучше мирятся с жизнью. Будем говорить напрямик, моя королева; связавшись с тобой, я ведь не заключал условия быть у тебя в кабале.

– Значит, кабала выпала только на мою долю?

– Нисколько! И мне, и тебе предоставляется полнейшая свобода.

– Ах! У тебя нет ни сердца, ни души!

– Я вам сейчас докажу противное: я прочту вам балладу, сочиненную в похвалу вам. Садитесь и слушайте.

– Вы издеваетесь, Луи, мы очень виноваты перед королем,

и ваше поведение служит мне жестоким наказанием.

– О, пожалуйста, ни слова об этом, моя прекрасная королева! Любовь и угрызения совести – эти два слова не рифмуют. Лучше прослушайте мои стихи.

– Людовик, эта девушка, которую вы выдали замуж, останется при вас?

– Это будет зависеть от ее мужа.

– Ну, слушайте. Я согласна забыть ваше вероломство, только с одним условием. Вы дали им поместье, пусть они уедут туда завтра же. Я требую этого.

– Вы очень недоверчивы, Изабелла. Ведь теперь при ней будет муж, который будет стеречь ее. Это один из моих лучших офицеров.

– Один из самых преданных вам? Да? Преданный до бесстыдства!

– Вы клеветеете на него!

– Так вы очень дорожите ею, этой женщиной! Нет, все равно, я остаюсь при своем.

– Хорошо, будь по вашему... но послушайте же мою песню.

– Такая и песня видно, как ваша любовь!

– Она написана очень трудным метром. Рифмы у нее особенные, это аллегория, из которой видно, что она вдохновлена королевой!

– Ах, я знаю вас, пустой рифмоплет! Вы ничего не любите кроме шума, празднеств. Кроме того, что блестит и сияет,

прекрасные цветы, песни, раззолоченные одежды, переменных любовниц. Вы жестокий и бесцельный честолюбец, вы занимаетесь политикой только затем, чтобы иметь средства удовлетворять вашей нелепой расточительности, вы любите искусства от безделья и из тщеславия, вы рыцарь только на турнирах, но вас страшит война с ее трудами и опасностями; вы полюбили меня мимоходом, как всякую другую, недурную собой женщину: и вот теперь вас уже удивляет и тревожит страсть, неосторожно пробужденная вами из-за каприза, страсть, которая опутывает вас, и вы заметили это только сегодня, как птица, которая в первый раз потянет цепочку и чувствует себя на привязи.

Королева была права: герцога тревожила ее пылкость, он хотел лишь позабавиться над ней.

– Чтобы говорить так долго, нужно, по крайней мере, сесть.

Подтолкнув к камину кресло, Орлеанский хлопнулся в него и принялся мешать уголья, как только что мешал король, брат его. В таком положении он слушал королеву с видом человека, решившегося выдержать целый час скуки.

Изабелла не заметила или притворилась, что не замечает этого скучающего вида. Она продолжала свою отповедь, как женщина, решившаяся настоять на своем и добиться повинной от этого герцога который изменял ей для соперниц, недостойных королевы.

– Людовик, – говорила она, – неужели вы никогда не буде-

те благоразумнее? Если бы я думала, что все это лишь увлечения молодости, я бы переносила терпеливо, любя вас, я также думаю и о будущем. Я ведь не то, что обольщенная девочка, которая плачет и честь которой прикрывают браком. Чтобы заставить меня изменить обязанностям супруги и королевы, нужны были могучие чары, и горе вам, если связь, соединяющая нас, была с вашей стороны лишь прихотью мимолетной фантазии! А я? Я вложила в это всю душу свою, всю мою жизнь в этом мире, а в будущем – может быть вечное проклятие...

При этих последних словах, герцог поднял голову, но почти тотчас же опустил ее, под пронизательным взглядом, в котором доканчивалась мысль, трудно выражаемая словами.

Изабелла продолжала, задыхаясь:

– Куда только не завлекло меня желание создать вам славу и могущество! Чего я ни делала, чтобы предоставить вам в королевстве власть, которой вы пользуетесь за устранением дядей короля и этого Иоанна Неверского, который завидует вам и ненавидит вас! Сказать ли вам все? В ослеплении моей страсти совершенно бескорыстной, имеющей целью только вашу будущность, разве не мечтала я иногда, что между вами и престолом стоит лишь слабый и болезненный король, для которого смерть была бы, может быть, благодеянием, лишь бы только она была спокойная и медленная.

Орлеанский вскочил с места, выпрямился во весь рост и, отступая в ужасе, вскрикнул:

– Что вы говорите, королева!

– Да, я настолько люблю тебя, – холодно проговорила Изабелла.

– Что же это за любовь? Она страшит меня. Или мы вернулись к временам королей первой династии? Или вы хотите присоединить имя Изабеллы Баварской к именам Брунгильды и Фредегонды?

– А! Ты думаешь, что можно безнаказанно играть счастьем женщины такой, как я! Совратить ее со стези добродетели и потом бросить, как выдохшийся цветок? Нет, нет! Раз свернув, благодаря тебе, с пути добра, я почувствовала как в душе моей проснулись новые свойства. Честолюбие охватило меня, когда я увидела, что власть уходит из рук моего супруга и возвращается к его дядям, и это честолюбие послужит только в пользу тебе, если ты захочешь, или же ты будешь только орудием его. Выбирай же! Но знай, что отступление невозможно.

– Королева, вы приводите меня в ужас и глубоко огорчаете. Какое бремя вы хотите возложить на мою леность, мою беззаботность? Если я возвышал голос в Совете, если я даже принимал участие в политике, то единственно из желания поддержать привилегии дворянства, на которое так часто стали нападать в последнее время, да еще чтобы недопустить войны, которую ненавижу всем сердцем. Но домогаться власти! Примерять на голову себе корону? Э, ваше величество, она и не удержится на мне, она упадет мне на шею,

как ошейник невольника.

Королева закрыла себе лицо обеими руками и прошептала:

– Корона или ошейник – ты их попробуешь.

В эту минуту любимый паж герцога, постучавшись в дверь, вошел в залу и прямо подошел к герцогу.

– Паж, что тебе надо?

Паж проворно сунул в руку принца письмо, прошептав:

– Ваше высочество, от герцогини Неверской. Потом громко, как будто только в этом и состояло его поручение, проговорил:

– Мессир Обер ле Фламан с супругою желают вам представиться.

– Пусть подождут! Я теперь занят с королевой.

– Пусть войдут, – сказала Изабелла.

– Пожалуй, пусть войдут! – проговорил беспечно Людовик.

Когда паж вышел, Изабелла Баварская поспешила прибавить повелительным тоном.

– Пусть войдут и пусть сейчас же уезжают в свое поместье, – слышите ли?

И, не дожидаясь ответа герцога, она быстро вышла.

IV. Мариета д'Ангиен

*«О, отпусти меня! Еще свободна я!
Потом мне не уйти, потом, обет забывши
И умирая, все ж скажу: люблю, люблю, твоя...
Но счастлив будешь ли, всю жизнь мою
разбивши?»*

Читая послание, принесенное пажом, Людовик Орлеанский, со свойственным ему легкомыслием, уже не думал об обиде, нанесенной ему дочерью Стефана II, графа-палатина Рейнского, и Тадеи Висконти. Он чувствовал потребность забыть на время о той силе, которая, как со ступеньки на ступеньку, толкала Изабеллу сначала к прелюбодеянию, теперь к цареубийству... от которого ее спасло впоследствии сумасшествие короля.

Действительно, со времени болезни короля, правление перешло в руки его жены.

Людовик Орлеанский, которому предназначено было сделаться отцом весьма известного поэта Карла Орлеанского, и сам временами отдавался поэзии, но прежде всего это был человек страстно любивший удовольствия и по-временам впадавший в благочестие.

Влюбчивый по темпераменту, чуждый сословных пред-
рассудков, он увлекался и брюнеткой, и блондинкой, дво-

рянкой и мешанкой, городской девушкой или сельской вассалкой; все они имели одинаковое право на его мимолетную любовь.

Роскошный бюст, тонкая талия, стройные члены привлекали и восхищали его. Красивая рука и маленькая ножка приводили его в экстаз.

И обо всем этом мечтал Орлеанский, читая письмо Маргариты Гено – герцогини Неверской, ибо Маргарита обладала всеми этими совершенствами.

Но появление Мариеты д'Ангиен, за которой следовал ее муж, заставило его забыть обаятельную мечту для милой действительности.

– Подойдите, Обер, и вы, наша милая новобрачная.

Слово «наша» не произвело никакого впечатления на мужа, но заставило покраснеть молодую женщину, отчего она стала еще красивее.

– Ну что, – продолжал герцог, – мой капеллан, отец Легран, сказал вам хорошую проповедь? Я ушел тотчас по окончании мессы, потому что этот соперник каноника Герсона, если бы увидел меня во время проповеди, то наверное прочел бы мне длинное наставление по поводу роскоши моей одежды.

– Я полагаю, ваша светлость, что он сделал бы это лишь для того, чтобы лучше выставить благородство души вашей и ваше великодушие, – ответил Обер.

– Слушайте, Обер: я жалею вас помещьем де Кони, близ

Ножана на Марне, приписанное к моему замку де Боте. Я желал, предоставив вам титул и доходы с этого имения, удержать вас при особе нашей. Но непредвиденное обстоятельство заставило меня изменить свое намерение: вы завтра же отправитесь жить в свое поместье.

– Как, ваша светлость! О, для меня это крайне прискорбно.

– Нет, это решено. Но я часто буду ездить в свой замок Боте, когда буду охотиться в Венсенском лесу – это совсем близко от вашего поместья – и тогда буду вызывать вас к себе... И так, сир де Кони, отправляйтесь проститься с вашими родными, с друзьями и привести в порядок ваши дела, если только они у вас есть. Ступайте!

– Благодарю, ваша светлость, и спешу воспользоваться вашим позволением. Жена моя, если позволите, ваше высочество, останется в приемной, до возвращения моего.

– Пусть она останется здесь. Здесь натоплено, и жене вашей будет здесь гораздо лучше... Кстати, мне нужно передать ей несколько слов от имени королевы, которая пожаловала ей приданое.

Обер раскланялся и вышел с большим достоинством.

Титул сира де Кони сделал из него другого человека, иначе сказать, эта напускная важность, в придачу к его военным ухваткам и грубой физиономии, делала его более уморительным, чем он был на самом деле. На первый раз этот усатый и бородатый солдат производил отталкивающее впечат-

ление. На его загорелых руках выдавались мелкие мускулы, точно дубовые сучья, и свидетельствовали о геркулесовской силе. Его вульгарное сожженное солнцем лицо было шероховато, как кора столетнего кедра. Красноватые нерасчесанные волосы, похожие на кучу бурьяна, обрамляли щеки, испещренные веснушками, точно осенними листьями. На ходу, он ступал так, будто ударял заступом. Когда он стоял на месте, в полном вооружении, по его неподвижности, можно было сказать, что он пустил в землю корни.

Взгляд его, блестящий словно факел, показывал в одно и то же время и наивное, безграничное доверие, но также и пылкость свирепого характера, смотря по обстоятельствам. Конечно, и король шутов не похож был на Адониса; он тоже был одарен редкой физической силой, но далеко не был так безобразен, как капитан Обер, и не имел такой мускулатуры. Было еще одно резкое различие между этими двумя обиженными природой людьми: комедиант одарен был высоким умом, между тем как у солдата было только непреклонное упорство. Первый смеялся над своим врагом, осыпая его эпиграммами, второй долго обдумывал удар, который хотел нанести; натягивалась тетива, стрела летела, свистела, достигала цели, и враг падал, чтобы никогда больше не вставать... как увидим впоследствии.

Как только затих звук шагов сира Кони, раздавшийся по плитам точно стук заступа, Людовик Орлеанский устремил взор на Мариету – взор, в котором светилась новая страсть,

новое удивление, будто он видел ее в первый раз.

Поверить ли читатель? Ему на минуту стало как будто со-вестно, но, спустя минуту, он уже рассуждал сам с собою:

«Э, что там! Любовь – любовью, а дружба – это только призрак. Пусть себе Ален Шартье сколько хочет доказывает, что преданность истинного друга также благородна, как и мученичество. Мысль, конечно, прекрасная, но жена моего друга ле Фламана еще прекраснее».

Так рассуждал брат короля: если приведенная выше аксиома не удержала его, когда он обольстил свою невестку, то уж конечно, он не мог поставить на одну доску дружбу своего брата и преданность сира де Кони.

Он пожирал жгучими глазами молодую женщину в костюме новобрачной. Скромно и со вкусом, для той эпохи, сделанное платье выказывало матовую белизну плеч; светло-белокурые шелковистые локоны обрамляли милое лицо, подернутое усталостью и грустью.

Печально и тоскливо вспоминала Мариета свою прежнюю чистоту. Впечатление, оставшееся на ней после брачной церемонии, придавало глазам ее выражение робости. Эти робкие, точно подернутые туманом глаза делали ее совсем новым существом в глазах соблазнителя. Бедной обольщенной девушке казалось, будто новое крещение очистило ее от греха и что теперь она снова вернулась к чистой жизни прежних лет. Несмотря на это, она трепетала и жаждала осуществления чего-то неизвестного, что смутно чувствовалось сквозь

ощущения материнства: то были золотые грезы, трепещущий свет звезды, блеск которой пробивался сквозь шелковистую и легкую ткань вуали, украшавшего ее брачный венок.

– Мариета, – заговорил принц, подойдя ближе, – вы ничего не говорите и кажетесь печальной. Однако, я сделал все по вашему желанию и вам известно, что устроить лучше я не мог. Или вам ваш муж не нравится? Это человек простой, с которым вы можете делать все, что угодно. Я именно выбрал человека такого сорта для того, чтобы вы не были слишком стеснены. Он был капитаном в отряде моих стрелков. Недавно я взял его оттуда, чтобы иметь его всегда при себе: его наружность смешит меня.

– Ах! Так, может быть, в самом деле...

– А относительно того, что вас стесняет, так вы только скажите, что дали обет св. Деве: вот и все. А вы рассчитывали остаться при мне?.. Я и сам страдаю от этого больше чем вы, но это невозможно.

– Ваша светлость, я предпочла бы оставить все так, как вы решили. Признаюсь вам, речь отца Леграна глубоко тронула меня, и я решилась уже больше не обманывать человека, который покрыл мой позор.

– Э, нет, голубушка моя, моя красавица, у нас не такой уговор был! Господи, Боже! Вы думаете, так я и оставлю вас? Я ведь уступил только вашим мольбам, да страху вашему перед вашей благородной фамилией и только потому дозволил этот брак; но не думайте, чтобы я относился к вам безразлич-

но... Я люблю вас одну, и ради вас не задумаюсь пожертвовать любовью хотя бы какой-нибудь королевы... Говоря эти слова, герцог посмотрел на входную дверь, точно боялся, что Изабелла Баварская стоит на пороге. Но там никого не было, только откуда-то вдруг послышалась музыка.

– А, – проговорил герцог, после минутного раздумья, – теперь помню: сегодня вечером в отеле бал вы там будете, это вас развлечет, а завтра я сам провожу вас в замок ваш, потихоньку, скромно, будто еду на охоту. Никто ничего не скажет.

– Нет, нет, ваша светлость, – возразила Мариета – решимость моя неизменна. – Довольно и того, что я скрываю от мессира Обера тайну, которая принадлежит не мне одной. Я боюсь, открыв ему эту тайну, обратить вашего преданного и признательного слугу в смертельного врага. Я принадлежу ему теперь всецело и навеки. Он мог бы найти себе супругу более чистую, но не столь верную, какой буду я.

Взволнованная Мариета вся дрожала.

– Вы огорчаете меня, Мариета если на вас так повлияла проповедь, так это скоро пройдет, лишь бы только вы, чего доброго, не влюбились страстно в своего Вулкана! Такие капризы случались... положим, в мифологии... Но христиане то уж не станут отдавать предпочтение безобразию перед тем, что красиво.

– Как у вас достает духу еще шутить этим, ваша светлость!

– Да над чем же прикажете шутить, если не над умори-

тельным мужем. Но, однако, музыка слышится все ближе, точно будто сюда идет. Да, да, вот и галерея освещается... скоро в отель «Сен-Поль» нахлынет толпа. Не понимаю, почему бы моему брату не перенести резиденцию в Турнельский дворец. Здесь, надо правду сказать, тесновато во время пиров и веселья... Пойдемте, моя красавица. Дайте вашу руку. Уйдем из этой залы, где того и гляди появятся свидетели нашего разговора.

– Куда же вы меня ведете? К мужу?

– Да, да, идемте... Пропадай они со своей помехой! Будь они прокляты эти скоты, что заставляют нас уходить и отсюда!

Разговаривая вполголоса, Орлеанский и Мариета прошли несколько зал, убранных на разный манер королем шутов, и остановились в одной из них, пораженной колоссальными размерами. Фрески, писанные кистью Жана Море, и арабески переплетались во фризах ее с гирляндами цветов и толстых амуров, улетающих в тимпаны под богатую драпировку из ярко-красного штофа, привезенного с востока после крестовых походов. Нижние панели, составляя бордюр, были обрамлены широкой полоской из цветного дерева, с двумя рядами вырезанных готических украшений. Вокруг стен, обтянутых прекрасной раззолоченной фландрской кожей, стояли искусно убранные буфеты, выставки для кушаньев и редкой работы поставцы. На полках буфетов среди хрусталя и фарфора, сверкала золотая и серебряная посуда. Между эти-

ми богатствами выдавался предмет драгоценный по своей редкости. Это было венецианское зеркало в раме черного дерева, в тридцать три сантиметра вышины и ширины, зеркало, в которое смотрелась Изабелла Баварская. Позднее, оно оказывало ту же услугу Маргарите Анжуйской, супруге Карла VII. Хроника не упоминает, чтобы Агнеса Сорель также пользовалась им, но она утверждает, что Людовик XI часто смотрел в это зеркало, чтобы удостовериться – хорошо ли выбрил его цирюльник Оливье ле Ден. От короля к королю это зеркало дошло до Франциска I. При этом любезном короле, двор которого почти обратился в восточный гарем, зеркало это много раз служило рамкой хорошеньким личикам всякого разбора женщин, следовавших за двором этого монарха, немного распутного, как говорит *luvenal des Ursins*, и, наконец, Екатерина Медичи, которой оно досталось, любила отражать в нем не только свои черты, – красивую шею, прелестные руки, но даже свои прекрасные ноги, составлявшие гордость ее, по словам Брантома. Она выставляла их при всяком удобном случае: поднимаясь по лестнице, спускаясь, переходя ручеек, в танцах и даже когда садилась небрежно в готическое кресло – нечто вроде постели, заменявшее диван. Брантом не рассказывает нам – любовалась ли Екатерина в этом зеркале (сохранившемся до наших дней и находящемся в Луврском музее) отражением блестящей стали кинжала, поразившего Колиньи и послужившего сигналом к резне гугенотов.

Как бы то ни было, в то время, как герцог Орлеанский и Мариета осматривали столь редкие и прекрасные вещи – прекрасные, если принять во внимание эпоху, к которой относится действие, и Людовик подставил к хорошенькому личику мадам де Кони маленькое и чистое как светлая вода зеркало, причем воспользовался удобным случаем нанести ей поцелуй, от которого яркая краска залила лицо ее, сделав ее еще прелестнее, – Обер ле Фламен, окончив дела свои, возвращался в отель «Сен-Поль», проходя по узким, грязным и не освещенным улицам. Относительно устройства парижских улиц уже делались некоторые распоряжения со стороны городского управления, но никто не обращал на это внимания. Заходила речь о мощении улиц, по которым свободно разгуливали и валялись в грязи свиньи; но это распоряжение парижского старшины продолжало существовать лишь в виде проекта.

Другим распоряжением предписывалось каждому горожанину мести улицу перед входом в дом, но улицы по-прежнему были непролазны, надзора за рынками и площадями не было вовсе и Париж представлял собой сплошную помойную яму. Освещение введено было гораздо позже описываемой эпохи. Одним приказом предписывалось зажигать на окнах свечи, зимой в шесть часов вечера, а летом в девять. Но зимой свечи будто бы тухли от холода, а летом рассчитывали на луну. Король шутов, всегда чутьем узнававший, где можно извлечь выгоду без особого труда и что могло послу-

жить на пользу его театра, выпросил у королевы Изабеллы Баварской и получил привилегию употреблять фонари его собственного изобретения, они были из белой жести, прорезные с тонкими роговыми пластинками вместо стекол. В такой фонарь вставлялся кусок сальной свечки. Он учредил во всех кварталах Парижа балаганчики, где сидели мужчины и мальчики, готовые сопровождать с фонарями желающих – будь то пешком, или верхом, или в телеге – за известное вознаграждение.

И так Обер ле Фламен шествовал в отель «Сен-Поль» к своей жене, выказывая глубочайшее презрение к прямой линии, ибо обильные возлияния с родственниками, друзьями и знакомыми были настолько неумеренны, что даже он, старый, привычный служака, чувствовал, что хватил через край. За всем тем, не будь улицы в таком скверном состоянии, да не будь куч навоза, луж стоячей воды, в которые он уходил по колено, не будь тут бродячих собак, кошек, крыс и свиней, болтавшихся в лужах, а, главное, если бы за ним по пятам не следовали четверо подозрительного вида людей, которые, при повороте в одну, особенно уж темную улицу, набросили на него то, что в те времена называлось мертвый покров, – он все-таки прибыл бы во дворец Карла VI жив и здоров. И не только не пришлось бы ему сделаться предметом насмешек толпы придворных, но даже, не случись этого, Франция не стала бы добычей англичан, вот какие маленькие причины порождают великие последствия; и насколько

верно то, что судьба, управляющая государствами, как бы с удовольствием вручает жребий народов во власть чудовища или безумца!

Случай отдает Римскую империю Нерону, а Карл VI, наследственный король Франции, государь мудрый, бережливый, благочестивый, искусный политик, справедливый, осторожный, твердый в совете, неуклонный в добре, – не был бы причиной позорных и печальных страниц французской истории без дикого замысла короля шутов, кинувшего Францию на край гибели и подвергшего короля монарха физическим и нравственным испытаниям.

V. Невер и Орлеан

*«Не надо славы мне, я не нуждаюсь в ней,
И до небес достичь, о, верь мне, не желаю.
Хочу любить тебя, хочу любви твоей –
И счастья большего я на земле не знаю»*

– Я знаю нечто более приятное, чем летний ветерок, более сладкое, чем поцелуй пчелы в чашечку цветка, более прелестное, чем махровая роза среди густой зелени, я знаю нечто более заманчивое, чем извилистые тропинки в зеленых долинах: это ослепительный бал, усеянный живыми цветами – женщинами, брюнетками и блондинками, розовыми и белыми...

Так говорил среди бальной толпы Ален Шартье, идя под руку с Кристиной Пизанской – прекрасной венецианкой, еще ребенком переехавшей во Францию вместе с отцом своим, астрологом Карла VI. Это была женщина поэт, в настоящее время вдова пикардийского дворянина, получавшая от Карла VI пенсию в двести ливров.

В ожидании, пока скрипачи и гудочники короля шутов подадут сигнал к танцам, толпа шла следом за двумя поэтами, узnanными, несмотря на маски.

Мэтр Гонен в данную минуту был особенно озабочен.

Преобладающей идеей у него была нажива и относительно целей он стеснялся ничуть не меньше того легендарного шута Тиля Уленшпигеля, из-за которого спорили Германия, Фландрия и Польша, приписывая себе каждая честь его рождения, и который забавлялся ограблением прохожих в Черном лесу. Точно также Гонен, шут короля, время от времени обирал двор. Превосходно загримированный и неузнаваемый по одежде, он разговаривал в уголке с одним своим родичем, Этьеном Мюсто.

– Видишь ли, кузен, – говорил он, – при дворе нужно только уметь воспользоваться благоприятным моментом. Сегодня ночью я проберусь к королеве, которая уж непременно станет благодарить меня за устройство праздника. Я воспользуюсь этим, чтобы представить ей тебя. Я знаю, что она готова посадить первого встречного на место короля оборванцев (*le roi des ribands*), которого терпеть не может из-за одного приключения, где он оказался не совсем скромным, и ты можешь быть уверен, что дело твое выгорит.

– Так-то так, – отвечал Мюсто, низкий нормандец, для которого экю от королевы и золотые флорины с орлом от короля всегда радовали сердце, – но каковы будут мои обязанности? Не трудно ли будет?

– Вообще нет, а то я не предложил бы тебе.

– Спасибо, – сказал нормандец, приподнимая своей корявой рукой шляпу с поднятыми полями и кланяясь с лукавым видом.

– А так как, сверх того, ты можешь оказать нам важные услуги...

– Ладно, да только мне хотелось бы знать определенно – какие будут плоды, а также обязанности этого королевского достоинства.

– Обязанности состоят в том, чтобы исполнять полицейскую службу в отеле Сен-Поль и присутствовать при исполнении каждого приговора парижского прево (старшины). Плоды же равняются тридцати динариям в год и сорока парижским су на одежду тебе и твоему лакею.

– Потом налог в пять су с каждой женщины, у которой золотой пояс.

– Вот это лучше, – проговорил, улыбаясь, нормандец, – дичи прибывает.

– Потом еще ты будешь получать платье всех тех, кого будешь отводить на виселицу.

– Ого!

– Ну, а уж о самой лучшей награде мы поговорим в благоприятное время.

Затем, король шутов вернулся к эстраде, где сидел его оркестр, и стал отдавать приказания музыкантам, в ожидании пока сир Гюг де Гизей прикажет начать играть, толпа все прибывала, а герцог Орлеанский с Мариетой по-прежнему прогуливались между группами людей замаскированных и незамаскированных, разговаривая на ту же самую тему.

– Видите ли, дорогая мадам де Кони, – говорил принц, –

я позову к себе его, вашего бульдога, и внушу ему, какую роль он должен играть. Золота! Сколько ему угодно золота! Ну, какой человек этого сорта не запляшет как угодно под музыку золотых монет!

– Я не могу слушать такие речи о человеке, имя которого ношу.

– Вот еще! Да ведь он получил благородство вместе с поместьем, которое я ему дал, а вовсе не по рождению. Правда, он и не вилан: семья его исстари служит – в суде. Мы называем таких людьми скрещенной породы... Кстати: куда он девался? Нам не пристало ходить так долго без него. Его отсутствие стесняет нас.

– Он, ваша светлость, вероятно, дожидается в той зале, где он оставил нас... Я пойду туда.

– Идите, милочка, и приходите поскорее. Говоря это, герцог проводил Мариету до дверей и пошел назад. Проходя, он слышал, как дяди и тетки его, разговаривая с Карлом де Савуази, точили на счет его язычки, и выражали предположение, что скоро вся Франция будет населена одними побочными Орлеанами.

Вошел герцог Неверский с сиром де Гизей.

– Вы здесь, кузен, – сказал Людовик, идя прямо навстречу своему врагу, – какой сюрприз! Но он был бы еще приятнее, если бы вы привезли с собой нашу милую родственницу – возлюбленную супругу вашу.

– Да, это я, я раздумал, – ответил герцог Неверский, – до

отъезда из Франции в Венгрию, я решил побывать на бале, чтобы потом сравнить изящный двор Карла VI с двором короля Сигизмунда.

– Потому-то и следовало привезти сюда нашу кухню. Женщины в этих вещах лучшие судьи, чем мы.

Герцог Бургундский, не отвечая, взял под руку сира Гизей и пошел дальше.

– Бык! – проворчал Орлеанский, – ступай бить неверных: всех не перебьешь!

Он смеялся, расхаживая по зале, когда какая-то женщина в маске и в черном домино подошла к нему и взяла его под руку, шепнув ему на ухо свое имя.

– Вы здесь, Маргарита! – сказал он глухим голосом.

– Да, ведь я же предупредила вас запиской.

– Правда, но ведь и муж ваш здесь.

– Он не узнает меня в этом костюме.

– Он бы убил вас, этот зверь!

– Ну что ж! Я готова умереть за тебя!

– Но я не хочу, чтобы ты умерла!

– Я пришла сказать тебе... Он заставляет меня ехать с ним в Венгрию, но я останусь твоей. Вот, возьми, береги это.

И герцогиня Неверская сунула в руку Орлеанского крохотный портрет, работы Жеана Море, того самого, который, как сказано выше, учил герцога живописи на фарфоре.

– Ты здесь очень похожа, обожаемая Маргарита.

– Прощай, Людовик. Осторожность велит мне уйти.

– Как! Так скоро расстаться с тобой! Я провожу тебя до отеля д'Артуа.

– Какое безумие!

– Пойдем.

Герцог Орлеанский напрасно старался пробиться сквозь толпу, которая стояла стеной: каждый старался удержать за собой место, чтобы получше видеть обещанный маскарад. Ведь король шутов поклялся, что превзойдет самого себя! А тем временем герцог обдумывал способ, как бы устроить новое свидание с Маргаритой.

– Маргарита, – сказал он, после минутного размышления, – возьмите этот золотой ключик – чудная работа одного мастера в Брюгге. Это ключ от подземного хода в мой замок де Боте, выходящего к часовне св. Сатурнина, куда ваш муж, конечно, не запретит вам пойти помолиться за успех экспедиции в Венгрию...

Герцогиня едва успела схватить и спрятать ключик, поданный ей Орлеанским. Богато одетая женщина, с маской на лице, страшным усилием воли пробившись сквозь толпу, стала перед ними с угрожающим видом. Она схватила герцогиню за ее монашескую рясу, – ибо та была облачена именно в этот костюм, – и проговорила, задыхаясь:

– Герцог! Вы похожи на волка с добычей, которому помещали уйти. Что это за овечка, у которой такая мягкая шерстка?

В те времена шелк еще не был известен. Он вошел в упо-

требление только при Карле VIII. Отсюда намек на шерсть.

Герцог Орлеанский с первых слов узнал Изабеллу Баварскую, которая продолжала теревить герцогиню за шерстяное платье, точно хотела разорвать его.

– Это не Мариета ли д'Ангиен? – продолжала королева, – или Колина Демер, или мадам де Молеврье? Ах, все зерна на четках долго пересчитывать!

– Сударыня, – возразил Людовик, – нашли ли бы вы уместным, если бы кто-нибудь разрешил загадку, под которой прячутся эти чудные белокурые волосы, эти молниеносные голубые глаза, эта лебединая шея, этот рост, в котором изящество соединяется с величием?

– Я сама нарушаю мое инкогнито: пусть и мне ответят тем же.

Она выпустила платье герцогини, чтобы отвязать маску. Герцогиня отступила, но Орлеанский не успел бы отвести ее дальше, если бы королева, стараясь развязать шнурки маски, не затянула их еще больше. Пока она старалась разорвать узел и на минуту зажмурила глаза, у герцога Орлеанского блеснула смелая, гениальная мысль. Увидев в нескольких шагах от себя Иоанна Неверского, он быстро подвел к нему его жену.

– Кузен, обращаюсь к вам, как к рыцарю, – сказал он с чувством собственного достоинства. – Для меня чрезвычайно важно, чтобы эта дама осталась неизвестной. Дайте честное слово, что вы не будете стараться узнать, кто она. Носил-

ки мои у ворот отеля. Проводите эту даму, не заговаривая с ней. Согласны вы?

– Вы принимаете меня за короля шутов, проворчал Невер.

– Я принимаю вас за полководца, которому дам больше войска, чем он от меня требовал.

– Хорошо, – сказал Невер.

Подав трепещущей в своем шерстяном платье женщине свою костлявую, волосатую руку и нисколько не подозревая, что маленькая ручка, лежащая в его руке, точно нежный алмаз в тисках, – рука его жены, он жестом открыл проход в толпе и удалился.

Все это произошло так быстро и так неожиданно для Изабеллы, что она, уже освободившись от маски, минуты две задыхалась от ярости, прежде чем могла подойти к принцу и сказать ему почти вслух:

– Вероломство! Измена!

– Изабелла! Опомнитесь! Я сегодня с ней в последний раз.

– С Мариетой. Так это она?

– Она!

– Ах! И вы привели ее сюда!.. Правда ли, что вы больше ее не увидите?

– Совершенная правда!

– Почему же она не с мужем?

– Она к нему отправилась.

– И это Невер оказывает ей такую честь, провожая ее?

– Как видите!

– А-а! Вы лжете! – продолжала Изабелла, увидя в эту самую минуту входящую Мариету, напрасно ожидавшую и искавшую сира де Кони. – Вы вечно лжете! Но я узнаю, кто была та!

Она кинулась к выходу; Орлеанский хотел удержать ее. Но предосторожность оказалась излишней: в эту самую минуту входил Невер, и Изабелла, оттолкнув Людовика, прошла мимо Невера, не заметив его.

Герцог Бургундский совершенно просто сказал Орлеанскому:

- Дело сделано! Я думаю, это стоит тысячи двухсот копий.
- Даю вам честное слово – вы их получите.
- Благодарю вас!

VI. Маскарад

*«Как красная змея, без формы и без меры,
Огонь вдруг выступил, шипя.*

.....»

Герцог Орлеанский в несколько минут пережил и пере-чувствовал все ужасы, все мученья страшного, давящего сна. Если бы Изабелла сорвала маску с герцогини перед ее мужем, это имело бы ужасающие последствия для него самого, для двора, даже для королевской власти.

Но он скоро оправился, когда герцог Бургундский поблагодарил его.

Оркестр короля шутов прервал танцевальную музыку и нестройный шум от многих инструментов, с которым соединялся крик многих голосов: «Шаривари!» возвестил вступление столь нетерпеливо ожидаемой маскарадной процессии. Ее составляли шесть замаскированных сатиров, за которыми шли многие тоже замаскированные лица в шутовских одеждах, держа в одной руке кухонные принадлежности, а в другой – пылающий смоляной факел.

В центре маскарада на паланкине, извергая всевозможные проклятия и ругательства, двигался Обер ле Фламен, которого теснили и удерживали те самые четыре гайдука, кото-

рые схватили его. На нем надета была длинная черная одежда, усеянная вышитыми белой шерстью рогами, на голове у него была бычья голова. За ним шли двое: один нес митру, украшенную оленьими рогами, а другой – посох, оканчивавшийся двумя рогами козла.

Каждый раз, как сир де Кони пытался протестовать словами, музыканты начинали трубить во всю мочь. Вокруг действующих лиц маскарада, шесть групп из фрейлин королевы и пажей короля, одетые в немецкие, итальянские и испанские костюмы, начали под звуки тамбуринов свои изящные хореографические эволюции, выдумывая самые отважные па и сопровождая это резким восклицанием: «Шаривари!» которое подхватывала вся публика.

Затем скакали, кривлялись и выделывали всякие эквилибрические фокусы чада короля шутов, одетые в костюмы мифологических богов: были тут легконогие фавны, рогатые сатиры, увенчанные тростниками реки, лесные богини, дриады, гамадриады, наяды с раковинами в руках. Все эти боги и богини были одеты в холщовые одежды, очень ярко раззолоченные. Другие актеры прикрыты были складками и картонажами, изображавшими сказочных чудовищ, диких лесных зверей, безобразнейших обитателей земли, воздуха и воды: здесь были коршуны, орлы, грифоны, даже ревуший осел и хрюкающий, вертевший хвостиком кабан, был и петух, на всю огромную залу кричавший свое резкое кукареку, сопровождаемое отчаянным концертом кошек, бесподобно

воспроизведенным.

Никогда еще не было устроено более совершенного «шаривари», оно было исполнено по распоряжению Суда любви и исторически верно описано.

Герцог Орлеанский, который в это время опять подошел к Мариете, нисколько не подозревал даже, что маскарад этот имеет отношение к нему. Шум оглушал его, и если мешал ему разговаривать, то благоприятствовал разговору глазами и пожатием ручки.

Но вдруг все смолкло, даже сам Обер ле Фламен, которому нарочно завязали рот. Это привлекло внимание принца и заставило его слушать.

Савуази, изображавший одного из сатиров, начал следующую речь громким, хотя измененным голосом:

– Объявляем о посвящении мессира Обера ле Фламена в епископы рогатых, что он заслужил, сочетавшись браком с девицей Мариетою д'Ангиен.

– Чтобы вас черт побрал! Негодяи! – заревел Орлеанский.

Но он не мог продолжать. Мариете сделалось дурно и нужно было поддержать ее, толпа ревела «Шаривари!», а королева, вернувшись с неудачной охоты, громко звала его, говоря:

– Принц, слушайте же вместе с нами! Ожидайте своей очереди.

Савуази продолжал:

– По приговору Суда любви, предстоящий здесь кандидат примет посвящение от его светлости герцога Орлеанского,

который вручит ему знаки его достоинства – митру с оленьими рогами и посох с рогами барана.

Оглушительный хохот пронесся по зале. Орлеанский, вне себя от гнева, бросился к сатирам и, вырвав из рук одного из слуг смоляной факел, замахал им.

– Это подлый фарс! – вскричал он. – Кто эти безумцы? Они осмеливаются касаться чести моей и госпожи де Кони. Клянусь Богом, что никто не выйдет отсюда прежде, чем я покажу ему как следует относиться к французскому принцу. Ну, долой маски!

Новый взрыв хохота ответил на это восклицание, и принц уже был готов осуществить свои намерения, как вдруг, вместо шести сатиров, которые скрылись в толпе, перед ним очутились шестеро других лиц, одетых в полотняные платья, которые, с помощью смолы, облеплены были паклей расчесанного льна, вида и цвета волос, по выражению Фруассара. Волосы здесь только для смягчения выражения: следовало бы сказать шерсть.

Эти импровизированные дикари, покрытые шерстью от головы до пяток, были никто иные как сам Карл VI, граф де Жуен, молодой и прелестный кавалер, мессир Карл де Пуатье, сын графа Валентинуа, мессир Ивен де Галь, молодой рыцарь де Фуа, побочный сын сеньора де Нантулье и сир Гюг де Гизей.

Орлеанский подбежал к ним, и «огонь вошел в лен», как выразился Фруассар, который рассказывает об этом проис-

шествии следующее: «Пламя огня разогрело смолу, которой лен был прикреплен к полотну, полотняные и насмоленные рубашки высохли и распались, и огонь, дойдя до тела, стал жечь его. А те, на ком они были надеты и которые чувствовали муки, стали горько и страшно кричать, и такая была беда, что никто не смел приблизиться к ним... Герцогиня Беррийская спасла короля от этой гибели, потому что сунула его себе под юбку и прикрыла его, чтобы затушить огонь, и сказала ему, ибо король хотел силой уйти от нее: – «Куда вы хотите идти? Вы видите, что ваши товарищи горят. Кто вы такой? Пора вам назвать себя». – «Я король». – «Ба, государь, так идите скорее надеть другое платье и покажитесь королеве, которая очень беспокоится о вас».

Нужно ли еще вырисовывать детали в картине, набросанной Фруассаром, описывать шум и гвалт этой сцены, когда около восьмисот человек хлынули через три или четыре выхода. Люди теснили друг друга, лезли куда попало, мяли под ноги других, пробирались по головам, с ревом и проклятиями, как во всякой суматохе, где каждый думает только о себе и кричит: «Спасайся кто может!» – Слышались крики: «Пожар! Пожар! Спасайте короля! Горю! Воды! Король замаскирован. Герцог Орлеанский поджог платье своего брата! Цареубийство! Братоубийство!»

Крики эти неслись из отеля «Сен-Поль» и расходились по всему Парижу.

Обер ле Фламен, геркулесовская сила которого до сих пор

сдерживалась четырьмя старыми служаками, которые при первой тревоге поспешили улизнуть, мог теперь освободиться от пут, сбросил свой наряд и, подбежав к бесчувственной Мариете, схватил ее, в несколько скачков перелетел расстояние, отделявшее его от главного входа отеля «Сен-Поль», и вышел оттуда со своей дорогой ношей.

Тем временем пирамидальный буфет, девять полок которого гнулись под королевской посудой, тарелками, блюдами, тяжелыми золотыми кружками, чашками и вазами различных форм, – подвергался серьезной опасности.

– Эй, кузен, – говорил Этьен Мюсто королю шутов. – Посмотри, как твои музыканты опустошают буфет.

– Что же, эти бедняки корчат знатных господ, – ответил Гонен тоном сострадания. – Ты очень грубо выражаешься, кузен, – прибавил он. – Люди эти – философы, занимающиеся алхимией.

– А-а, да! Это дело важное.

– Именно. И они обходятся без кубов. Ты еще и не на таких наглядишься.

– Это когда я буду заведовать дворцовой полицией, да?

– Ты удивительно понятлив.

– Еще бы! На то я нормандец!

– О! Еще какой... Бедный король!.. Бедное французское королевство! Всякий тянет к себе.

– Кроме тебя, кузен.

Между тем шум не унимался. Говорили о пяти-шести по-

гибших, в числе их называли сира Гюга де Гизей. Что же касается короля, то его наскоро перенесли в его комнаты и тщетно призывали его врача-астролога, которого дома не оказалось.

– Так как нам делать здесь нечего, – сказал король шутов, – ибо мы не имеем права делать мертвецов из живых, а наша астрология запрещает нам быть врачами, то лучше уйдем отсюда.

Выходя из отеля «Сен-Поль», они встретили Жеана Коке-реля, врача Иоанна Неверского, которого наскоро потребовали во дворец, взамен отсутствующего королевского доктора.

VII. Сумасшествие короля

*«Волиебница луна любимцев награждает:
Дарит им славу и венец,
И дурака порой в героя превращает
И в золото ценное – свинец».*

Неподалеку от отеля «Сен-Поль», построенного для того, чтобы, по словам указа 1364 года, служить торжественным отелем великих празднеств, напротив дворца де Турнель и близко к Бастилии, служившей и тюрьмой, и крепостью, возвышалась толстая стена, тянувшаяся от улицы Сен-Дени до Арсенала.

Стена эта защищала дворец, еще более чем Париж. На каждом углу отеля возвышалась башня, в которую можно было войти через низкую массивную железную дверь. Главная башня была шире трех остальных и заключала в себе две спальни, предназначенные для королевской четы. Первая из этих спален была бедна, грязна, уставлена кое-какой мебелью и старинной кроватью с давними занавесками: вторая была роскошно убрана; здесь мебель была черного дерева с резьбой, на обоях изображены были сцены из библейской истории. Напротив серебряного распятия удивительной работы, уставленного над аналоем также из черного дерева, висел

прекрасный портрет отца Изабеллы Стефана II, рисованный фламандским художником.

На широкое ложе короля, с изогнутыми ножками, со спинкой с готическими украшениями, ложе, занимавшем половину комнаты, положили Карла VI, не подававшего никаких признаков жизни. Шамбелан Савуази и секретарь Ален Шартье несли его через обломки и разрушение до этой самой комнаты, куда последовали и все те из придворных, кто не пострадал на пожаре. Слышались плачь и рыдания: рыдал и герцог Орлеанский – невольная причина этой катастрофы. Среди всего этого уныния, слуга доложил Изабелле Баварской, распростертой у изголовья своего супруга, что, за отсутствием королевского врача, предлагает услуги свои врач герцога Неверского.

– Идите сюда, Жеан, – закричал герцог Бургундский, – и, с помощью Божьей, спасите короля, нашего государя.

Все посторонились, чтобы дать место метру Кокерелю.

Невежество и самодовольство были преобладающие качества этого шарлатана, сыпавшего при всяком случае латинскими фразами более или менее собственного изобретения. Такова была нравственная сторона его. Что же касается физических качеств, то это был человек с длинным туловищем и толстым животом, продолговатое лицо его оканчивалось козлиной бородой, из-под вдавленного лба сверкали глаза; голос был резкий, кричащий. Для большего престижа, он носил одежду колдуна и бесновался, как одержимый сильней-

шим нервным припадком.

– Не бойтесь, ваша светлость, – ответил Кокерель. – *Ressusciterabo Regem.* (Я воскрешу короля). Прежде всего – вот змеиный порошок, – *pulvis reptilus!*

Он вынул из своей сумы маленький котелок с дужкой, всыпал туда щепотку порошка и подал лекарство герцогине Бурбонской, протягивавшей к нему руки.

– *Aqua et ignis!* (вода и огонь), – воскликнул он потом. – Принесите кружку и разведите огонь.

Он взял кружку из рук герцогини Беррийской, которая прислуживала с таким же рвением, как и герцогиня Бурбонская, и, приказав налить воды в котелок, велел герцогине Анжуйской поставить его на огонь, между тем как три герцога, их мужья, старались развести в очаге огонь, поочередно раздувая его с помощью железной трубы.

Кокерель сиял гордостью, видя, что ему прислуживают столь высокопоставленные особы.

Между тем как он доставал ланцет, чтобы пустить королю кровь, в комнату ворвалось новое лицо.

Это был метр Гильом Гарсели, доктор герцога Орлеанского.

Гарсели знал еще кое-что иное, чем Кокерель, но не знал того же, что и тот. По внешности они также мало походили друг на друга, как и по знанию. Гарсели был худой, как скелет, голова у него была кудлата как у Авессалома, лицо тонкое, как бритва, на длинном носу сидела пара грубых очков.

В комнату он влетел так стремительно, как будто хотел натиском своим расколоть ненавистного соперника.

– Что я вижу? – закричал он. Что это такое? Метр Кокерель со своим ланцетом и мазями? Да поможет мне великий Авероес!

– Метр Гильом, – величественно ответил Кокерель, – я пришел раньше вас, и вы ничего не можете возразить против моих средств. Всякая болезнь, по мнению Гиппократата, происходит от нарушения равновесия жидкостей. В данном случае, красный цвет лица указывает на воспаление и засорение крови. В таких случаях, нужно удалить эту жидкость через кровопускание *usque ad deliquium*, как говорит Галлиен, и употребить медикаменты прохладительные.

– Галлиен врет!

– Галлиен?.. Врет?

– Твой Гальен бездельник, жакист, мальотинец!

– Богохульник!

– Да и Гиппократ такой же...

Доктора уже готовы были вцепиться друг другу в волосы, когда им заметили, что королю очень нужна их помощь. Они воздержались от драки, но продолжали переругиваться. Кокерель не унимался:

– Называть Гиппократата и Галлиена жакистами и мальотинцами, когда те враги короля!

– Я хотел сказать, – прервал его Гарсели, что их медицина годна только для простонародья, так как она состоит из

самых простых средств и кровопусканья, которыми цирюльники лечат на рынках, да банщики в банях. Подобное лечение неприлично для лиц благородной крови, а тем паче для королевской. Для таких больных приличествуют средства драгоценные, каковы вино с примесью серебряного порошка – *vinum argentatum*, или же раствор толстых золотых цепей, или, еще лучше, настоящие алмазы, как это рекомендует Шольяк, – в пальмовом вине, или некоторое применение камней, сделанных под влиянием созвездий – *gemmae constellatae* в нечетном числе.

Этот набор слов льстил тщеславию, и люди надменные не понимали всей их нелепости. Одобрительный шепот поощрял оратора. Один герцог Бургундский хранил молчание.

Между тем явилось новое лицо. Это был высокий и толстый человек, с бледным полным лицом, густой бородой и торжественной походкой. Это был миланский уроженец Руджиеро, астролог и врач Карла VI.

– Optime! – закричал он, – да, метр Гарсели, ваше предложение превосходно, но только при условии участия светил. К черту галенова осла! Он годен только лечить животных!

– Как! Я – осел! – отрезал врач герцога Бургундского, я – осел, я, который знает геоманцию, гидроманцию и пироманцию! Да спасет Бог короля, если обойдутся без меня! *Vivat rex! Vivat rex!*

И он удалился, с восклицаниями, подымая руки к небу. Когда он вышел на улицу, теснившийся перед отелом народ

окружил его, засыпал вопросами и, выслушав его объяснения, принял его сторону и разразился проклятиями герцогу Орлеанскому, которого называли братоубийцей – за то, что он послал к королю своего доктора-отравителя.

Оглушительный шум и крики, в которых ничего нельзя было разобрать, достигли балкона, куда вышел герцог Орлеанский вслед за Гарсели и Руджиеро, которые пошли совещаться со звездами.

– Что кричит это мужичье? – спросил герцог Орлеанский.

Вместо ответа, оба астролога стали указывать ему на то, что совершалось на небе.

– Глядите, ваша светлость, – вскричал торжествующий Руджиеро, – Лев противостоит Водолею, на расстоянии трона и в упадок Зодиаку.

– Метр, – прервал его герцог, встревоженный доносившимся шумом, – смотрите вниз, а не вверх и постарайтесь объяснить мне, чего хотят все эти кричащие люди.

В ответ на это послышался страшный крик, покрывший все остальные:

– Король, король! Короля убили? Давайте убийцу! Давайте Людовика Орлеанского!

Астрологи, боясь, что в них начнут чем-нибудь кидать, объявили, что окончили свои наблюдения, и отправились подавать помощь королю, который обошелся без нее и уже начинал приходить в себя.

– Ну, вот, дождались! – сказал Карл де Савуази, – народ

бунтует, уходите, ваше высочество. Вон, смотрите, они уже лезут на приступ по выступам стены!

– Какая низость. Но ведь вы знаете, что это только несчастная случайность, и что мне не в чем упрекнуть себя...

– А вы думаете, так они и станут слушать ваши объяснения? – вмешалась королева, вдвойне встревоженная и опасным положением короля, и возможностью гибели любовника. – Бегите, принц, скройтесь на несколько дней.

– Бежать? Скрываться? Мне? Никогда! Оставить больно-го брата? Неужели вы, королева, можете давать мне такие советы?

– Да разве я не буду заботиться о короле, – отвечала Изабелла.

Тогда и все присутствующие закричали:

– Бегите, принц! Бегите, не подвергайте себя неистовству черни!

Эти единодушные просьбы быть может подействовали бы на герцога, но герцог Бургундский, в просьбах которого слышалась насмешка, удержал принца.

– Брат мой, – сказал он, – придя в чувство, должен увидеть своего брата, живого или мертвого, возле себя, Я остаюсь, что бы ни случилось. Крик, заглушивший все остальные, раздался, как вызов:

– Короля! Мы хотим видеть короля. Астрологи ответили на это:

– Слава Богу, он открывает глаза. Ален Шартье побежал объявить радостное известие народу, но безуспешно.

– Нас обманывают, – крикнул длинный и мускулистый парень, голова которого показалась над балконом.

Гарсели вышел на помощь Алену Шартье.

– Да, король спасен, благодаря сделанному под влиянием созвездия вот этому кольцу, которым я прикоснулся ко лбу его, – сказал он, показывая блестящий перстень.

– Мы поверим вам, когда сами увидим короля, В это время Карл VI прошептал:

– Что это за шум?

И с помощью своего астролога, королевы и герцога Орлеанского, король поднялся на постели.

– Пусть нам покажут короля, – продолжал тот же человек угрожающим голосом.

И он закинул ногу, чтобы перелезть на балкон.

Стоявшие внизу и колотившие в стену собирались подняться тем же путем и ревели:

– Король! Король!

Крик этот, разносясь в пространстве, как и звон большого колокола церкви парижской Богоматери, охватил и восемь новых кварталов, включенных последним указом Карла VI в черту города Парижа, обнимавшую до того 1284 десятины земли. Черта эта начиналась от улицы Сен-Накез, потом пересекала нынешние сады Пале-Рояля, затем шла вдоль улиц Фоссе-Монмартр, Пети-Карро и по направлению старинных

бульваров до арсенала, соединяя всю южную часть Лувра с островом св. Людовика.

Жителей в Париже было в то время не более трехсот тысяч: но этого было слишком достаточно для того, чтобы из этой массы народа, случившейся в одном месте, образовалось бушующее море человеческих голов, издававших один вопль.

– Мы хотим видеть короля!

В такую минуту никому из вельмож, хотя бы проникнутых тем же презрением к черни, как и герцог Орлеанский, не приходило в голову выслать стражников против этих масс, – грязных, безобразных, оборванных, чтобы прогнать их палками. Народная стена, обрушившись на них, раздавила бы их, как червей... Нужно было повиноваться толпе.

Тогда герцог Неверский, пользовавшийся любовью народа, предложил удовлетворить этому настоящему требованию.

– Нельзя ли, – сказал он, – ради успокоения парижского народа, показать короля в окно хотя на несколько минут?

Дяди короля обратились к Карлу VI, обморок которого совсем прошел, прося его сказать несколько слов верным подданным.

– Добрые люди, – простонал Карл VI, – я сам хочу их видеть!

Его наскоро одели и Невер, при помощи герцога Орлеанского, поднес его к окну.

– Король воскрес! – загремел прежний парень, стоявший настороже.

Он спустился или скорее прыгнул на улицу, продолжая кричать:

– Король воскрес!

Необъятное эхо повторило те же слова. Тем временем король, которого поддерживали, потому что он шатался, проговорил:

– Эге! Так я значит умер и погребен! Эге! Я осужден, как неверный. Ах, сколько народу в аду! Я прошел через огонь, нас было шестеро в одном костре!

– Отойдем от окна, – печально сказал Орлеанский, – это страшное потрясение подействовало на его рассудок, и я причиной...

– Ради господ, герцог, не говорите этого, – прошептала Изабелла.

– Кто говорит о господе между грешниками? О! Как их много в этой адской долине! И король в ужасе простер руки к толпе.

– Отведите его, отведите! – повторял Орлеанский.

Короля отвели от окна. Пока затворяли окно, слышно было как толпа рассыпалась с песнями, с хохотом, останавливаясь у таверн, чтобы выпить за здоровье воскресшего короля.

Короля усадили в большое кресло с готической спинкой, перед очагом, в котором успели развести огонь, но, при виде пламени, Карл VI выпрямился, вскочил на кресло и стал на

нем, точно статуя на постаменте, сбросил с себя шубу, в которую его закутали, и так как на нем осталось еще несколько клочков потухшей пакли, он сказал:

– Что же я такое сделал, чтобы быть проклятым? Хоть у меня уже шерсть и рога, как у дьявола. Хоть и когти черные, и пахнет от меня гарью.

– Государь, успокойтесь, – сказал Савуази, – ваше болезненное состояние лишь следствие несчастного случая, невольной причиной которого был его светлость герцог Орлеанский.

– Людовик! Да это Людовик убил меня за преступления против моего народа! Он хорошо поступил. Я проклят.

– Боже милосердый! – воскликнули присутствующие, – король, государь наш, лишился рассудка.

Каждый поник головой. Изабелла закрыла руками лицо, но она думала о том, что теперь и без преступления добыча не ускользнет от нее: она будет регентшей.

– Кто говорит, что я лишился рассудка? – вскричал Карл VI уже в полном беспамятстве. – Сумасшедший? Я, король? Разве это возможно? Нет, я не хочу. Я хочу танцевать. Он бросился в залу, скача и ломая все, что попадалось под руку. Лицо у него было багровое: началась рвота кровью, брызги которой попали в глаза. Потребовались общие силы герцогов Неверского и Орлеанского, чтобы удержать его.

Они отнесли его в постель, где он затих, весь покрытый потом. Так он проспал целые сутки, под присмотром четы-

рех здоровенных солдат и двух астрологов-врачей, уже не отходивших от него.

А народ продолжал торжественно праздновать его выздоровление.

На следующий день помешательство не прошло, но оно обратилось в тихое и прерывалось лишь иногда проблесками здравого смысла. В одну из таких минут Изабелла успела захватить себе председательство в совете. Она также успела добыть подпись короля на отправку в Венгрию герцога Неверского; но это были лишь отдельные проблески разума. Король впал в состояние близкое к идиотизму, которое уже никогда вполне не проходило.

VIII. Старый дом

*«Раздался крик совы. Драконов адский рой
На шабаш полетел, за ними домовой.
К развалинам спешат немые привидения.
Вампиры кончили свои приготовления».*

Суеверие и варварство средних веков поражают не столько своей силой, сколько продолжительностью. Возрождение позолотило пучину, но не засыпало ее.

Брантом поздравлял Франциска I с тем, что он воздвиг большие костры для протестантов и проложил путь к богу великим и спасительным всеожжением.

Ученейший и мудрейший Дюшатель верил в астрологию и считал ее великим искусством, которое может изменить законы природы и всего мира.

Маркиз де Салюс изменил другу своему Франциску I и получил щедрую награду от Карла VI за оказанную ему услугу, потому что один колдун предсказал ему, что дело Франции проиграно.

Екатерина Медичи устроила Варфоломеевскую ночь не ради одной жестокости: так указали ее амулеты. Даже сам Людовик XIV преследовал протестантов из благочестия и искупал грехи свои жестокостями.

В XIV веке дух тьмы царствовал еще полновластно. Это мы ясно увидим из последующих сцен, жестоких, но правдивых.

Теперь вернемся к Оберу ле Фламену, которого мы оставили, когда он уносил свою жену. В этом человеке сказалась его эпоха. Две невидимые феи, управляя его юностью, должны были сделать из него или очень умного, или совсем глупого человека. Сделавшись солдатом, он соединил в себе и ум, и глупость, и оба эти качества друг другу не мешали.

Будучи сыном прокурора в Шателе, он оставил канцелярскую службу при отце, вследствие подвига, не имевшего ничего общего с прокуратурой. Раздраженный постоянными приставаниями и насмешками клерков, своих сослуживцев, потешавшихся над его смешной фигурой, он убил одного из них кулаком и затем бежал в глубь Орлеанской провинции, к одной из своих теток. Тетка эта жила доходом с небольшого стада овец и коз, которое она и предложила ему пасти.

Выбирать было не из чего, и Обер принял предложение тетки. И вот новый пастух с упоением отдался уединению. Надев шапку, изъеденную дождем и ветром, забившись куда-нибудь в расселину скалы или в густой кустарник дрока, он проводил целые дни, вперив глаза в бесконечную даль, созерцая облака, любуясь их странными и разнообразными формами. С наступлением ночи, лежа в своем переносном шалаше, откуда он как будто бы наблюдал за стоявшим в загоне стадом, он слушал и по-своему истолковывал тысячи

ночных звуков. Завыванья бури, раскаты грома, крик сычей, вой волков – все эти звуки для Обера были голоса человеческие, которые он объяснял какой-нибудь, где-то происходившей драмой, в которой дьявол, само собой разумеется, играл главную роль. Эти постоянные галлюцинации довели его до истощения. Он боялся своих собственных химер и, в один прекрасный день, он променял пастуший посох на мушкет.

Не правда ли, что у Обера ле Фламена было то же призвание, что у Игнатия Лойолы? Он тоже был солдат-мистик. Закаленный воин был в то же время мечтателем. Из него мог бы выйти воинствующий священник. Читатель увидит впоследствии, почему мы так особенно подчеркиваем религиозную сторону этого человека, сурового по внешности, но душа которого, можно сказать, всегда молилась внутри.

Женитьба пробудила в нем все прежнее суеверие, после унижительной овации, какую ему устроили при дворе; старый дом, куда он скрылся с женой своей, пробудил в нем и страх демона, и горячую мольбу к небу.

Этот старый дом был не что иное, как обширная развалина. Он состоял из нескольких сырых зал, потрескавшихся и убранных паутиной, разломанные двери и окна без стекол давали ветру полную возможность гулять на просторе. В одной из зал, вместо всякой мебели, стояло деревянное сиденье в готическом вкусе, изъеденное червоточиной, куда он, как умел, уложил Мариету, прикрыв ее собственной одеждой, и придвинул ее к очагу, в котором развел огонь.

Мало-помалу, новобрачная согрелась, а к Оберу вернулось его хладнокровие.

Ускакав из Парижа вдвоем на одной лошади, супруги заезжали, на опушке Венсенского леса, в замок де Боте, к которому приписано было и вновь подаренное Оберу имение. Здесь сенешал передал сиру Кони документы на владение.

Они также должны были прослушать обедню в маленькой церкви св. Сатурнина, прилегающей к монастырю, куда должна была войти на девять дней герцогиня Неверская, чтобы помолиться об успехе экспедиции в Венгрию.

Экспедиция эта, о которой только теперь узнал Обер, не давала ему покоя.

– Cordieu! – сказал он Мариете, – если бы, сударыня, вашему счастливому супругу нечего было делать, то он непременно бы отправился туда воевать, чтобы испытать справедливость поверья.

– Какого поверья, мессир? – спросила супруга.

– Говорят, если христианин убьет неверного, то все черти ада уже не имеют над ним власти.

Храбрость сира Кони, как видно, всегда поддерживалась страхом сатаны.

Пока молодая чета разговаривала перед топившимся очагом, собрались слуги и вассалы поздравить с приездом нового владельца.

Впереди толпы шел человек небольшого роста, сухой, желтый, со сросшимися бровями, но добродушный тон ко-

того противоречил его облику. Это был господин бальи.

Несмотря на его внешность, он любил доброе вино, и долг заставлял его выпить в честь сира де Кони.

– Да есть ли у меня вино? – спросил Обер ле Фламен.

Вина скоро достали, в соседнюю залу выкатили несколько бочонков, откуда-то принесли съестных припасов, и новый владелец замка имел удовольствие услышать те крики, которыми приветствуется всякое принятие власти.

Он почувствовал полное удовлетворение своей гордости. Герцог Орлеанский оказывался действительно великодушным и добрым принцем, а та злая шутка, жертвой которой стал Обер ле Фламен, была не что иное, как следствие зависти, возбужденной его блестящим успехом.

Теперь только одно обстоятельство поддерживало грустное настроение нового владельца, это запустение его дома.

Он обратился с расспросами к бальи.

– В этих залах, должно быть, давно никто не жил? – спросил он.

– Да, здесь никто не жил со смерти мессира Легоржю, а этому уже пятнадцать лет. Так как после него не осталось детей, то поместье снова поступило во владение сюзерена и оставалось необитаемым. Его светлость, конечно, прикажет отделать его, починить обрушившиеся стены, вставить двери и окна. Это, конечно, помешает чертям и колдунам собираться здесь каждую ночь и поднимать здесь гам, как теперь.

– Как! – вскричал колосс с нескрываемым ужасом, кото-

рый передался и Мариете.

– Уверены ли в том, что говорите, господин бальи? – спросила она, дрожа.

– А кто же, сударыня, осмелится усомниться в том, что господин Сатана каждую ночь справляет шабаш в различных местах?

– Э, конечно, никто в этом не сомневается, – поспешил заявить Обер, из страха как бы не скомпрометировать себя перед чертом... – но отсюда еще не следует, чтобы шабаш непременно совершался здесь.

– Увы, мессир! Это слишком хорошо известно всем живущим в округе. Этот дом пользуется такой же славой, как Вовер или земля Mont le heru.

– Боже истинный! Если это так, то мы сейчас же возвратимся в Париж и будем ждать, пека починят это жилье. Но что это за человек в ливрее герцога Орлеанского? Уж не пришел ли он от имени сенешала предложить нам кров в замке де Боте?

– Мессир! – сказал новоприбывший, развертывая пергамент, – вы, вероятно, владелец поместья Кони.

– Я сам.

Посланный поклонился и прочел:

– «Именем его высочества Людовика Французского, герцога Орлеанского, владетеля кастелянства де Боте и причисленных к нему имений, Обер ле Фламен, как ленник его, обязан прислать ему третью часть вина, мяса и хлеба, куплен-

ных им для угощения своих людей, по случаю вступления во владение своим именем, каковая третья часть следует по праву сюзерену».

– Это такой обычай, господин бальи? – спросил Обер.

– Да, таков обычай, а во Франции обычай тот же закон.

– Ну, так нечего и возражать.

– Нечего; это столь же священно, как и десятина в пользу церкви.

– Видите ли, господин бальи, у меня никогда не было поместья. Я совсем не знал, какие повинности...

– На вас лежат еще многие другие, как на вавассоре (vavasseur), т. е. на таком вассале, у которого есть свои вассалы. Но, с другой стороны, вы также имеете известные права относительно ваших подданных; это вознаграждает одно другим.

– А-а! Так у меня есть и права...

– Да, право рубки лесов (drou de taille), барщины, мелкое судопроизводство, а изредка и виселицы.

– Гм... виселицы. Это отлично, но я слышал, что после речи университетского канцлера к Карлу VI, нашему государю, все эти права были отменены.

– Для Парижа – весьма возможно, но только не для провинций, здесь все по-старому. Таким образом, как я уже докладывал вам, вы имеете право вешать. Если на земле вашей совершено преступление, вы можете требовать повешения виновного.

– Ах, Боже мой! Какой ужас! – вскричала Мариета.

– Почему же, сударыня? Это еще принесет вам честь в глазах тех, кому придется проезжать эти места.

– У вас хорошая логика, господин бальи, – заметил Обер, – впрочем, если я буду уж слишком строг, то жена моя будет пользоваться своим правом помилования.

Затем, обратясь к слугам, он сказал:

– Исполняйте приказания его светлости герцога Орлеанского.

IX. Право сюзерена

«Когда подобные факты внесены в законы, где они именуются правами; когда текст этих законов подлинный и обнародован, то официальная роль отрицания становится невозможной».

Обмануть фиск считалось издавна большим удовольствием. Поэтому лакеи и чернь припрятывали для себя столько же вина и мяса, сколько и отдавали, и хохотали во все горло, когда их ловили в плутнях. Более никаких последствий не было, всем было весело и только.

Но не весело было в той зале, где Обер ле Фламен, при всей своей храбрости, не мог удержаться от какого-то тяжелого предчувствия, чем ближе подходила ночь в той зале, где Мариета слишком много думала о герцоге Орлеанском, по мере того как приближался момент, когда ей нужно будет думать только о муже, и где бальи, глядя на новобрачных, размышлял о некоторых правах, предъявить которые мог герцог Орлеанский, не зная того, что герцог уже заранее воспользовался ими.

– Метр бальи, – начал сир де Кони, – здесь невозможно остаться на ночь. Нельзя ли где-нибудь поблизости нанять дом до завтра?

– Невозможно, мессир... Здесь поблизости только жалкие

лачуги.

– Следовательно, все эти люди будут до завтра здесь плясать и веселиться, но ведь не спать две ночи – это тяжело, неправда ли, madame де Кони?

– Что же делать, мессир, я готова покориться необходимости.

– Но я на это не согласен, моя прекрасная супруга, вы ведь, действительно, моя жена, хотя я до сих пор еще не имел случая в этом убедиться... Но что это! Опять лакей из кастелянства! Чего еще тут забыли?

Действительно новый посланный, опять в ливрее герцога, вошел в залу, в сопровождении нескольких крестьян, которые, видимо, чуяли носом, что сейчас произойдет нечто весьма для них интересное.

Как и прежний посланец, он развернул пергамент, к которому была прикреплена печать герцога Орлеанского, и, после почтительного поклона, прочел внушительным голосом следующее:

«Именем его высочества Людовика Французского, герцога Орлеанского, сюзерена кастелянства де Боте и причисленных к нему владений, Обер ле Фламен, ленник его по поместью Кони, обязуется немедленно прислать в замок де Боте Мариету д'Ангиен, на которой он женился, при благосклонном покровительстве герцога Орлеанского, которому, согласно обычаю, он должен предоставить право первой ночи».

– Кровь и смерть! Ты лжешь! – заревел Обер.

– Я не лгу: я исполнил свое поручение. Мариета в ужасе подалась назад.

– Герцог неспособен на такую мерзость, – продолжал Обер.

– Позвольте, мессир, – вмешался бальи внушительным тоном, – подобные разговоры здесь совсем неуместны. Это обычай столь же древний, как и монархическая власть, и вы можете пользоваться им в отношении ваших вассалок... одно другим вознаграждается.

– Нет, нет! Этого быть не может, и притом герцога теперь нет в замке... Это какая-нибудь подлость сенешаля.

– Герцога в замке теперь нет, это правда... но он завтра прибудет, – возразил посланный, которому присутствие бальи придавало смелости.

– И ты пришел сюда по его приказанию?

– По приказанию его светлости, – вот его печать, вот герб его.

Обер взял пергамент, развернул его, разорвал, растоптал ногами и ударил слугу в лицо.

– Отнеси ему это, – кричал он, бросая клочки в лицо посланному.

– Вам легко бить бедного слугу, который только исполнил свою обязанность: но за мною едет сенешал, он подтвердит мои слова.

– Клянусь святым моим патроном, пусть он придет сюда.

Не бойтесь ничего, сударыня.

– Мессир! – прошептала Мариета дрожащим голосом, не подвергаяте себя такой опасности... обещайте... сделайте вид, что вы согласны!

– Не бойтесь, говорю вам! Вассалы, вы обязаны повиноваться мне!.. Я надеюсь на вас!

Крестьяне, разгоряченные вином, увлеченные воинственной осанкой своего господина, крикнули с энтузиазмом: «Так! Так!»

– Ого-го! – пробормотал бальи, – это уже пахнет бунтом!

И, посмотрев в окно, прибавил:

– Мессир, поверьте мне, покоритесь, пора уж: вот и сенешал с отрядом стрелков.

– Покориться!.. Никогда! И, обратясь к вассалам:

– Эй! Друзья мои, у кого есть сердце, послужите вашему господину. Долой сенешала! Долой похитителя чести!

– Так, так! Вон отсюда сенешала! – крикнули несколько пьяных голосов.

Большая же часть не решалась и молчала, охлажденная видом сенешала, который входил уже в дом.

– Слушайте, стрелки, – сказал сенешал своему конвою, – здесь не понадобятся ни секиры, ни пики: ослабьте луки и пики, и бейте просто деревом этих мерзавцев, которые, честное слово, все пьяны.

Услышав это приказание, из всей толпы козлятников, коровников, оброчных и барщинных земледельцев послыша-

лись голоса:

– Э, мессир сенешал, это не я, не я. И по всей зале пронеслось: не я, не я!

– Ах, так вот какова ваша храбрость! Хмель видно прошел! Итак, прошу передать мне вассалку, согласно обычаю.

Обер, схватив Мариету за талию и размахивая шпагой, кричал на сенешала:

– А ну-ка подойди и возьми ее!

– Мессир Обер, – отвечал сенешал с величайшим хладнокровием, – вы совершаете большое преступление: супруг, который противится столь древнему и столь справедливому праву, осуждается, по старинному обычаю, на страшную казнь: его лишают свободы, влекут на двор сюзерена, привязывают к столбу и отдают на растерзание охотничьим собакам сюзерена.

– И вы находите это справедливым? – яростно закричал Обер. – Если вы живы, значит, вы обошли это?

Сенешал не возражал: но бальи вмешался докторальным тоном:

– Право это внесено в законы с первых времен монархии, даже владельцы духовного звания имеют право им пользоваться, но они воздерживаются от этого, предпочитая взимать за это деньги, которые употребляются во славу Божию. Если же женатый вилан живет далеко от поместья, то господин, теряющий таким образом права первой ночи, получает со своего вилана денежную пеню (*trois sols de culaige*). Cum

villanus maritat filiam suam extra villanagium, debet tres solidos de culagio.

Судья долго бы еще перечислял свои законы, но терпение у сенешала истощилось. Заметив это, посланный, прибывший со вторым требованием герцога Орлеанского, перебил речь законника:

– Мессир! – сказал он, обращаясь к сиру де Кони, – я главный надсмотрщик герцогской псарни... мне же и придется спускать ее на вас... избавьте меня от этой печальной необходимости.

В ответ на это Обер только презрительно улыбнулся.

– Ну, мужичье, – закричал сенешал, – говорю вам в последний раз. Подавайте мне молодую, а не то я расправлюсь с вашей деревней: пуцу в ход право выемки, восстановленное герцогом Орлеанским в вашу пользу, да вдобавок еще кое-кто из вас попробует у меня и веревки.

– Право выемки! – повторили в ужасе виланы, для которых всего чувствительнее были штрафы.

И точно также, как они готовы были защищать Мариету, они теперь бросились, чтобы схватить ее. Но Обер так страшно размахивал своею шпагой, что никто не решался подступить.

Тогда сенешал scomандовал стрелкам взять непокорного.

Один из самых проворных попробовал вскочить ему на плечи, чтобы остановить движение руки, но упал с распоротым животом: второму Обер разрубил череп, третий с пере-

резанным горлом свалился на двух товарищей. Но четвертому удалось оттеснить Обера от наличника камина, о который он опирался, и принудить его прислониться к стене. Обер, вынужденный на мгновение отвести свою левую руку от талии Мариеты, чтобы схватить ближайшего стрелка, выпустил ее: Мариета без чувств упала на пол. Обер перешагнул через нее, схватил стрелка, задушил его и бросил к ногам сенешала.

Это изумительное сопротивление еще раз произвело поворот во мнении черни. Они любили силу и не терпели стрелков: быть может они поддержали бы своего господина, но в это время сир де Кони, желая лучше защитить Мариету, подался вперед: к несчастью, он поскользнулся в крови, покрывавшей плиты, не удержался и, боясь упасть на лежавшую Мариету, бросился в сторону и упал рядом с нею.

Очувтившись на полу, он не мог уже встать: на него накинулись, скрутили его, связали веревками, которые впились ему в тело. Он мог только рычать:

– Ко мне, друзья! Помогите мне! Убейте меня! Да убейте же!

Бесчувственную Мариету унесли; крестьяне, не смея уже колебаться последовали за стрелками, и судья, оставшись почти один с мертвыми, ранеными и сиром де Кони, говорил ему отеческим тоном:

– Мессир, мне стыдно за вас. Я не знаю, как его высочество взглянет на ваше непозволительное сопротивление уко-

ренившемся обычаю. Отговориться незнанием вы не можете. Согласившись стать его ленником, вы знали принимаемые вами на себя обязанности. Вы могли отклонить от себя дар поместья Кони. Вы пролили кровь, вы ранили нескольких стрелков, представителей власти владельца... Вам предстоит ответить за это сопротивление перед окружным судом в Ножане.

Сенешал стоял на пороге: теперь повел речь он:

– Жена вассала в моей власти, – сказал он, – миссия моя окончена. Что касается вас, виланы, так как вы вернулись к исполнению своих обязанностей, то я охотно избавляю вас от права выемки и довольствуюсь налогом по 20-ти золотых су с каждого. Но только требую, чтобы золото было с изображением Карла V, так как золото нынешнего царствования стоит полцены: во время малолетства нашего короля, монеты чеканились наполовину с лигатурой. Ну, я сказал.

Он сел на лошадь и уехал.

– Двадцать золотых су! – плакались крестьяне. – Но ведь это разорение!

– Боже правый! – стонал Обер, обращаясь к своим вассалам, – значит у вас нет ни жен, ни дочерей, ни сестер! Кто же вы после этого, подлецы, жакисты? Денег вам нужно, что ли? Поройтесь в моей сумке, возьмите себе на военные издержки, ибо мы пойдем брать замок де Боте. Ну скорей, развяжите меня: я вооружу вас, мы пойдем... Увы! – прибавил сир де Кони, оглядываясь вокруг. – Все ушли, оставили ме-

ня, но не затем, чтобы отомстить за меня!

В отчаянии, он напрасно бился в своих путях, когда из темного угла вышел мальчик пастух, забившийся туда со страху и с участием подошел к нему.

– Не все ушли, мессир, – вполголоса сказал он.

– А ты кто?

– Один из ваших пастухов.

– Нож у тебя есть?

– Есть, мессир.

И ребенок разрезал путы колосса. Обер встал.

– Мессир! – начал опять пастушок, обращаясь к бывшему пастуху, – если бы я смел дать вам совет...

– Говори.

– Я бы посоветовал вам обвести вокруг себя три раза круг и крикнуть: «Могущественный господин Сатана, прошу вас, явитесь ко мне на помощь». Он придет.

Суеверный Обер покачал головой; совет ему понравился; однако, в ярости, он протянул сжатый кулак и сказал:

– Я сам Сатана и наделаю страшной чертовщины.

Пастушок не стал ждать благодарности: он испугался и дал тягу.

Х. Метр Гонен

*«Колдунья, полночь бьет! Метлу свою седлай
И на поляну в лес скорее поспедай –
Над дубом вековым уж шабаш весь собрался,
И на козле верхом сам Сатана примчался».*

Оставшись один и уже на ногах, Обер ле Фламен толкнул одну дверь и, сдернув толстый слой паутины, вошел в залу, уцелевшие окна которой не давали прохода воздуху, свободно гулявшему в других комнатах, отчего здесь сильно пахло плесенью. Если стекла и были целы, то их покрывал такой слой грязи, что дневной свет не проникал сюда вовсе. Обер, человек, как нам известно, суеверный, чувствовал себя не совсем хорошо среди этой темноты, сопровождаемой еще удушающим запахом. За минуту до того храбрый, теперь колосс дрожал как ребенок. Перед его отуманенными глазами носились тени, принимавшие различные очертания. Одно мгновение ему казалось, что он видит Мариету и сенешала. Он кинулся схватить одну, ударить другого, но поймал только пустое пространство. Вне себя от ярости, он треснул другую дверь так, что она разлетелась, и через нее вошел уже в очень большую комнату, в старину служившую залой васалов. Здесь ему показалось будто пахнет серой, что, как из-

вестно, и составляет атмосферу шабаша.

– О, – прошептал он с ужасом, потом, вдруг прибавил:

– Ну что же! Если я увижу Сатану, я буду просить его отомстить за меня! Долой этот страх, недостойный меня! Я отдам душу мою за жизнь этого подлого герцога! Презренный! Он теперь может быть сжимает в объятиях мою красавицу Мариету. Довольно! Я не отступлю.

Он очертил вокруг себя волшебный круг и произнес дрожащим голосом:

– Господин Сатана, прошу вас явиться ко мне на помощь.

Потом он стал прислушиваться, в ушах у него звенело, но ни одного ясного звука не было слышно.

– Однако, – прошептал он, – достоверно известно, что в аду слышат все проклятия, точно также как на небе слышна каждая молитва.

Он прошел несколько шагов, разминая дрожащие ноги, и повторил уже громче:

– Господин Сатана, прошу вас явиться мне на помощь!

Вдруг – о чудо! Ему показалось, что в отдалении блеснул свет, будто блуждающий огонек.

– Не блестит ли это алмаз, который Сатана носит во лбу? – сказал он сам себе, не попадая зуб на зуб от страха.

Почти в ту же минуту он услышал разговор, очевидно бесовский.

– А что, пасть адова раскрывается во всю ширину? – спрашивал какой то могильный голос.

– Раскрывается, хозяин, – отвечал другой, не менее горбовой голос.

– А котел для осужденных?

– Он горяч и глубок: если спустить туда всех мужей, которые в аду, то он не будет полон.

Этот намек на его супружеские несчастья мог бы возбудить его недоверие: но Обернисколько не удивился, что в аду уже все знают о его бедствиях.

Холодный пот выступил у него на лбу.

Тут он увидел неясные, прихотливые тени, двигавшиеся к нему. Но это были поистине отвратительные чудовища, такие, какими изображали пособников Сатаны Ланиры, Лелойе и другие знаменитые демонографы XV века. Два рога на шее, третий на лбу, всклокоченные волосы, мертвенно-бледное лицо, круглые воспаленные глаза, козлиная борода, нескладное тело, такие же руки и ноги, остроконечные и с когтями наподобие лап хищной птицы и вдобавок ко всему ослиный хвост: такова была внешность появившихся демонов.

– Кровь у меня стынет! – шептал сам себе Обер.

Но тотчас же, подбодряя себя:

– Подумай о жене своей, презренный трус! – говорил он.

И так как бешенство придавало ему храбрости, то он крикнул уже во все горло:

– Господин Сатана, прошу вас прийти ко мне на помощь.

Наступило глубокое молчание, потом послышался шепот, который становился все слышнее и, наконец, разразил-

ся звонким дьявольским хохотом.

– Вот так веселый шабаш, – сказал сам себе Обер.

Пока он рассматривал банду Сатаны, какой то черт, рогатый, бородатый, проскользнувший позади его, вдруг обернулся и стал к нему лицом к лицу. Он был сперва скрючившись в комок, как калека, но мало-помалу расправился, вытянулся, стал большой, черный и спросил:

– Кто зовет меня? Не ты ли, профан?

– Я – ответил Обер, уже совсем без страха.

Черт, казалось, удивился гораздо больше, чем тот, кто его вызвал, ибо, рискуя изменить себе, он пробормотал с легким смехом:

– О! Вот забавный случай! Эта встреча облегчит мое дело, только со мною, Гоненом, могут случиться такие вещи!

– Черт возьми! В аду, как видно, веселее, чем рассказывают, – проговорил бедный Обер, обидевшись этим смехом.

Но дьявол спохватился, что нужно держать себя с достоинством и наставительно произнес голосом, который, казалось, выходил из могилы:

– Ты говоришь громко, друг, стало быть боишься. Успокойся. Между людьми рогатыми должно быть доверие. Я пришел без вихря и пламени и потому говори со мной, как со смертным, чего тебе нужно?

– Ах, господин, должен ли я поведать вам мой позор? Вы сами намекнули... Обер взялся рукою за лоб.

– Да, да, знаю. Людовик Орлеанский женил тебя на знат-

ной девушке, ради этой свадьбы при дворе устроено было шаривари.

– Да, да, довольно.

– Тот же Людовик Орлеанский приказал отнять у тебя жену, чтобы она погостила у него в замке де Боте, где он пробудет несколько дней. Чего же ты хочешь?

– Жену мою.

– Ладно.

– Я хочу отомстить, убить похитителя. Я хочу, чтобы ад оказал мне вперед всевозможное содействие взамен погибели моей души.

– Ты требуешь слишком многого за пустяки. Ты говоришь – за твою душу. Мне это невыгодно. Людовик Орлеанский загубил половину душ во Франции, и у меня относительно его самые лучшие намерения. И при том, что принц набожный, хотя и распутный. Он носит на себе часть мощей св. Дионисия – подарок своего брата. Я ничего не могу сделать против такой защиты. Ну, кончим. Я возвращу тебе жену.

– И больше ничего? Чего же вы хотите за это? Разве этого достаточно, чтобы погубить мою душу?

– Да кто тебе говорит о душе твоей? Бери жену, я ставлю только одно условие: ты убежишь с нею как можно дальше, и смотри, чтобы она больше никогда не видела герцога Орлеанского.

– О, клянусь вам смертью! Будьте уверены, но время не

терпит.

– Ах, да! Бедный ты мой! Иди же за мной.

– Пешком?

– Нет, в повязке, с моими чертями, они все хорошие ребята.

– Но я полагал, что вам стоит сказать одно слово, чтобы мы все перенесли туда, или чтобы жена моя очутилась здесь.

– Устарело! Не годится! Ад теперь действует только естественными средствами. Ну, идем.

Сир де Кони пошел за сатаной, но в уме говорил сам себе:

– Что за странность: господин сатана ходит точно, как я, и ни смолой, ни серой от него не пахнет. Ну, да что за беда, лишь бы сдержал обещание.

XI. Маргарита де Гено

*«С походкой царственной, сияя красотой
И нежным голосом чаруя и лаская,
Прекрасна ты была, и взор глубокий твой
Всех привлекал к себе, суля блаженство рая».*

Между Венсенским лесом и городком Ножаном, в полу- часовом расстоянии от того и другого, возвышался словно великан обширный замок де Боте, с толстыми серыми стенами.

Построенная во времена феодальных неурядиц, высокая башня, на верх которой, казалось рукой великана, державшего над головой тяжелое каменное ядро, готовое раздавить неосторожного врага, дерзнувшего сюда подступиться, взгроможден был закругленный обломок скалы. Толстые стены заключали в себе зубчатую основу с прорезами на все четыре стороны горизонта. Узкие бойницы глядели кругом точно глаза хищной птицы. Подступ к замку был сверж то го защищен широким и глубоким рвом, но подъемный мост опускали только тогда, когда принц находился в замке. В поле можно было выйти через подземелье, конец которого терялся среди кучи колючих кустарников. Тайна этого подземелья известна была герцогине Неверской, которой герцог

Орлеанский дал золотой ключик от входа в него, и она пользовалась этим ключом каждый раз, как ей приходило желание прервать подвиги благочестия в находившемся недалеко от замка монастыре св. Сатурнина, который она иногда посещала, проводя там по несколько дней. Здесь проживали монахини, еще не принявшие большого пострига, и знатные дамы, приезжавшие сюда справлять девятидневные молитвы и развлекаться на манер герцогини. В монастырь, как на мельницу, вход был совершенно свободен. Это был также настоящий увеселительный загородный дом. Венсенский лес был весьма удобным местом для любовных интриг, а также для охоты. Веселые кающиеся особенно любили осень; на борзом коне и с соколом на руке, они скакали по полю и по лесу, благодушно спуская соколов на хорошеньких жаворонков, со свистом реявших в облаках.

А с вершины башни, высившейся над замком де Боте, охотник – никто иной как герцог Орлеанский – высматривал время от времени скачущих Диан-охотниц и выпускал на прекраснейшую, вместо кречета, одного из пажей, который накидывал бархатную сетку на прелестную птицеловку – теперь уже становившуюся дичью – и почтительно проводил ее через подземелье. По правде сказать, дичь не слишком старалась вырваться.

Интерьер замка был традиционен, как и всех домов той эпохи, но залы его были лучше обставлены и украшены некоторыми произведениями искусств, которые принц очень лю-

бил.

Зала куда мы вводим читателя, более длинная, чем широкая, но достаточно обширная, чтобы устроить банкет для сотни рыцарей, была, кроме богатой мебелировки, украшена еще портретом Изабеллы Баварской, рисованным на стекле Жеаном де Море. Здесь был изображен ее въезд в Париж, 20 августа 1389 г., по словам Фруассара, в тот момент, когда самый красивый и самый ловкий из труппы короля шутов, одетый ангелом, с помощью хитрого снаряда, поднялся на башню Парижской Богоматери и оттуда спустил ей на голову прекрасный венок. В глубине на известном расстоянии был представлен народ, а посередине толпы двое всадников на одной лошади, и их не пускают сержанты, вооруженные длинными палками, которыми они бьют без разбора и лошадь, и всадников. Всадники эти были сам король и Савуази. Карл VI сказал своему шамбеллану: «Прошу тебя убедительно, Савуази, садись на хорошую лошадь и возьми меня с собой, и мы оденемся так, чтобы нас не узнали, и поедем посмотреть на въезд моей жены».

Савуази, подгоняемый королем, в свою очередь пришпорил коня, но сержанты, которые не знали ни короля, ни его шамбеллана, били по ним своими палками, и король получил несколько здоровых тумачков, а вечером при дворе об этом узнали и стали смеяться, и король сам тоже смеялся. Карл VI пожелал, чтобы живописец воспроизвел кистью эту сцену, позабавившую его, хотя он и был побит. Замок де Бо-

те собственно принадлежал королеве. Позднее, она подарила его герцогу Орлеанскому, не подозревая, конечно, что он предназначит его для своих любовных походов, а ради них он и велел вырыть вышеупомянутый подземный ход.

В минуту, когда мы начинаем прерванный рассказ, в этой самой зале, называемой Рыцарской, лежала на диване молодая женщина. Она спала, но сон ее был беспокойный: какие-то лихорадочные грезы волновали ее. Иногда она как будто просыпалась, вскакивала с места, а минуту спустя опять падала и засыпала тревожным сном. Вдруг картина, изображавшая въезд Изабеллы, которой замаскирована была потайная дверь, повернулась сама собой и пропустила какой-то воздушный образ. Картина опять стала на место и совершенно прикрыла своей рамой отверстие, произведя этим не больше шума, чем бабочка, когда она целует розу.

В зале стояло прелестное существо, стройное, гибкое и грациозное, как эльф. Волосы странного белокурого оттенка, иногда, при бледном свете огня, чарующе отливали огнем и золотом. Матово-бледная кожа была так прозрачна, что тончайшие жилки сквозили через нее голубой прозрачной сеткой. Это была точно поверхность лазури и алебаstra, которую не бороздила ни одна морщинка, не пестрило ни малейшее облачко; бархатистые щечки не пострадали от скорой ходьбы через поле и только ускоренно бьющееся сердце и волнуемая грудь говорили об усталости: руки поражали своей белизной. Женщина эта являла собой торжество

всемогущего резца, шедевр божественного художника, глаза Маргариты де Гено, герцогини Неверской – это была она – казались шедевром этого шедевра.

Представьте себе длинные, выгнутые ресницы, опускающиеся над бархатом и огнем. В этих глазах выражалась непередаваемая смесь чистоты и страстности, что так редко встречается. Когда эти глаза освещались улыбкой, они бросали молнии чувства и удовольствия. Рот был прекрасно очерчен, розовые, свежие, немного чувственные губы выказывали два ряда белых ровных жемчужин, таких белых и правильных, что даже хотелось, чтобы они укусили вас до крови. Что касается рук, то это были такие ручки, что герцог Орлеанский становился на колени, чтобы целовать их. Такова была телесная оболочка души не менее прекрасной, не менее любящей, чем душа языческой Венеры.

Эта женщина была бы превосходной женой и матерью, если бы насмешка судьбы не дала ей в мужья Иоанна Неверского, а в любовники герцога Орлеанского.

Передохнув минуту после быстрой ходьбы из монастыря св. Сатурнина до замка де Боте, она прошептала вполголоса: – Наконец-то я добралась без приключений.

Она ошупью дошла до стула, на который почти упала, и задумалась.

Любовь была для нее главной, сияющей звездой; опасения тучей окружали ее, но не душили. Она думала о Людовике. Почему его здесь нет? Ей почудился чей-то вздох.

– Я с ума схожу! – сказала она сама себе. Однако, она стала прислушиваться, и новый звук заставил ее вздрогнуть.

– Неужели астролог Кокерель прав? Неужели духи влюбленных соединяются раньше чем их тела?

В эту минуту Маргарита услышала вздох сильнее прежнего и, затем, совершенно явственные слова:

– Ваша светлость, пощадите, оставьте меня!

– Здесь кто-то есть! Женщина, соперница!

Маргарита встала, вся дрожа, и пошла на голос. Слабый свет наступавшего дня проскользнул в залу.

– Одна, беззащитная! – продолжала стонать неизвестная.

– Она бредит! Что говорит она? – подумала герцогиня.

– Вам мало было погубить девушку, вы не щадите и замужней.

И, отбиваясь во сне, лежащая женщина прибавила:

– Нет, нет, никогда!

– Это не соперница, – прошептала, улыбаясь, Маргарита.

Неизвестная проснулась; она старалась прогнать кошмар, еще не совсем исчезнувший.

– Какой страшный сон! – сказала она. – Где это я?

– Вы попали в ловушку, из которой я хочу освободить вас, – сказала герцогиня, подходя к ней и повышая голос.

– Вы! Да вы кто такая?

– Женщина, которой жаль вас.

– Женщина, которая хочет предать меня, может быть, вы сами и отдали меня в его руки!

– Вы с ума сошли! Нам некогда терять время. Скоро расцветет... вы у герцога; он сейчас придет, хотите ждать его?

– Но что мне порукою?..

– Если бы я хотела предать вас, то мне стоило бы только оставить вас на этом месте, куда он велел вас положить.

Мариета д'Ангиен инстинктивно, еще под влиянием действия наркотического питья, которое проходило очень медленно, бросилась бежать. Маргарита удержала ее, сильно схватив за руки и несколькими быстрыми, энергичными словами успела убедить ее, или, по крайней мере, побороть ее сопротивление.

Она подвела ее к выходу, скрывавшемуся за картиной, но в ту самую минуту, когда готова была нажать секретную пружину, она услышала звук ключа в замке. Тогда она толкнула Мариету в боковой кабинет, наказав ей сидеть там тихо, до тех пор, пока ей можно будет уйти через потайную дверь; затем герцогиня кинулась на постель, где только что лежала бесчувственная Мариета, и притворилась спящей.

Едва она улеглась, как вошел сенешал в сопровождении слуги и жандарма и пригласил ту, которую считал супругой Обера ле Фламена, идти с ними к ожидающему ее принцу.

Приказание было отдано самым почтительным тоном, но тем не менее, это было приказание.

Маргарита покорно пошла за ними и так как она опустила вуаль, чтобы скрыть свой стыд, то сенешал и не заметил подлога.

К несчастью для Мариеты, слуга и жандарм, из коих первый назывался Гумберт, а второй Рибле, остались в замке. Гумберт развел большой огонь, потом они оба уселись за стол рыцарей и, чтобы убить время, стали играть в кости.

ХII. Козлиный рог

*«С рогами и с хвостом, сюда
Сам сатана теперь явился,
В монаха он преобразился...
Чего он хочет, господи?»*

Солнце уже заливало светом залу, сенешал и герцогиня удалились. Теперь нам можно описать эту залу. Она убрана своеобразно. Стрельчатые окна окружены каменными листьями, а стекла в окнах переплетены деревянной резьбой, точно кружевом. На потолке арабески и маленькие амуры, довольно плохо нарисованные.

Стены этой банкетной залы усеяны лилиями из очень тонкой меди, кресла с широкими и глубокими спинками протягивают свои ручки, с налокотниками и шерстяными подушками, вышитыми цветами. На пюпитре лежит обширный рукописный in-folio, это молитвы, написанные на пергаменте собственной рукой университетского канцлера. Пюпитр этот, также как и круглый стол из дерева редких пород, – работа Мишеля Бурдена, одного из лучших скульпторов XIII века.

На этом столе разложены были в странном подборе литературные произведения: гимн Пресвятой Деве лежал ря-

дом с песней, посвященной Венере, на Подражание Христу положена была баллада поэта Кретена, лучшее место отведено было творениям Алена Шартье: в числе их был «Quadrilogue», произведение гуманистское, в котором дворянство, духовенство, Франция, сопоставленные с народом, взывали против злоупотреблений. Герцог Орлеанский из-за этой книги называл всегда Алена Шартье Тевенином вторым: Тевенин был шут Карла V, отца его.

Другие манускрипты могли бы дать нам начало каталога библиотеки герцога Орлеанского, но перечислять их было бы слишком долго.

Сыграв три партии в кости, слуга оставшийся без гроша, оставил своего победителя и пошел раздувать почти угасавший огонь, между тем как жандарм тоже встал и пошел вокруг залы, заглядывая во все закоулки, останавливаясь в каждом углу, как бы пытался найти разрешения какой-то задачи.

Он долго стоял перед картиной, изображавшей въезд Изабеллы Баварской и шумно любовался величавой осанкой своей государыни; потом покачал головой, точно будто какая-то философская мысль мелькнула у него в голове.

– Что это ты так вдруг нахмурился? – спросил Гумберт.

– Не находишь ли ты, – отвечал Рибле, – что королева в эту минуту как будто сердится?

– Ба! Если бы вот тот солнечный луч ударил сейчас в ее прекрасное лицо, она бы улыбнулась.

– Гм... нет, куманек, я утверждаю, что она и от солнца не станет веселее. Да между нами будет сказано, ей нет причины быть довольной.

– Это почему?

– Госпожа королева не затем великодушно подарила этот замок его высочеству герцогу, чтобы он заводил тут... ну, хоть то, что мы видели.

– Ах, да!.. Но ей-то какое дело?

– Ну, что ты притворяешься, будто не знаешь! Как будто в таких делах домашняя прислуга не знает всегда раньше всех, раньше чем посторонние, и чем мужья... если только они узнают когда-нибудь.

– На то они и мужья!

– Я тебе говорю, я, служащий при отеле герцога Орлеанского: я же езжу с ним из Парижа сюда: так вот я тебе говорю: знай королева, что здесь совершается, она бы прискакала сюда на своем белом иноходце, выгнала бы сейчас вассалку, а герцога приструнила бы ни больше, ни меньше, как школьника, что учатся в Сорбонне. Ах! Видел я! Уж говорю тебе – видел я эти штуки!

– Да если правду говорить, так и я кое-что видел.

– То-то и есть! Ну что ты видел?

– Когда герцог и королева Изабелла приезжали сюда отдохнуть после охоты в Венсенском лесу прошлым летом, так всегда бывало перед замком соберутся девушки из Ножана, из деревень Моано, Кони и Пере – подносить корзинки цве-

тов и фруктов. Ну, герцог, бывало, и возьмет какую за подбородок: «Э, милашка, – скажет, – да какая ты пригожая? Когда тебя будут замуж отдавать? Я уж постараюсь в тот день быть в замке!».

– Неужели? А что королева?

– А королева сердилась и кричала на них: «Пошли вон, скверные, распутные девчонки! Не смейте соблазнять моих пажей и лакеев».

– Так, значит она заботилась о нравственности.

– Да, да, конечно: однако, довольно смеяться, я слышу идет сенешал.

Рибле стал на свое место у главной двери, как часовой, между тем как Гумберт, желая показать, что он тоже не без дела, стал сметать пыль с мебели.

И вовремя. Сенешал действительно вошел в залу тяжелым и мерным шагом. Он сделал знак Гумберту, и когда тот подвинул к огню кресло, сенешал опустился в него и глубоко задумался... Да и было о чем: герцог пробудет в замке несколько дней, чем бы занять его?

Сенешал мешал дрова, от чего все больше разгоралось пламя. Мешать угли приятно: это облегчает заботу и даже родит некоторые идеи. А сенешалу именно нужно было найти идею. Он ворочал железной кочергой в камине, не скрывая своего нетерпения, досадуя на то, что идея никак не даётся, точно маленькая мушка, которая, впрочем, иногда превращается в орла.

Но так как все утомляет, даже поиск идеи, то сенешал перестал мешать уголья. Тогда вытянув ноги, как кот, прищурив глаза, он стал бессознательно смотреть на кучку горячих угольев, сверх которых лежало полено. Вдруг полено, на половину перегоревшее, треснуло, переломилось, немного откатилось и образовало собой как будто остроконечный утес. Сенешалу показалось, что на верху этого горячего утеса как будто пляшут виселицы. Они мерно колыхали своими длинными руками, на которых болтались скелеты.

Это не было видение идей: это была картина его служебных обязанностей, сенешалу стало еще досаднее, и, обратясь к Рибле, точно будто тот мог доставить ему случай кого-нибудь повесить, он сказал:

– Жандарм держи свою шпагу не прямо, а... Он не договорил: послышался звук охотничьего рога.

– Кто это смеет трубить в замке? Рибле, пусть четверо твоих людей пойдут с сарбаканами и найдут мерзавца, который дерет мне уши.

– Слушаю, мессир.

– А если он опять начнет – повесить его!

– Слушаю, мессир.

Но трубач заиграл песню. Рибле не трогался с места: он ногой и головой отбивал такт: жандарм был меломан.

– Ого! Да это искусный звонарь.

– Рибле, иди же куда я сказал, да пошли ко мне караульщика.

– Иду, мессир. А караульщик, вот я вижу, слезает со своей вышки и идет сюда.

Рибле с порога двери кликнул караульщика и ушел.

Сенешал, который быстро вскочил, услышав звук охотничьего рога, настолько быстро, насколько позволяла ему его толщина – потому что он представлял собою фигуру Силена с бородой цвета соли с перцем и без всякого следа забот или морщинки на широком, толстом лице, на котором только жир образовал складки в виде веера, – сенешал снова расположился на прежнем месте, у огня, усевшись поудобнее, сложил с блаженным видом руки на своем толстом животе и стал ожидать караульщика, который не замедлил явиться.

– Что нового, караульщик? – спросил он.

– Мессир, приехала труппа жонглеров и просят гостеприимства в замке.

– Жонглеры! О, вот идея! Приведи сюда одного, для образца, и если он мне понравится, я их пущу. Герцог любит этот народ, хотя они по большей части плуты, отчаянные воры и мошенники, кроме, впрочем, братства св. Страстей: те, говорят, люди весьма почтенные и занимаются искусством своим для прославления имени Божьего. Ну, ступай же, караульщик, веди сюда одного какого-нибудь, только одного.

– Слушаю, мессир; только мне кажется, это и есть братство св. Страстей: все они в капюшонах как монахи.

– Ну, мы увидим, ступай.

Караульщик вышел из сада, перешел первый Двор, про-

шел под аркадой нормандского стиля, потом отворил дверь, обитую железом, способную выдержать какую угодно атаку и выходящую на другой двор, образуемый постройками, в числе каковых была и капелла, после того он обогнул стену юго-западного угла, где находилось круглое темное отверстие, ведущее на лестницу жандармов, примыкающую к подземной лестнице, к лестнице *in*расе, откуда никогда не выходили, и, наконец, вышел со стороны, противоположной оружейной зале, после чего очутился в караулке сторожа подъемного моста. По приказанию сенешала спустили подъемный мост и снова подняли его, пропустив одного жонглера.

Этот последний, в сопровождении караульщика, проходя тем самым путем, который мы только что описали, бросал внимательные взгляды во все уголки и извилины, замечая их в памяти своей, как искусный полководец изучает поле сражения для предстоящей битвы.

Густая роща, орошаемая фонтанами и водометами, апрельский луг, хотя теперь был еще февраль, придавали замку с этой стороны приятный и веселый вид.

Хотя замок де Боте был построен одновременно с отелом Сен-Поль, но он был гораздо красивее чем сосед Бастилии. Здешний замок был разукрашен цветами, гербами, красивыми башенками, резными арабесками, балкончиками, флюге-рами и флагами.

Посреди апрельского луга находился фонтан, изображающий трех граций, очень любимых Людовиком Орлеанским;

эта группа работы одного итальянца, имя которого не дошло до нас, была ничто иное, как копия с греческой группы, но сделанная очень хорошо.

Зала пиршеств была в нижнем этаже и выходила в сад. Мы можем дополнить теперь уже сделанное нами краткое описание.

Серебряные блюда, канделябры, амфоры венецианского хрустала, отделанные лапис-лазурью и топазами, шкафы черного дерева, серебряные кружки, чаши, вычеканенные по рисункам флорентийских мастеров, шелковистые ткани, персидские ковры, привезенные рыцарями с востока – украшали эту большую залу.

Наш жонглер или брат св. Страстей, как его назвал караульщик, прошел через сад, приготовившись любоваться главной диковинкой замка – большой залой, на которую, вероятно, указали ему, как на место для представлений.

В этой-то зале сюзерен, в известные дни, собирал своих вассалов и вавассоров и пировал с ними при свете факелов, которые держали самые хорошенькие полуодетые вассалки. Здесь же менестрель пел свои баллады.

При нынешнем владельце, здесь пели только произведения самого принца, которого величали первым поэтом Франции. Герцог Орлеанский очень ценил эту лесть. Зала имела 90 футов длины и тридцать ширины. Беглый взгляд, брошенный монахом при входе, казалось, удовлетворил его. Скрестив на груди руки, склонив голову, в смиренной позе и

с протяжным голосом, он приблизился к сенешалу, который поднялся ему на встречу.

Монашеское платье имело свое действие, каков бы ни был монах.

– Святой великий Юлиан и прочие святые да хранят вас, мессир, от всякого зла, – проговорил монах.

– Да поможет он вам, метр! – ответил толстяк.

– Не угодно ли вам будет позволить нескольким членам братства св. Страстей провести день и следующую ночь в здешнем кастелянстве? Мы в этом сильно нуждаемся, чтобы отдохнуть и исправить нашу повозку, у которой сломались колеса. Мы рассчитывали сегодня вечером быть в Париже, но распутица совсем испортила дорогу, и мы не выберемся из Венсенского леса, сырость страшная. Мы добрые христиане, мессир, и смиренные люди. Мы готовы заплатить за построй, если нужно.

– Хе-хе-хе! Звонкой и блестящей монетой, которую глаза будут видеть, а уши слышать. Ну, садитесь пока... Гумберт, подвинь стул, вот сюда, по другую сторону печки. А ты караульщик, можешь идти.

Караульщик поклонился и ушел. Гумберт пододвинул стул, на который и сел жонглер, после того как сенешал погрузился снова в свое кресло. Гумберт затворил дверь и остался около нее, в ожидании приказаний, которые сенешалу угодно будет дать, чего пришлось ждать не долго: разве когда-нибудь разговаривали без выпивки?

ХІІІ. Член святого братства

*«Все украшения и блеск с богатств снимите,
Картину страшную без рамок покажите».*

Сенешал дал гостю время обогреться, в чем тот, по-видимому, очень нуждался, а сам между тем приказал принести чашу с ипокрасом (вино с примесью мускуса и амбры), но жонглер попросил лучше вина, настоянного на пряностях.

Глотнув раза два, сенешал щелкнул языком и сказал:

– Ну, а теперь рассказывайте, гость, откуда вы и куда едете?

– Мы едем из Бордо, мессир. Осведомившись, что король, указом, данным в прошлом декабре, разрешил представление в Париже мистерий, которые до сих пор давались только в провинции, мы направились в этот большой город, где, говорят, более трехсот тысяч жителей, и надеемся заработать там честный кусок хлеба.

– О, я от всей души желаю успеха братству св. Страстей, к которым питаю предпочтение против всех других компаний того же рода. Но у них в Париже будет опасный соперник.

– Опасный? – повторил жонглер, поправляя на голове капюшон, точно будто почувствовав, что ветер дует ему в лицо.

– Говорят... я, впрочем, не знаю его, никогда не видел. Но

говорят, что он удивительный комик.

Монах совсем открыл лицо.

– Кто это? – спросил он.

– А это король шутов, глава труппы бесшабашных ребят, он уже два года представляет на парижских рынках фарсы и шуточные пьесы (soties) и ему оказывают покровительство король и королева.

– А-а! Так это вы говорите о Гонене! Это большой хвастун, имеющий претензию, будто он выдумал эти soties, ой сильно вредит нашим мистериям, потому что во Франции чернь гораздо больше любит смеяться, чем плакать. Этот же Гонен намерен обратить свои soties в комедии, какие были во времена греков и римлян, а ведь язычники не имели никакого понятия о красотах христианства. Ох, большой плут этот Гонен! Следовало бы его повесить на Монфоконе. Он и труппу-то свою, которую он называет комедиантами, подобрал из самого сброду, что толчется на Дворе Чудес. Тут и воры, и мошенники, вся шваль большого города. Но разве же можно сравнить эти буфонады с благородным и религиозным зрелищем наших мистерий, которые длятся по нескольку дней и где требуется не менее трехсот участвующих.

Актер особенно протянул голосом число триста.

– Боже истинный! Так у замка стоит столько ваших товарищей?

– О, нет, мессир, к несчастью, не столько.

– Напротив, к счастью. Черт возьми! Триста человек! Да

тут бы за один день поели все запасы в замке. У нас тут и жандармов-то не более 12-15 человек. Кстати, Гумберт, сходи узнай, что наши раненые? И приди мне сказать.

Пока слуга выходил из комнаты, жонглер медленно пошевелил пальцами, улыбаясь при этом, как будто вычитая сколько останется, если вычесть из пятнадцати пять.

– Сколько же вас всего? – продолжал сенешал.

– Здесь только остатки трупы, всего человек пятнадцать. Но в Париже мы соединимся с остальными членами братства, которые уже туда прибыли.

– Знаете, что мне пришло в голову, приятель, – начал сенешал. – Его высочество герцог Орлеанский находится теперь в замке, и вы могли бы иметь честь потешить его часик другой.

– Мы будем вам бесконечно признательны. Нам есть чем забавлять его на всю ночь...

– Ну уж вы днем его развлеките... А о ночи он не беспокоится.

– Он так любит спать?

– О, да! – так вы уж днем.

– Ладно. Мы и днем так утешим его, что он не станет ни есть, ни пить.

– Ну уж это плохо. Я очень люблю и пить, и есть. А если герцог не станет ни есть, ни пить, так и мне нельзя.

– Наши молодцы споют ему лучшие романсы: Парфенопекс (Parthenopex), Круглый стол, Св. Грааль, Рено де Мон-

тобан...

– Ну уж! Я предпочитаю что-нибудь другое, чем ваши романсы. Тут все тянется долгая любовь, а герцог любит короткую, да и слог в них устарел.

– Так скажите, чего вы желаете: песен (lais?), или фаблио, или что-нибудь жалобное?

– Гм...гм.

– Песен? Ах, это понравится герцогу Орлеанскому – он ведь сам поэт; а для аккомпанемента у нас есть волынка, арфа, гусли, гудок, лютня, мандора...

– Аминь, аминь! Повеселите только нас хорошенько и вы увидите, как посыпятся динарии в вашу мошну.

– Первый, который упадет туда, не зазвонит.

– Значит насухо? Ну, тем больше причины позабавить нас; но разве, кроме песен, вы больше ничего не знаете?

– О, еще бы! Прибавьте к этому, что я сам мастер на всякие фокусы: кроме моего искусства играть в мистерию, я еще знаю много кое-чего.

– А, вы умеете представлять мистерии? Ну, так сыграйте нам, но мистерии... слишком серьезны. Не можете ли вы закончить чем-нибудь веселеньким, как это делает, говорят король шутов.

– Вы верно говорите о чертовщине и о нравоучительных представлениях? Жаль, в нашей повозке не много декораций... и потом, это слишком долго затянется.

– А без декораций разве нельзя сыграть?

– Трудно! Ах, позвольте! Я вспомнил, есть одна, которую легко построить, это одна из девяти подмостков, которые мы ставим, когда играем большие мистерии. Именно «Пасть адова».

– Господи! Что за название!

– Ее можно втащить сюда, потом укрепить между двумя столбами.

– Ну так ступайте, распорядитесь. В эту минуту вошел слуга и доложил сенешалу, что раненые вне опасности.

– Отлично! – сказал сенешал, – так ты, Гумберт, отправляйся с этим братом, пусть опустят подъемный мост и впустят сюда его людей, вот именно сюда, в эту залу.

Сенешал едва мог скрыть свое удовольствие. Уж конечно «Адова пасть» доставит принцу больше развлечения, чем лица повешенных.

Пока слуга с актером ходили по делам, сенешал опять уселся в кресло и скоро захрапел.

Прошло минут десять. Не слыша больше шума, Мариета приотворила дверь и думая, что никого нет, вошла в залу, но в то время, когда она уже подходила к двери, замаскированной портретом, звучный храп сенешала кинул ее в дрожь и в ту же минуту она услышала издали какой-то страшный шум, который постепенно приближался.

Она быстро повернула назад и как испуганная мышка, юркнула в свою нору и затворила дверь, в то самое мгновение, как сенешал проснулся, чтобы принять членов братства

св. Страстей.

Увидя декорацию, вытасченную из повозки и которую вносили сюда, сенешала обуял такой же страх, какой ощутил Обер ле Фламен при виде Сатаны.

По живописи, декорация была ниже всякой критики. По структуре, она представляла собою фантастического зверя, понятие о котором может дать Провансальский Тагаске.

Это была пасть страшнейшего чудовища, мифологического дракона, – смесь всего, что в каждом животном есть безобразного и что бесцеремонная кисть живописца средних веков воспроизвела сообразно с идеями века. Сенешал смотрел вокруг себя и думал – не вытянется ли эта лапа с намалеванными когтями и не схватит она его за волосы. Эта страшная мысль угнетала его все время, пока монах-фигляр устанавливал свою декорацию.

Несомненным признаком цивилизации служит прогрессивный ход сценических игр у известного народа: и если вспомнить, что это началось с обрызганной грязью колесницы Фесписа и скачками, через лужи и котловины, дошло до великих времен Греции и Рима, то разве не имел права шут Карла VI, король шутов, хвастаться тем, что и он принимал участие в этом прогрессе.

Разве метр Гонен не был Фесписом XV века?

Он был на пути к станции, которой пришлось увидеть Корнеля и Мольера, но предстояло пройти еще много этапов, однако, переход от мистерии к *soties* уже огромный шаг

вперед.

Монах-фигляр сам распоряжался постановкой ужасной декорации; когда он кончил, то подошел к сенешалу.

– Ах, мессир, – сказал он, – мы испытали много неприятностей во время нашего объезда по провинциям и возвращаемся из него голодные и оборванные, дочиста, точно летние висельники... Ах! Прошло то времечко, когда мы представляли мистерию Страстей во всем ее великолепии! Мистерию в сорок тысяч стихов, восемьдесят шесть картин и триста десять действующих лиц. Тут были святые угодники, святые угодницы, евангелисты, апостолы, судьи, палачи, солдаты, благоразумный и злые разбойники, Понтий Пилат, – все они фигурируют в этой большой мистерии, где изображаются страдание, смерть и воскресение господина нашего Иисуса Христа... Ах! А что за декорации! Рай, чистилище, предверие рая, ад, Иерусалим, Голгофа и другие достопримечательные места! Ах, какая это была прелесть! Я сам изображал Бога-отца, в прекрасном вышитом стихаре, в тиаре, эпитрахили, в мантии, все раззолоченное, сияющее алмазами, а кругом меня были ангелы, великолепно разодетые в ливреи господина Бога, с гербом его – крест и звезды в лазоревом поле.

– Как это должно быть великолепно!

– Бесподобно! Ах, мессир, наша профессия пользовалась тогда уважением наравне с профессией духовенства. Но это недолго было. Городские буржуа сами стали играть мистерии. И Бог их там знает, как эти школьники и судейские

клерки влезали на подмости, с тех пор, как этот негодяй метр Гонен выдумал свои плутовства. Мы остались без работы, пришлось локти грызть. Надо было однако жить, куда же пошли наши декорации, наши чудные костюмы? Стыдно признаться: мы проели в Туре чистилище, в Рошфоре – землю, а в Бордо – рай.

– Проели, и ничего при этом не выпили?

– Ничего, к несчастью. Теперь у нас остался только Ад. Посмотрите, вот ставят его декорацию.

– Да, уж он верно назван: я как увидел, так и затрясся от озноба. Прямо мороз по коже.

– А между тем, морозить людей не его назначение.

– Ха-ха-ха! Да вы шутник.

– Да, я добрый черт. Эта декорация служит ныне во многих пьесах: в нынешнем веке очень любят всякую чертовщину.

– Представлять чертовщину дело высоконравственное. Здесь изображаются злые козни духа тьмы, и тем внушается христианину, что нужно остерегаться искушений.

– Вот это верно, мессир. Но чернь больше всего обращает внимание на такие представления, где колдуны и бородатые колдуньи выпускают кровь из кабанов и составляют снадобья из нечистот и зловредные напитки. Народ любит смотреть, как ведьмы на шабаше машут собачьими кишками, кричат и пляшут верхом на венике, прибавляя при этом самые непристойные слова. Он до упаду хохочет, когда ви-

дит Сатану верхом на крылатом и рогатом драконе, у которого из ноздрей пышет дым и пламя. Но он перестает смеяться, когда среди любовного мяуканья кошек, появляются легионы жаб, гадов и всевозможных хищных птиц, между которыми бьются невинные девушки в белых платьях, изображающие собой чистые и чуждые всякого греха души, за которыми следует святой отец, неся в одной руке святую воду, а другой брызгая на демона, который с воем и визгом убегает.

При этой последней картине сенешал, одержимый страхом черта на столько же, как и Обер ле Фламен, снова начал трястись.

Метр Гонен, который знал, что говорил, не показал виду, что заметил произведенное им впечатление, и чтобы окончательно отуманить своего слушателя, разразился следующим лирическим обращением к прошлому.

– Какая разница, – вскричал он, – между нынешним искусством и искусством древних! Возьмем хоть один пункт: какое расстояние отделяет наших ведьм от Эсхиловых Эвменид! Их губительные головы, с мрачными взорами, искривленными бровями, отвислыми губами, воздвигнутые гневом божества за преступления земли, дышат мрачным энтузиазмом справедливости и наказания; между тем как ведьмы христианства, возмутительное подражание древним фуриям, представляют собой лишь инстинкты греха, искушение дьявола.

– Как они ни скверны, – прервал сенешал, – но они суще-

ствуют. Наша религия повелевает им верить, и я верю; без этого откуда бы шло адское зло? От ваших речей, брат, пахнет язычеством и гарью.

– Ага, мессир, значит я хорошо сыграл роль сатаны, если вы приняли ее всерьез? Я только хотел дать вам понять о чертовщине, которую вы сегодня увидите.

– Ха-ха-ха! Знатный фарс. Bravo! Выходит, это было нечто в роде пролога! Ну, долго я буду смеяться.

И сенешал встал, смеясь, подошел к Адовой пасти, уже совершенно установленной, чтобы поближе рассмотреть ее, а монах-актер, которого даже кинуло в жар от его заключительной речи, оттирая мокрый лоб, ворчал себе под нос.

– Вот и сыпь перлы перед свиньями, а они хватят вас своим рылом.

Потом, погрузившись мыслью в дело, ответственность за которое он взял на себя, он стал взвешивать все последствия в случае неуспеха, но в это время чья-то рука опустилась к нему на плечо и глухой голос проговорил:

– Король шутов!

– О, мысленно произнес метр Гонен, содрогаясь. Узнан и погиб, чтобы не сказать повешен.

Он обернулся: перед ним стоял член братства, покрытый капюшоном.

– Обер, – сказал он, несколько успокоенный, – я тебе запретил отходить от повозки и являться сюда. Твое нетерпение и ревность могут все погубить; ты ведь мне не то обещал!

Вместо ответа, монах приподнял капюшон, и король шутов замер от ужаса.

Неужели вместо одного ревнивца явилось двое? Этот еще страшнее первого.

Монах, оставив метра Гонена в полном изумлении, направился к двери бокового кабинета, где скрывалась Мариета, и вошел туда так, что сенешал, занятый рассматриванием Адовой пасти, ничего не заметил.

Только приход Этьена Мюсто, явившегося уведомить своего кузена, что все приготовления для представления кончены, вывел короля шутов из столбняка, в который привело его появление монаха.

Не менее изумлена была и Мариета появлением незнакомца.

Он вошел с угрожающим видом. Но затем последовало быстрое объяснение, которое не успокоило монаха, но обратило гнев его в другую сторону.

Мариета не могла ответить на все его вопросы. Она не знала ни имени, ни общественного положения той, которая сыграла роль ее покровительницы, а монаху, может быть, только и нужно было знать это имя. Мариета даже не могла объяснить ему тайну подвижной картины, ибо слова ненависти и мести, вырвавшиеся у монаха, заставили madame Кони подумать, что покровительница ее могла, в свою очередь, прибегнуть к защите таинственной двери, чтобы скрыться от страшной опасности.

Тем временем, король шутов и кузен его Этьен пошли к своим людям, стоявшим позади Адовой пасти, а слуга Гумберт доложил сенешалу, что герцог, узнав, что ему готовится такой приятный сюрприз, сейчас пожалует в банкетную залу в сопровождении всех служащих в замке.

– Как всех? – спросил в изумлении сенешал.

– Точно так, мессир, кроме раненых, которые не могут пошевелить ни рукой, ни ногой. О, герцог так добр, он хочет, чтобы все повеселились.

– Так значит и слуги, и стрелки, и жандармы? – переспросил сенешал.

– Все, без различия. Герцог даже распорядился, чтобы стрелки сложили оружие в караульной комнате, чтобы бряцанье не мешало сценическому представлению.

– О, как добр принц! Какой он добрый! Можно ли думать, чтобы какой-нибудь вассал или вассалка осмелились отказывать ему в праве, столь законном... столь естественном? Нет, это просто непонятно. Если я когда-нибудь женюсь, я первый буду требовать этой чести для моей жены. Для этакого-то доброго принца! Неправда ли, Гумберт? Ведь и ты тоже?..

Слуга притворился, что не понял, и пробормотал сквозь зубы:

– Наш сенешал сделан из того же дерева, что и волынки.

XIV. Представление

*«Благодаря сатане, сегодня я увижу исполнение
моей надежды».*

В одной из комнат первого этажа этого разукрашенного гербами, убранного арабесками и окруженного балконами замка, в комнате, роскошь которой соответствовала внешним украшениям, отдыхал на восточном диване молодой человек в задумчивой позе, облокотившись на подушку. Он с грустью смотрел на удивительной красоты молодую женщину, спавшую в креслах, в нескольких шагах от него. Эта женщина подвергалась смертной опасности страшной мести, между тем как счастливый любовник, для которого она жертвовала всем, в эту минуту испытывал по отношению к ней лишь то, что ощущает каждый мужчина, хотя бы даже Дон-Жуан, в присутствии истинно-прекрасного создания, тело которого – целая поэма для чувственности.

Мысли мечтателя витали теперь среди развалин дома Кони, черноватая масса которого едва виднелась на далекой вершине, а старая башня выделялись на светло-голубом небе, словно сероватое облачко.

Красоте молодого человека особую привлекательность придавала тихая и мягкая печаль, которая сказывалась на его

обыкновенно улыбающемся лице. Всегда скептик в любви, в настоящую минуту он находился под обаянием мечты, вызванной воспоминанием об исчезнувшей действительности.

Борода и волосы у него были не причесаны. Обыкновенно столь заботливый относительно своей особы, не терпевший ни малейшего беспорядка в своей одежде и вообще внешности, теперь он не обратил внимания на свой туалет.

Его высокий лоб, большие сине-серые глаза, с необыкновенно кротким выражением, почти не встречающимся у гордых сынов запада, производили неотразимое впечатление на женщин, которым он изменял совершенно спокойно, убежденный, что любовь – не что иное, как азартная игра, в которой выигрыш приходится на долю самого смелого и самого непостоянного. У него перебивало много любовниц, но он никогда еще не любил.

В его гибком стане, в его безупречном телосложении было много грации, силы и пылкости. Но в данную минуту грация была вялой, сила утомилась, только пылкость терзала его, в его мечтаниях, при мучительной мысли, что его дорогая Мариета теперь в объятиях сурового солдата, которому он уступал ее только затем, чтобы с большим удобством отнять.

В первый раз в жизни Людовик Орлеанский ревновал, значит, он любил или был близок к этому.

Само собой разумеется, что эту любовь нельзя сравнивать с любовью Абеяра к Элоизе, хотя ученый и стоял гораздо ниже своей возлюбленной, но между ненасытной Изабел-

лой Баварской и чересчур сентиментальной Маргаритой Гено, образ кающейся Мариеты сохранял или вновь получал прелесть целомудрия и принц жаждал обладать ею, как бы снова впервые.

Герцог Орлеанский, выдавая Мариету замуж за Обера ле Фламена лишь для того, чтобы спасти честь и дать имя ее будущему ребенку, был далек от мысли расстаться с ней надолго, хотя бы даже на один день. Приказав своему сенешалу похитить ее, он рассчитывал оставить ее для одного себя, очень хорошо зная, какие принять меры, чтобы в случае необходимости устранить экс-капитана своих стрелков от его супружеского крова.

Но вооруженное сопротивление Обера, поражение стрелков, из коих пятеро опасно ранены и, наконец, в довершение всего, бегство Мариеты – совершенно испортили его планы.

Маргарита все сказала ему, по крайней мере думала, что сказала все, не посягая при этом на горькие упреки. На упреки влюбленной женщины он отвечал ласками, а сентиментальные женщины всегда легковверны. Маргарита успокоилась под его поцелуями и уснула, убаюканная его доводами, а Людовик все валялся в меланхолическом настроении, когда вдруг точно молния промелькнула у него в голове: кажется сенешал готовит какой-то сюрприз. Чуть ли даже он не обещал музыку?

Легкомысленный человек очнулся от своей задумчивости и разбудил Маргариту. Она показалась ему прелестной, и,

упившись ее глазами, он опять оттеснил в самый отдаленный уголок своего сердца образ Мариеты де Кони. Герцогиня закуталась длинным покрывалом, и скоро затем любовники, неосторожные, как все высокопоставленные люди, вошли в банкетную, теперь обращенную в зрительную залу.

Публика, состоявшая из 12-15 человек, приветствовала их восклицаниями, и заиграла музыка.

Для XV столетия, эта была музыка довольно сносная. Она послужила прелюдией: Адская пасть растворилась и оттуда вышел странно одетый мальчик.

– Это пролог! – заметил сенешал.

– Недурен! – ответил герцог. Присутствующие выразили свое удовольствие единодушным восклицанием: «Ах»!

Дверь кабинета растворилась, высунулись головы монаха и Мариеты, которых нельзя было видеть, так как зрители сидели к ним спиной.

– Вы знаете, кто эта женщина? – взглядом спросил монах.

– Нет, – отвечала движением головы Мариета.

Madame де Кони поспешила спрятаться, монах же остался и пролог начался.

Пролог жонглера в аду

«Вельможи, воины, вассалы!
Чудес услышите не мало,
Когда сейчас
Внимательно прослушаете нас.
Сам Люцифер сию минуту,
Благодаря фигляру-плуту,
Сюда придет.
Потом, наоборот,
К нам ангел спустится небесный
И, фокус выкинув чудесный,
Его, как липку, обдерет
И проведет.
А жонглер, говорят,
К сатане в самый ад
Через раскрытые двери
Вступил.
Он, когда еще жил
Между нами, то был
И бродяга,
И плут,
И ленивец,
И мошенник,
И лжец,
Нечестивец,
В картах шулер и вор.

О позор! Может быть, наконец,
Но, признаюсь вам в том,
Что во всем остальном
Был он честен кругом.
– «Приходи, милый мой!»
Сатана закричал,
Я давно уж скучал,
Дай обняться с тобой,
Дорогой!
Есть работа у нас:
Вишь – огонь то погас
Под котлом,
Ты раздуй-ка живей:
Души грешных людей
Варят в нем,
Я ж на землю лечу,
Прогуляться хочу.
Но смотри, не зевай!
Грешных душ из котла не пускай
Если ж ты хоть одну потеряешь,
То... надеюсь, меня понимаешь,
А покуда – прощай!
Господа! Мы кончаем вступленье
Начинаем свое представленье».

Пасть адова снова раскрылась, чтобы пропустить мальчи-
ка. Публика много аплодировала.

– Боже правый! – сказал герцог, – я в этом знаю толк,
это прелестная вещь. Кому обязаны мы такими прекрасны-

ми стихами?

– Я полагаю, поэту Кретену, автору королевских песен.

– Этан Кретен великий поэт!

Пасть ада снова разверзлась теперь уже во всю ширь и в ней показалось царство сатаны, с котлом грешников посредине. Жонглер поддерживал огонь под котлом, из которого поминутно появлялись головы и тотчас же исчезали в клубах пара.

Присутствующие содрогнулись от ужаса, вспомнив, что такая мука ожидала каждого грешника, не получившего от церкви отпущения в момент разлучения души с телом.

Затем начался следующий диалог:

Душа.

Горю, горю!

Жонглер.

Ну что-ж? Ведь надобно признаться,
Ты для того и здесь. Зачем же волноваться?
(Бьет ее лопатой. Ангел спускается с небес).
А это кто еще?

Ангел.

Здорово, милый мой!

Ба! ба! Что вижу я? Вы ль это предо мной?
При жизни славились игрой своей чудесной в кости.

Жонглер.

Вы хвалите меня... Мне это слышать лестно.

Ангел.

Вся адская теперь поразбрелась семья.
Что время нам терять? Сыграть не прочь бы я.
(Указывает ему на стол с костями).

Жонглер.

Эх! Горе – денег нет!

Ангел.

Ах, полно, не смешите! Их много у меня.

Жонглер.

Ну, если вы хотите
Сыграть сейчас со мной – рубашку ставлю я.
Нет у меня теперь ни денег, ни белья.

Ангел.

Да ставьте пять-шесть душ!
Что с ними вам скупиться?
Ведь мертвые они: не стоит и чиниться.

Жонглер.

Ах, нет! Никак нельзя!.. Хозяин этих мест
За душу каждую меня живьем заест,
Живой иль мертвый я.

Ангел.

Ну, это ль не обидно!
А я-то захватил с собой куш солидный!
Чтоб проигрыш вам свой червонцами платить.

Жонглер.

А не фальшивые?..

Ангел.

Верней не могут быть,
Послушайте их звон.
(Стучит червонцем по котлу).

Жонглер.

О, как оно сверкает! Я просто ослеплен!

Ангел.

Ну, кто же начинает?

За пару ваших душ – десяток золотых.

Жонглер.

Одну поставлю я.

Ангел.

Чего жалеть то их? (Дает ему кости).

Однако начинайте!

Жонглер.

Червонцы выставляйте. (Мечет кости).

Ангел.

Однако, вам везет! Скорее сосчитайте!

Три, два и пять – всего лишь десять выпало вот.

Жонглер.

У вас четырнадцать... проклятие костям!
Ну, две души!.. (Игра продолжается).

Ангел.

Шесть, три, четыре – ну, тринадцать,
А я – четыре, шесть и шесть, всего шестнадцать.

Жонглер.

Проклятье!.. Десять душ я ставлю в этот раз.

Ангел.

Не слишком много ли? Предупреждаю вас.

Жонглер.

Четверка, тройка, туз...
Что случилось со мной? (Продолжает метать кости).

Ангел.

Скажите, куманек, компанией какой
Наполнен ваш котел? Что за души у вас?

Жонглер.

Народ порядочный, – скажу я без прикрас.
Вас, разумеется, не стану уверять я,
Что души эти все безгрешны без изъятия.
Вы сами знаете: безгрешен только Бог.
Еще пока одно я в них заметить мог:
Народ откормленный...
Тут жирные аббаты,
Купцы, каноники (вот эти скуповаты),
Вельможи знатные, но всех не перечтешь
И... да бросайте же!

Ангел.

Шесть, пять и два... ну что же?
Тремя лишь более... Я счастливо играю
И с вас тринадцать душ за это получаю.

Жонглер.

Клянуся Римом я и праведных мощами,
Мне нынче не везет с проклятыми костями.

Ангел.

Ну что ж? Еще разок, чтоб проигрыш вернуть
Достаточно лишь раз с удачею метнуть.

Жонглер

Ну, ставлю пятьдесят!
Сам дьявол искушает
И не подумает, что этим мне мешает!
Ведь для него же я вот скоро час тружусь...
Родителем моим несчастным я клянусь,
Что выиграю я... Ну, у меня двенадцать.

Ангел

Опять я ставку взял – ведь у меня семнадцать.

Жонглер

Нет, с вами, вижу я, немислимо играть,
Удвою ставку я...

Ангел

Чтоб снова проиграть...
Да, удивительно мне повезло с игрою!..

Жонглер

Мой ангел, шулер вы, и я от вас не скрою,
Что небожителю такое ремесло
Не слишком то к лицу!..

Ангел

Кому не повезло
В игре на интерес, тот часто обвиняет
Партнера в том, что он не чисто с ним играет.

Жонглер

Поговори еще!
Попробуй, прикоснись
Хотя рукой к котлу...
Эй, лучше не берись. (Указывает на котел).

Ангел

А почему б не так? (Прикасается к котлу).

Жонглер

Ну погоди ж! Узнаешь
Ты скоро у меня, с кем ты теперь играешь.
Я крылья все тебе сейчас же ощипаю!..
Мошенничать в игре?.. Нет, я не потерплю!..

При этих словах он кидается на ангела, который, улетаая, опрокидывает крылом котел. В ту же минуту, оттуда выскакивает множество народа всевозможного ранга и в разнообразных костюмах. Все они разбегаются из Адовой пасти, рассыпаются между зрителями и громко хохочут над проделкой,

жертвой которой стал жонглер.

Сенешал смеется громче всех и восклицает:

– Вот как! Души разбежались!

Герцог несколько раз повторил:

– Славное нравоучение!

Каждый из присутствующих вставил словечко по поводу представления. Наконец, молчание снова водворилось, жонглер опять вошел в роль:

Жонглер

Ну, нечего сказать, дела мои плачевны,

Клянуся смертью я!.. О Люцифере гневном

Подумать страшно мне...

Но, Боже, он идет!.. Скорее спрятаться!..

Ведь он меня убьет!

(Соскакивает в зал. Входит Сатана).

Сатана

Фу, мочи нет, – устал! Пот так и льется градом...

Но, что я вижу тут? Что сталося вдруг с адом?

Раздался оглушительный хохот: превосходно загримированная фигура актера выражала полнейший столбняк.

Людовик Орлеанский, забыв любовницу, обычную гордость, собственное достоинство, хохотал держась за бока и

дразнил короля шутов, совершенно неузнаваемого по его искусству одеваться и менять голос.

– Ого-го! Сатана, ловко вас провели! Вся ваша кухня пошла к черту... Ай, ай, ай, к черту! Скорее надо сказать к Богу; ха-ха-ха!

– Ох, ох, – хохотал сенешал, придерживая живот обеими руками, точно боясь, чтобы он не лопнул.

– Хи-хи-хи! – хихикали стрелки и прислуга, и метр Гонен мог видеть, как качалась от смеха вся его аудитория под впечатлением его фарса.

Хохот раздался еще сильнее, когда Сатана в сильном раздражении обратился к публике:

– Чего вы там хохочете, чего вы копошитесь, как куча мошек в солнечном луче? Клянусь головой и рогами, разве уж я так смешон? Скажу же вам только одно: я и вправду Сатана! Я хочу получить свои души обратно. Эй, ко мне! Голова, кровь!

При этом сатанинском заклинании, перепуганные души продвинулись к зрителям, крича:

– Помилосердуйте!

Зрители, войдя в роль покровителей и продолжая смеяться, протягивали руки бедным душам, которые, трепеща, хватались каждая за ближайшего соседа, подобно тому как плющ цепляется за молодой вяз.

Сатана, казалось, серьезно вошел в роль, со всем ее трагизмом, и крикнул громовым голосом:

– Я всех вас держу в своей власти, слышите ли? Теперь настала моя очередь смеяться. Я сейчас выпущу из земли легион чертей, которые унесут вас.

Дрожь пробежала по собранию. В разных углах послышались восклицания:

– Что такое он говорит?.. Да это в пьесе?.. Да нет же!.. Нет, так... У меня каждая жилка колотится.

Толстый сенешал кричал:

– Он пьян, негодяй! Рибле и Гумберт ревели:

– Ты, кажется, глотку передрал, краснобай.

Людовик Орлеанский, как бы для того, чтобы успокоить герцогиню, обнимал ее и говорил, смеясь:

– Друзья мои, это фарс, просто шутовское представление (sotie), конец вам все объяснит.

Сатана продолжал еще более громовым голосом:

– Эй, товарищи! Берите, хватайте, вяжите души и бейте, если станут сопротивляться.

При первом же крике: «берите» руки защитников, протянутые к бедным душам, оказались моментально связанными и стянутыми. Тем, кто пробовал сопротивляться, демоны пригрозили оружием, спрятанным у них под одеждой.

Во время этой сумятицы, монах, сидевший в кабинете, выскочил оттуда, бросился к герцогине Неверской, приподнял ей вуаль, узнал и вскрикнул таким зычным голосом, что этот крик ясно выделился среди общего гама, потом поднял кулак к потолку, точно хотел пробить его, как будто призы-

вая в свидетели само небо, и опять вошел в кабинет.

Внезапное нападение фигляров было проделано так ловко, как будто его долго репетировали; все защитники замка в одно мгновение были перевязаны.

Метр Гонен, как и сам не раз этим хвастался, вербовал своих людей между самыми низменными подонками общества: тут были отчаянная голь, бродяги, воры, всякие оборванцы, – народ отчаянный, которому терять было нечего, издавна привыкший ко всяким плутням, а в случае надобности пускавший в ход ножи.

Гонен встретил между ними несколько натур выдающихся, но загубленных феодальной системой. Он образовал из них труппу актеров годных для своего времени; скорее гаеров, чем комедиантов, истых жонглеров, соединявших с гибкостью тела искусство покрывать себя фиктивными ранами, корчить калек и, в особенности, ловко обрезать кошельки и сумки для сбора милостыни.

Гонен собрал их, и сказал:

– Долой старые привычки и нищету! Иерусалим, создавший нам нищенствующего сына Божия, теперь посылает нам братство св. Страстей Господних, чтобы представлять мистерии на папертях церкви. Присоединимся к этой благочестивой труппе, оставив для себя храм языческий, рядом с храмом христианским.

С этих пор была создана труппа *Бесшабашных* (Enfants sans sonsy). Наравне с трубадурами, труверами, повествова-

телями легенд, певцами баллад, бардами Севера и бардами Юга, перед *Бесшабашными* замки, дворцы и города растворяли ворота свои. Казалось невозможным и чуть не святотатством отказываться от их представлений.

Вот почему так легко было устроить ловушку в замке де Боте.

XV. Оргия

*«Гей! Вытьем, вытьем поскорей,
Напьемся, как пятьсот свиней!»*

Король шутов, как мы это видели, был великий артист и великий конспиратор. Макиавелли, сочинявший комедии, остался бы им доволен.

Он выскочил из своего театра в залу и подбежал прямо к герцогу Орлеанскому, в ту самую минуту, когда последний, хотя и крепко связанный, успел вытащить из ножен кинжал и угрожал им жонглеру Этьену Мюсто, который сторожил его.

Король шутов вырвал у него из рук кинжал.

– Ай-ай, прекрасный герцог, отдайте-ка мне эту игрушку, годную только на зубочистки, право... Теперь, – обратился он к товарищам, – ступайте, потихонечку приберите замковую стражу на башнях... а вы, адовы пленники, молчать!..

Никто не смей шевелиться, ни кричать, ни пикнуть слово, иначе, клянусь, что первый, кто пикнет, попробует на своей шее, как затягивается веревкой мешок.

Потом, увидев Обера ле Фламена, он крикнул:

– Гола, товарищ, все идет, как по маслу; вот твоя жена.

Он указал на все еще покрытую вуалью Маргариту.

– Гм... – прибавил он, – согласишься, куманек, что я черт

добрый, я бы мог теперь перехватить ее и для себя.

– О! милостивый господин, – умоляющим и покорным тоном взмолился Обер, – у вас их так много... и потом, это было бы недостойно вас!

– Обер! Здесь! – спрашивал сам себя ошеломленный герцог Орлеанский.

– Обер, – продолжал Гонен, хорохорясь своей властью, – вы обратились к нашему всемогуществу для возвращения себе вашей жены, изменнически захваченной Людовиком Орлеанским, вот она, берите ее.

– Дорогая Мариета, сколько вы выстрадали, должно быть! – сказал Обер Маргарите.

Герцогиня в ужасе подвинулась к Орлеанскому, но у последнего не хватило ни времени, ни хладнокровия посоветовать ей воспользоваться ошибкой и бежать.

– Назад! – закричал он.

Обер, вне себя от гнева, выхватил кинжал и готов был поразить принца, но Гонен удержал его.

– Постой, куманек, женщин нельзя брать силой.

Бедный Обер, совершенно поработанный чертом, покорно опустил голову, но в эту самую минуту Мариета вышла из кабинета и, подойдя к Оберу, сказала совершенно просто:

– Я здесь, мессир, и готова следовать за вами везде, куда вам угодно будет повести вашу супругу перед Богом и перед людьми.

Эффект вышел поистине театральным для всех. Сам Го-

нен не понимал ничего, тем не менее он ничем не выдал своего глубокого изумления и с удивительным присутствием духа продолжал разыгрывать роль властителя.

– Обер ле Фламен, – величественно сказал он, – тебе известны наши условия. Эй, жонглер! Дать ему двух лошадей и пусть двое из наших проводят его за десять миль. Они потом встретятся с нами в известном им месте.

– Но, – возразил Обер, который при всей своей радости, все-таки тревожился, – ведь меня могут арестовать: в провинции, для свободного проезда, требуется открытый лист за подписью короля.

– Совершенно верно: вот вам открытый лист, – отрезал Гонен, протягивая ему сверток, который он вынул из кармана. – Здесь все в порядке, вот королевская печать.

А Обер потихоньку прибавил:

– И имя Карпалена, которое мне теперь предстоит навеки! Что ни говори, сколько бы я ни боролся, а все-таки это сам сатана.

– Что ты там еще бормочешь? Ах, да! У тебя чего-то не хватает? Денег, что ли? Так вот, возьми, а если еще понадобится, обращай ко мне. К твоим услугам всегда найдется у меня в кармане... или в кармане первого встречного, что собственно одно и то же. Ну, теперь в путь-дорогу.

Мариета между тем держала в руках сверток, который отдал ей монах в кабинете.

– Это что еще? – спросил Гонен, беря у нее из рук письмо.

Потом, прочитав подпись, он прибавил:

– Ах, да! Это тебе, Обер, или лучше сказать тому, кому ты должен это передать, проездом через Париж.

Обер взял одною рукой письмо, а другою Мариету и вышел в сопровождении двух бесшабашных. Король шутов снова вернулся к роли всесильного судьи.

– Я продолжаю свой суд, Людовик Орлеанский.

При этом имени, герцог поднял голову: с момента появления Мариеты, он впал в какое-то странное оцепенение.

– Она тут была, – говорил он про себя.

– Людовик Орлеанский, – продолжал Гонен, – до сего времени вы вели жизнь вполне беспорядочную и расточительную. Для удовлетворения своих страстей вы притесняли бедняков и оскорбляли их своей роскошью. Вы подвергнетесь вполне заслуженному наказанию. Я беру себе все сокровища, находящиеся в этом замке. Все они награблены вашими приближенными, вашими сенешалами, начиная вот с того толстого, который здесь сидит, – молчать, сенешал! – вашими фурьерами и конюхами, – молчи, Рибле. Эти богатства будут возвращены народу, от которого они взяты. Я беру на себя распределение их. Теперь, если вы имеете что-нибудь возразить мне, можете говорить.

– Я имею сказать тебе, – отвечал принц, – что ты презренный негодяй. Я прикажу вскипятить тебя на Гревской площади, как только я буду в состоянии это сделать.

– Славно сказано, ваша светлость.

– Тебя сожгут, как обманщика и фальшивомонетчика, хотя ты и выдаешь себя за черта.

– Да разве же я не черт?

– Да, ты, может быть, колдун, но вовсе не сатана. Если ты черт, поклянись в этом Богом. Погоди, вот что еще лучше докажет твои плутни. Видишь вот святые мощи блаженного св. Дионисия. Нет такой магии, такого колдовства, которое устояло бы перед этой святыней, и если бы ты взаправду был не мошенник, не бродяга, а действительно нечистая сила, ты бы давно сгинул и провалился сквозь землю.

Гонен с видом сожаления пожал плечами.

– Бедный, легковерный человек! Но вы, по крайней мере, признаете, что я колдун первой руки?

И в одно мгновение сбросив с себя все сатанинское убранство – рога и маску козла, он появился в наряде тяжеловооруженного рыцаря, закованного в железо, с каской на голове, с наколенниками и наручниками: затем, как вежливый паладин, преклонил колени перед герцогиней, личность которой он угадал, и произнес:

– Сударыня, не бойтесь. Вы будете смотреть эту мистерию до конца, который, впрочем, уже недалек.

Затем, встав и обратившись к герцогу Орлеанскому, он сказал:

– Да, ваше высочество правы: я не сатана, ни даже не клеветет его. Я только играю роль, вот и все. Но согласитесь, что чертовщина, которую я разыграл перед вами, настолько нра-

воучительна, что о ней стоит помнить. Что же вы не аплодируете мне?

– Ты, действительно, плут ловкий, только заходишь уж слишком далеко... но – верни сюда ту, которая уехала, и тогда бери отсюда все, что хочешь.

– Потихе! – сказал Гонен, бросив искоса взгляд на дверь кабинета, между тем как герцог Орлеанский тоже украдкой посмотрел на герцогиню, на которую до тех пор не обращал внимания, и прибавил:

– Я буду аплодировать только при такой развязке.

– Этого нельзя, ваше высочество. Красавица теперь уже далеко, а я еще не расположен дать вам свободу.

– Злодей!

– О, вот оригинальный способ вести переговоры! Разве я здесь не властен? Разве я не могу сейчас же всех вас перевешать, что было бы для меня всего вернее!.. Потому что... ну, рассудите сами. Доказано... а, вот и люди мои с добычей. Это все, что вы разыскали?

– Все, хозяин.

– Ищите еще... Боже правый! Какие прекрасные кубки! Ставьте их сюда, на банкетный стол. Несите сюда вина самого лучшего. Тащите из погребов как можно больше. Эти господа выпьют с нами. Не правда ли, ваша светлость?

– Как же это возможно, если мы связаны? – насмешливо сказал Орлеанский.

– Это ничего не значит. Браслетки на руках ничуть не ме-

шают движению пальцев. Взять кубок очень легко. Мы вас научим. Но позвольте, я доскажу. Доказано, сказал я, что я разбойник, грабитель, колдун, все, что хотите. Я – только я, а не кто иной. Ваши эпитеты рассекают воздух и только. Доказано также – и это уже положительно, что я теперь хозяин замка и что, в случае нужды, у меня даже найдется народ, чтобы выдержать осаду.

– Боже истинный! – завопил сенешал, завозившись на своей скамейке, так что она затрещала, – неужели вас триста человек.

– Триста, да еще с хвостиком! – отрезал Гонен совершенно равнодушно. – Эй, жонглер, что они, заняли ли караулы?

– По всем башням стоят.

– Отлично. А виселицу поставили на всякий случай для непокорных?

– Потрудитесь, господин, взглянуть в окно.

Действительно, в саду возвышалась виселица и веревка от нее болталась по воле ветра.

Это зрелище спасительно подействовало на водворение порядка между побежденными.

– Я полагаю, – продолжал король шутов, – что вернейший способ для нас безопасно уйти со всей нашей добычей – это перебить вас всех...

Общий крик прервал оратора, которого это нимало не смутило.

– Я так думаю – но я могу и ошибаться. Если вы можете

посоветовать нам что-нибудь лучшее, на пользу вашу и нашу, – говорите.

– Слушай, – сказал принц, – если уж обстоятельства так сложились, что принц крови должен покориться такому человеку, как ты, то я даю тебе слово герцога, что никоим образом не стану вас преследовать и позволю вам уйти со всеми плодами вашей экспедиции.

– Найдите что-нибудь получше, да поторопитесь!

– Именем святого Людовика! Я и то слишком добр, что делаю тебе такое предложение.

– А я не менее добр, что спрашиваю вашего совета. А-а! Вот и вино! Слушайте: мне пришла мысль, которая разрешает все затруднения. Вы умрете тихой и приятной смертью.

Поднялся шум, вопль. Гумберт, ударив железными наручниками о банкетный стол, чтобы разбить их, был в ту же минуту схвачен, вытасчен из залы, и скоро из окна увидели на длинной перекладине виселицы болтающийся труп.

Это трагическое происшествие сразу остановило все жалобы и вопли.

– Я лишу вас жизни только на несколько часов, – продолжал Гонен, – после чего вы воскреснете свежими и веселыми. Даю вам слово. Вы, надеюсь, согласны?

– Так вешайте же нас сейчас, как этого бедного Гумберта, – сказал принц, если вы можете и смеете это сделать, но перестаньте издеваться над нами.

– А, вы признаете, что я могу, если осмелюсь? Ну, так я

могу еще большее.

Тогда, протянув руки к повешенному, он громко крикнул:

– Умерший, спускайся и иди сюда. При этом восклицании, веревка перервалась, труп упал, поднялся, вошел в залу и сел на прежнее место. Но он был зеленый, как человек, пришедший с того света, и уже не имел охоты бунтовать.

– Все это удивляет вас, принц? Я вижу, что мне следует дать вам объяснение моей аллегории. Вот вино. Вы будете пить его до тех пор, пока не свалитесь все замертво пьяные на землю и не проснетесь через сутки. Тем временем мы будем далеко. Поняли вы? Средство очень веселое и совершенно новое – двойное условие, которому я, как артист придаю большое значение, ибо я столько же гонюсь за славой, сколько и за выгодами.

Герцог улыбнулся.

– Делать нечего, волей-неволей нужно покориться. Я буду утешать себя тем, что меня обошел такой ловкий плут. Будем же пить, если это нужно: будем пить до опьянения, до сна. Твое средство не ново: не в первый раз уже вино заставит меня забыть житейские невзгоды.

– Ах! Вот это славно сказано! Отвяжите герцога и рассадите пленников за банкетным столом поудобнее. Становитесь за стулом каждого из них с кружкой в руках, как виначерпии, и постоянно подливайте им нектар, а вы, господа стрелки, не подумайте обманывать нас и сваливаться под стол, прежде чем будете совсем пьяны: мы в этих делах толк

знаем... а затем, для большей безопасности двери будут заперты. Тебе, жонглер, я поручаю сенешала: наблюдай за его толстым брюхом, пока оно не свернется. А теперь, ваше высочество, мы с вами... Вот маленький столик античной формы, очень удобный для принесения в жертву вашего разума, которого, устами своего служителя, требует бог Фатум. Выпейте эту чашу с широкими краями, столь же большую, как чаша Кнея Домиция, деда Неронова, который убил отпущенника только за то, что тот выпил чашу в два приема. Герцог, выпив чашу одним духом, заметил:

– Ого! Да ты ученый!

И в ту минуту, когда этот ученый отошел к жонглеру, чтобы наполнить огромную амфору, Орлеанский наклонился к уху Маргариты:

– Герцогиня, – сказал он, – у вас есть золотой ключик. Воспользуйтесь им, чтобы уйти и прислать мне помощь.

– Я тоже так думаю, – ответила она, – и при первой благоприятной минуте, сделаю это.

Пока происходил этот обмен слов, король шутов со своей стороны говорил кузену Мюсто, что все идет отлично, что, выйдя из замка, они разойдутся один направо, другой налево и свидятся в Париже, где королева в награду за военную хитрость, которой позавидовал бы сам мессир Мильтиад, назначит его, Мюсто, королем бездельников.

– А затем, раз ты на этом месте, постарайся быть честным и сделаешь карьеру... Честным, конечно, относительно. Ты

будешь отправлять правосудие, а мы всегда будем побираться. Эти две профессии идут рука об руку и одна другую поддерживает. Ну так вот, когда тебе придется вести на виселицу кого-нибудь из наших, – потому что, как я ни смотрю за бесшабашными, а все какой-нибудь из них нет-нет, да и попадется, – так ты смотри: не забудь тот способ, которому я тебя научил. Впрочем, твой опыт над Гумбертом отлично удался.

– Во всем, кузен, нужна наука. Гумберту счастливо сошло: петля чуть было совсем не затянулась.

– Это было бы несчастье. Ведь ты не стал бы делать это нарочно.

Затем, передав незаметно в руки Этьена снотворный порошок, который нужно было примешать к вину, Гонен вернулся к герцогу, уже допивавшему свою чашу, а так как, в сущности, этому принцу нужно было не много вина, чтобы прийти в хорошее расположение духа, то он уже был навеселе. Так уж создан был этот беспечный человек. Настоящая минута уносила на крыльях своих самое воспоминание о том, что было минутой раньше. Гонен, одним словом, толкнул его в древний мир, и ему уже казалось, что вокруг него вертится Эвтерпа со своими символическими атрибутами.

XVI. Черный монах

*«Чей голос нежный там звучит?
Тебя зовет любовь другая?
Страшись: моя душа, страдая
Тебе измены не простит».*

Было какое-то таинственное и могучее сродство душ между принцем-поэтом и образованным шутом.

Гонен, держа в обеих руках по чаше с вином и протягивая ту, в которую только что был брошен порошок, вскрикнул:

– Ваше высочество! Выпьем за фрейлин госпожи Венеры! За трех граций! За блестящую Аглаю, за Талию, вселяющую радость, за Эвфрозину, веселящую душу.

Чаши чокнулись – и по всей зале пронесся тот же звук, стрелки, слуги, разбойники – все весело выпили, сенешал выпил с жонглером; вино было отличное, старое, Бонское (de Beaune) цвета бычьего рога, в то время считавшееся самым лучшим.

– Право, – говорил Орлеанский Гонену, – меня удивляет ваш род занятий, когда вы, по-видимому, очень образованный человек.

– Увы! – ответил король шутов, – это-то и сгубило меня... На мое несчастье у меня был отец, горячо меня любив-

ший, бедный рабочий, отрывавший от себя последнее, чтобы дать мне возможность выйти на научную дорогу. Так как я был малый способный, отец сделал меня клерком. Я изучил все науки, богословие, химию, астрономию, даже магию. Да, я пропустил еще философию; ах, в этой науке я был всего сильнее. Никто лучше меня не мог вести спор относительно метафизики Аристотеля; но зато, в тавернах, никто больше моего не ломал оловянных блюд и каменных кружек. Ночью бывало совсем другое дело! С моими славными товарищами я скоро научился смешивать слова «твой» и «мой». Мы менялись имуществом с запоздалыми буржуа или же вели осаду на меня. Надо же было чем-нибудь пополнять ничтожные отцовские субсидии; когда вспыхнул бунт мальотинцев, я не преминул принять в нем участие, не только делом, но даже словом. Я воспел в стихах их подвиги...

– Ах, ты также пошаливаешь...

– С музой? Нет, я треплю ее, как настоящий мужлан... но мы забываем пить! Ступай сюда, жонглер, и наливай нам чаши.

Этьен Мюсто поспешил на зов кузена и герцог, осушив свою чашу, весело вскричал, икнув при этом, как настоящий мужик:

– Так как ты, по-видимому, знаток в этом деле, то я предложу на твой суд одно стихотворение моего сочинения.

– Рад слушать, ваша светлость.

– Это песня, простая песня; посвященная госпоже Венере.

Вот она:

С мольбой к богине прибегает
Теперь покорный Людовик
И о себе напоминает,
Что он ни на единый миг
Не забывал служить богине
И служит ей доныне.
Он был всегда ее рабом,
Притом
В числе любовников примерных
И неизменно верных,
Он в юные года
С охотою всегда
Богине верен оставался
И честно службе предавался.

– Если и все остальное в том же роде, то пощадите меня, ваша светлость!

– Как, олух! Ты смеешь пренебрегать моим сочинением, между тем как все признают меня принцем французских поэтов.

– Принцем – пусть так! – прервал Гонен с многозначительной гримасой, – но поэтом – это другое, дело! У вас то же самое, что у Карла Анжуйского, у Тибо Шампаньского и у Генриха Суассонского.

– Так это не нравится тебе, негодяй?

– Признаюсь откровенно: я предпочитаю Рутебефа, Гюю-

на, Гэзио, Куртбарба.

– Вот еще чудесные поэты, тяжелые как и имена их. Да они и от роду не читали ни трубадуров, ни латинских и греческих авторов!

– Совершенно верно, но они лихо пили и находили вдохновение в бутылке. Вы, однако, бережете себя... Эй, жонглер, спой-ка песню, повесели его высочество!

– Сейчас, господин!

Этьен Мюсто пропел три куплета, припев которых подхватывали все бесшабашные. Люди принца едва повторили припев, как склонились на стол и уснули. Принц боролся со сном и все повторял:

«Крик! Крок!» и проч.

– Я вам объясню, – сказал Гонен, – что значит на обыкновенном языке эта песня разбойников-властителей на больших дорогах. Те, кого вешают, умирают ближе к небу, а раз попав к милосердому Богу, находят у него вдоволь доброго вина и хлеба, и непременно белого. Можно ли найти где-нибудь лучшее нравоучение? Орлеанский не возражал; он, в свою очередь, засыпал, повторяя: «Трюк, трюк» и проч.

– Спокойной ночи, ваше высочество! – весело крикнул король шутов.

Убедившись, что стрелки и слуги спят крепчайшим сном, он поспешил освободиться от каски, кирасы и кольчуги.

– Пора собираться! – сказал он своим людям. – Идемте, но только объявляю наперед: кто не хочет познакомиться с

виселицей – держи язык за зубами.

Собравшаяся в кучу шайка поклонилась и выпила прощальный кубок, пропев:

«Будем пить, кружки бить
До ста су... Ого-го-го!..
И хозяйке не платить...
Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!»

В несколько минут Адова Пасть была убрана и снесена на телегу, уже нагруженную награбленным добром.

Затем, пустились в путь. Кладь была слишком тяжела, особенно для дурной дороги через Венсенский лес, и никто на повозку не садился, а все шли около колес.

При въезде в Париж через ворота улицы Барбет, они встретили всадника, который во всю мочь скакал по направлению к Венсенскому лесу. В лесу всадник повстречался с двумя монахами, ехавшими на двух смирных мулах. Монахи посторонились на край тропинки, и когда всадник промчался, как молния, мимо них, то один из монахов сказал другому:

– Человек еще быстрее несется к несчастью, чем к счастью. Вот этот, что проехал, достигнет желаемой цели лишь затем, чтобы поскользнуться в крови.

Он хорошо знал в чем дело, этот таинственный монах, чье мщение подготовило катастрофу, кто приподнял покрывало герцогини и отдал Мариету Оберу ле Фламену.

Оба монаха, въехав на первый двор отеля Сен-Поль, вошли в отель, показав королевский пропуск. Там, сняв монашескую одежду, один пошел на королевскую половину, а другой, выйдя через маленькую овальную дверь на улицу Турнель, отправился в свой театр, построенный на площадке Рынка.

Что же произошло между этими двумя лицами в замке де Боте, до отъезда труппы Бесшабашных?

Недолгая, но потрясающая сцена. Герцогиня Неверская притворилась спящей, чтобы улизнуть из-под надзора демонов, овладевших замком. Когда они ушли, под предводительством Этьена Мюсто, она открыла глаза, но увидела перед собой, смотрящего на нее сквозь два отверстия в маске кающегося, совершенно скрывавшей лицо, монаха, прятавшегося в кабинете, а с ним вместе другого монаха из братства св. Страстей.

На руке у монаха не было перчатки и изящество этой руки могло бы выдать женщину, если бы кинжал, мгновенно выхваченный ею, и гневные речи не показали в нем беспощадного врага.

Маргарита упала на колени, умоляя пощадить ее, но все ее просьбы остались бы тщетны, если бы другой монах, член святого братства, не удержал поднятой руки и не обезоружил монаха, явившегося карателем. От страха и ужаса герцогиня упала без чувств.

Когда она очнулась, бешеный монах и метр Гонен уже ис-

чезли, она была в немой зале, с уснувшими гостями, в покинутом, кругом отворенном замке. Она не решалась отойти от герцога Орлеанского, который бредил, когда вдруг послышавшийся лошадиный топот заставил ее вздрогнуть. Приподняв голову, она выглянула в окно, освещенное великолепным лунным светом, озарявшим все происходящее на дворе.

По дороге во всю мочь неся всадник, которого она, тотчас же узнала. Наскоро поцеловав спящего возлюбленного, она побежала к потайной двери, замаскированной картиной, отворила ее и исчезла в лабиринте подземелья.

И пора было. В ту самую минуту, как затворялась потайная дверь, в зал как буря влетел Иоанн Неверский.

Он быстро огляделся, но не нашел ничего подозрительно-го. Взяв смоляной факел, он обошел всех спящих, каждому заглядывая в лицо.

Когда он дошел до герцога Орлеанского, у него появилось непреодолимое желание потушить факел об это красивое лицо.

Но он сдержал себя и только сказал с презрением:

– И этот-то человек думает управлять государством! Бедная Франция! Однако, меня обманули, – прибавил он с тяжелым, грозным вздохом. – Горе тому, кто осмелился оклеветать Маргариту!

Он снова сел на лошадь и уже гораздо тише поехал в приют св. Сатурнина, где нашел свою супругу молящейся; он

дружески обнял ту, которая поручала его Богу, и вернулся в Париж наблюдать за формированием войска, с которым ему предстояло идти в Венгрию.

Однако дорогой он подумал о замке де Боте, покинутом на произвол судьбы, в необъяснимом для него беспорядке, и послал одного из своих офицеров, Рауля д'Актонвиля, с ротой ландскнехтов для охраны герцогского жилища, которое сам он называл притоном всех мерзостей.

XVII. Обер ле Фламен

*«Довольно, решено! Пусть эта ночь темна
Как самый ад – она мгновенно осветится.
Обманутый во тьме начнет сейчас трудиться
И будет ночь и слез, и ужасов полна».*

Во Франции того времени, раздробленной на множество частей, насчитывалось бесчисленное множество владельцев, которые, нося титулы принцев, герцогов, графов и баронов, хотя и считались вассалами короны, на самом же деле были гораздо могущественнее своего сюзерена.

Одним из важнейших в числе этих маленьких государств было герцогство Аквитанское, принадлежавшее Англии со времени брака Генриха II с Элеонорой Гиеньской, разведенной женой Людовика Юного.

В эту то Аквитанию, по приказанию Изабеллы Баварской, отправились сир де Кони с женой, на двух борзых ратных конях. С большими опасностями проехали они расстояние, отделявшее замок де Боте от небольшого городка Кутри, где они располагали остановиться.

Гостиницы в те времена были редки, а дороги далеко не безопасны.

Они поселились под именем Карпаден, как значилось в

королевском паспорте, и сначала жили в довольстве, благодаря сумке, щедро набитой золотом, которую Гонен срезал с кушака герцога Орлеанского, или, скорее, которую он поцарски отнял в вознаграждение обманутому мужу.

Но через несколько месяцев сумка истощилась, а обещанная помощь от короля шутов не приходила.

Изабелла избавилась от Мариеты и не хотела больше слышать о ней. Обер ле Фламен, от своих прежних занятий в качестве клерка в конторе отца своего, сохранил прекрасный почерк. Он занялся перепиской рукописей и получал работу из монастырей Гаскони и Гиенны. Обер Карпален трудился с тем большим мужеством, что считал себя виновником плода, за созреванием которого он следил изо дня в день. Работая с монахами, он много изменился к лучшему; приобрел много сведений, стал гораздо красноречивее, но смягчение внешних форм не укротило в нем свирепости солдата.

Он немножко более теперь верил в Бога и немного менее в черта, но он слепо верил в свое право быть отцом своих детей, и когда, по истечении шести месяцев со дня свадьбы, у него родился вполне развитой и здоровый мальчик, он чуть не умер от бешенства и в ярости воскликнул:

– Я убью его!

– Умилосердись! – рыдала Мариета, – он не виноват!

– Нет, он умрет, а вместе с ним вы и злодей...

– Именем вашей матери, мессир...

– Мать моя была честная женщина.

– Клянусь вам, что как жена я вполне безупречна, если и была опозорена девушкой. Человек, загубивший мою молодость, не коснулся жены сира де Кони. Если бы я согласилась обманывать вас, меня не пришлось бы силой вырывать из вашего дома и тащить в замок де Боте. Принц дал бы вам долговременную командировку и мой бедный мальчик родился бы без вас; можно было бы все скрыть... Но я не согласилась на эту последнюю низость.

Обер ле Фламен задумался; вдруг он отбросил бывший в его руке кинжал и сказал Мариете:

– Вы останетесь живы!

– Благодарю вас за моего ребенка.

– Благодарить не за что. Ваша жизнь полезна для осуществления замысла, который промелькнул у меня в голове, как адское пламя, как пылающий уголь, на который упал кусок льда.

С этого дня супруги стали совершенно чужды друг другу и никогда ни одним словом не касались этого вопроса. А сын герцога Орлеанского между тем рос, набирался силы, здоровья.

XVIII. Рынок (Les Halles)

*«Осел на то и сотворен,
Чтоб зелень доставлять на рынок!
С салатом несколько корзинок,
Морковь, капусту возит он.
Но вот он вспомнил про любовь
И заревел в ослиный рев».*

Иоанн Неверский лишился отца своего Филиппа и сделался герцогом Бургундским некоторое время спустя по возвращении с востока, где ему пришлось перенести многие тяжелые удары и где он даже был взят в плен Баязетом, вместе с Бусико. Он вернулся из Венгрии, сильно утратив прежнее обаяние, и для своего престижа напрасно старался льстить народу, вмешивался фамильярно в толпу, даже доходил до того, что жал руку палачу, но все это не помогало ему увлечь массы против герцога Орлеанского, которого он всей душой ненавидел. Орлеанский, между тем, вместе с Изабеллой стояли во главе правления, а народ, как бедный выучный осел, по-прежнему нес на себе иго сеньоров и духовенства.

Пока Иоанн Неверский находился в плену, Орлеанский ходил воевать в Гиеннь, но потерпел позорную неудачу под стенами Блуа и вернулся в Париж хотя без лавров, но чрезвычайно довольный своим походом. Ему удалось открыть в

Кутра убежище Мариеты, и он опять приказал увезти ее.

Он спрятал ее в своем Люксембургском отеле, названном так по имени прежнего владельца отеля, Иоанна, короля Люксембургского. На месте этого отеля впоследствии построили дворец для Екатерины Медичи, который потом обратили в отель де Суассон, а затем переделали в хлебный рынок. Из всего его прошлого сохранилась лишь одна каменная колонна, дорического стиля, вышиной более восьмидесяти футов, куда всходила Екатерина для занятий астрологией.

Недалеко от замка расположены были рынки, устроенные в 1278 году Филиппом Смелым, вдоль стены кладбища des Innocent (Невинных), для продажи старого платья, кожи и башмаков. Позднее рынки расширились: появилась рыба, овощи, фрукты. А так как все это производило стечение народа, то здесь же устроили и лобное место. Оно состояло из восьмиугольной каменной постройки, с деревянной башенкой наверху. Посреди этой башенки помещалось железное вертящееся колесо с отверстиями, откуда высывались голова и руки осужденных, выставленных на показ публики, хозяек, приходивших покупать провизию, а также нагруженных съестными припасами ослов, которые кричали во всю мочь один перед другим.

Тут же поблизости привлекало любопытных еще другое зрелище: театр, в котором король шутов окончательно укрепил свою странствующую труппу.

Наконец, между столбами рынка ютилась и лавочка отца

Колины Демер, той самой, которую мы когда-то видели на Суде любви требовавшей возмездия за храбрые подвиги герцога Орлеанского на поприще любовных походов.

В описываемую минуту цирюльник Демер занимался бритьем старого нашего знакомого жандарма Рибле, которому теперь было лет сорок. Он, казалось, очень гордился своим первым чином. Он только что завел какой-то рассказ, прерванный бритвой, и теперь опять продолжал его:

– Да, – говорил он, – кум Жеан, это было в конце января лета Господа нашего 1392. Значит теперь, когда у нас октябрь 1407 года, этому больше пятнадцати лет. За два дня до того у короля на маскараде загорелось платье, после чего уж он совсем сошел с ума, а мы, – повторяю я, – в замке де Боте попались в ловушку как последние простофили.

– Да, вам пришлось иметь дело с хитрым малым, – сказал Демер. – И кто же это мог быть?

– Может быть король Арго, великий Козр?

– О, нет! Этого здесь знают уже лет тридцать. Его зовут Жак Пипелю и он безногий, ездит в тележке на паре собак и распевает свои плаксивые песни.

– Ну, так это Цыганский герцог! Ну, да все равно! В заключение он оставил нас в растяжку на полу, точно продажных телят на Гревском рынке, и неподвижными как мертвые ослы... Сказать между нами, так то вино, которым он нас поил, было заколдовано. Мы бы, может быть, и еще спали, да уж приехал отряд солдат герцога Неверского и давай нас

трясти как груши. Герцог Орлеанский, которого поил Цыганский герцог самолично, проснувшись, все еще бредил, а когда начальник отряда спросил у него – куда ушли мошенники, ограбившие замок, то он ответил:

– Мошенники сидят в твоей коже, бродяга! Смеешь ли ты и теперь утверждать, что песни на воровском языке лучше моих баллад, тензон и сирвент?

Он продолжал в этом роде до тех пор, пока люди герцога Неверского, не добившись от него толку, пустились наобум искать разбойников, а те были уже далеко.

– А что, если бы вы встретили этого Цыганского герцога, как вы называете, что бы с ним сделали?

– Я бы его сейчас же арестовал, и, надеюсь, его бы повесили. А пока, метр Жеан, вот вам за неделю денье с орлом: но куда девался ваш мальчик? Эй, Жакоб! Поди-ка сюда, малюк.

– Я здесь, я здесь, – отвечал юноша лет пятнадцати-шестнадцати, показываясь на пороге.

– Знаете ли что, метр Жеан! Я его видел вот каким, при жизни вашей дочки – упокой Господи ее душу с миром! Она рано умерла, да и муж ее тоже... я его совсем не знал. Он ведь, кажется, каменщик был и его задавило, что ли? Вы мне так, кажется, рассказывали?

– Да, кум, задавило.

– Ну уж ловок же он детей мастерить! Чем больше этот малый растет, тем больше становится похожим на герцога

Орлеанского.

– Ну с чего бы ему походить?

– А что же такое? Лучше походить на принца, чем на по-денщика! Видно он глянул на нее, принц-то. Ваша дочка, может быть, беременная видела принца во всем параде на какой-нибудь церемонии. Вот вам и довольно; но это уж общее правило, что женщины скорее посмотрят на красивого, залитого золотом сеньора, чем на такого буржуа, как вы или на простого жандарма, как я... да и то еще, за недостатком принца, жандарм, когда он во всем параде, да чистый!.. Вы мне скажете, что и буржуа, когда он на службе в карауле, да имеет средства носить медное вооружение, так тоже бросается в глаза женщине: только нет? Надо еще уметь носить это, а то так и будет казаться, что он надел на себя кухонную посуду.

– Так, кум, так! Это от глаза: посмотрел на нее и больше ничего.

– Ну вот, за то, что ты похож на герцога, малек, вот тебе монетка, только смотри, не проиграй ее.

– Благодарю вас, метр Рибле, отдайте его нищему, – гордо ответил Жакоб, очень довольный, что похож на принца.

– Ого! Да ты гордец, точно старший сын Саморабокена! Ну, заболтался я с вами. Пора и во дворец, – одеваться да сопровождать герцога Орлеанского в церковь августинцев: сегодня он и герцог Бургундский должны поклясться на свя-тых дарах в вечной дружбе.

Рибле ушел, бормоча сквозь зубы:

– Ловко взглянул герцог Орлеанский! Ну, да если дочке этот взгляд принес несчастье, за то отцу ее и сыну пошел впрок!

XIX. Лобное место

*«Он тихо мне сказал: иди свободен ты!
Порвалась цепь твоя, окончились страдания,
Ты долго мести ждал, сбылись твои желанья,
Погиб развратный принц, сбылись твои мечты».*

После ухода Рибле, в лавке цирюльника оставалось еще трое клиентов. Это были зажиточные буржуа; метр Герен Буасо, чеботарь, торговавший на Мельничьем мосту (Pont aux meuniers), метр Лескалопье – шапочник с улицы Турнель, и метр Бурнишон, чулочник с площади Мобер. Все они жили не слишком близко от рынка, но приходили сюда два раза в неделю столько же ради бритья, сколько и затем, чтобы потолковать между собой.

Цирюльник кликнул Жакоба, который уже помогал ему. Тот пришел и скорчил недовольную мину: ему было неприятно, что его потревожили ради таких неважных посетителей. На долю мальчика пришлось прежде всего брить Герена Буасо: старику Демеру нужно было идти на сбор милиции, и потому он не спеша чистил и полировал свою амуницию, разговаривая в то же время с приятелями, которые также не очень торопились уходить.

– Это уж чуть ли не во второй раз, – говорил метр Бурни-

шон, ожидая своей очереди и сидя рядом с Лескалопье, который тоже ждал; – да, именно во второй раз в течение двух лет, что герцоги между собою мирятся.

– Да и не в последний, – рассудительно заметил Лескалопье.

– Гм... Гм... – произнес цирюльник, вытирая свою кирасу.

Герен Буасо, пользуясь передышкой, благодаря тому, что Жакоб провел несколько раз бритвой по своему рукаву, тоже вмешался в разговор.

– Это примирение не предвещает ничего доброго, во Франции никогда не будет спокойствия, пока во главе власти стоит Людовик Орлеанский и вместе с королевой грабит народ и расхищает общественное имущество.

Метр Герен прервал свою речь, вскрикнув: Жакоб в это время опять принялся за него.

– Что с вами? – спросил цирюльник.

– Мальчик ваш порезал меня.

– А вы зачем разговариваете? – поспешил возразить Жакоб, не переносивший, когда говорили дурно о герцоге Орлеанском.

– Будь осторожнее, сынок, – кротко заметил цирюльник.

– Дедушка, да что же мне делать, если поминутно открывают и закрывают рот?

– Надо предупредить, а потом уже пускать в ход бритву.

– Ну, да ничего, не беда, – сказал Лескалопье.

– Здесь ведь не то, – продолжал Герен Буасо, – как было в лавке вашего собрата в Сите, – того хирурга, что перерезал шеи своим посетителям, а затем отдавал их на начинку своему соседу пирожнику. Это было года два тому назад...

– Да, – перебил шапочник, – было это, но ведь это он проделывал с богачами, у которых было что стащить, а что возьмешь с нас, бедных торгашей, разоренных налогами, оценками, штрафами и долгами знатных господ. Ах, метр Жеан, ведь это камням впору заплакать, как посмотреть, что в этом году терпит бедный народ, по милости тех, кто нами управляет.

– Кому вы говорите? Мне ли не знать, когда теперь из десяти человек пятеро не бреют бороды ради экономии!

И Жеан с еще большим ожесточением принялся тереть свою каску.

– Всему злу причиной Орлеанский, – продолжал Герен Буасо, отстраняя бритву. – Эх, как бы на его месте был герцог Бургундский, все бы пошло иначе. Что за славный вельможа, простой, добрый, – с ним можно на улице говорить, будто со своим братом.

– Если вы будете разговаривать, то я никогда не кончу, – заметил Жакоб.

– Правда, малый, правда.

Усевшись спокойно, чтобы дать свободу бритве, метр Герен предоставил реплику Лескалопье, который сказал:

– Знаем мы, почему болен король! Это все наущения

да колдовство королевы и герцога, чтобы поддерживать его безумие.

– Да, – сказал серьезно Жан, – и знаете ли, кто главный колдун у королевы. Мне это передавали Бесшабашные, которые у меня бреются...

– В самом деле? – спросили сразу все три собеседника, – ну, так как же они это делают?

– Они делают из воска фигурки короля, которые потом прокалывают заколдованными иголками, да к тому же еще составляют любовные напитки...

– А-а! Это все пустые слухи, которые нарочно распускаются, – сказал Лескалопье.

– Пустые слухи? А это тоже пустые слухи, что нашего несчастного короля Карла VI держат запертым в низенькой комнате в отеле Сен-Поль, в грязи, в рубище, часто даже забывают давать ему хлеба, между тем как в больших залах королева и Орлеанский, окруженные своими любимцами, сидят за столом, уставленными дорогими яствами и превосходными винами! Народу все это известно и он когда-нибудь прикончит все эти пиршества и освободит короля!

Цирюльник едва окончил свою речь, как послышался страшный шум на рынке. Жан вышел на порог посмотреть и вернулся со словами:

– Это начальник полиции (le roi des ribauds) ведет осужденных на лобное место.

Чеботарь, наконец, выбритый сыном Колины Демер, те-

перь причесывавшим его волосы гребнем, вскричал со вздохом:

– Наверное банкроты! Их теперь каждый день водят. Просто конца этому не видно – до такой нищеты доведена буржуазия. Как тут прикажете торговать, платить свои долги, когда знатные господа их не платят? Знаете ли вы, сколько кредиторов у герцога Орлеанского?.. Восемьсот человек!

– Как мне не знать: я сам два года поставлял ему в отель сукна и шапки и не получил ни гроша.

– А у меня он взял шестьсот пар чулок.

– А у меня шестьсот пар башмаков жеребьячьей кожи для своих людей, и каждый раз, как он, едучи к королеве, проезжает со своей свитой, я говорю сам себе: если бы все мое добро вернулось ко мне на полки, так эти господа остались бы босиком.

– Раз он собрал всех своих кредиторов, – продолжал Бурнишон, – но только затем, чтобы заплатить им палочными ударами.

– Это большая честь, – сказал, смеясь, Жакоб, – ведь у него в гербе суковатая палка.

Герцог Орлеанский, действительно, взял себе за эмблему суковатую палку с девизом: «Je l'ennuie» (Я навожу скуку?). Герцог Бургундский выбрал себе струг, с девизом: «Держу его» (Je le tiens).

– Да, – перебил цирюльник, – но берегись он струга!

– Струг скоблить не будет, – сказал юноша, – а вот палка

так вздует собак, которые станут лаять.

– Он говорит точно дворянский сынок, этот негодяй! – сказал Герен Буасо. – И как вы это позволяете, Жан?

– Если ты не замолчишь, – сказал цирюльник Жакобу, – я тебя выпорю розгами.

– Ну, во второй раз не поднимете на меня руку! – возразил Жакоб, гордо подняв голову.

Демер поник головой. Он по опыту знал, что внук способен уйти от него, не заботясь о последствиях.

Между тем как Жакоб оканчивал бритье Лескалопье, чернь на рынке громко кричала.

Начиналась выставка осужденных. Но это были не банкроты: один из осужденных был совсем юноша.

Прежде всего взошел на помост начальник полиции. У него была длинная борода и одет он был в длинную черную шерстяную одежду.

Это был кузен метра Гонена, знаменитый жонглер, получивший должность в награду за хорошую службу. Этьен Мюсто держал в руке пергамент, с важным видом развернул его и прочел громовым голосом:

– Слушайте, рыцари, оруженосцы и всякого звания люди! Именем Карла VI короля Франции, старшина города Парижа повелел выставить на лобном месте, на рынке св. Евстафия, Николая Малье, уличенного в произнесении на улице возмутительных речей о том, что монеты, выбитые в настоящее царствование, не имеют должного веса и ценности; за

данное преступление осужденный выставляется на два часа, после чего ему будет дано двадцать ударов плетью по обнаженной спине без перерыва.

Если бы алебарды королевских стрелков не сдерживали народ в известном почтении, то в Мюсто полетели бы комья грязи, с камнями в придачу.

Он продолжал:

«Во-вторых, старшина города Парижа осудил на такую же выставку Ришара Карпалена, уличенного в оскорблении и угрозе на словах его высочества Людовика Французского, герцога Орлеанского, брата его величества короля. За данное преступление, после двухчасовой позорной выставки, присуждается он к наказанию сорока ударами плетью по голой спине, без перерыва».

Так как ропот слышался все сильнее и все грознее, то Мюсто поспешил сделать обычное предостережение:

– Я, Этьен Мюсто, напоминаю присутствующим, что запрещается кидать в осужденных камнями или сырыми яблоками, под страхом тюремного заключения... дозволяется одна грязь. Я сказал.

Затем он всадил головы и руки осужденных в отверстия подвижного колеса, которое оборачивалось в течение получаса.

Толпа, разбившись на группы, делала замечания, более или менее враждебные.

– Чертов ты пособник! Тебя бы с радостью закидали гря-

зью! – говорил сквозь зубы один из зрителей, в словах которого, казалось, резюмировалось общественное мнение.

Трое торговцев, выйдя из лавочки цирюльника составили отдельную группу и каждый высказывал свои чувства.

Они разговаривали о Карпалене.

– Должно быть, – говорил Герен Буасо, – это один из кредиторов герцога Орлеанского, выведенный из терпения.

– Эх, туда бы следовало самого герцога, – вздыхал Бурнишон.

– А я, – говорил Лескалопье, – я вашей ненависти к нему не разделяю. Герцог Орлеанский очень любезный принц. Если не платит долгов деньгами, так хоть красивой наружностью. Уж не то, что герцог Бургундский. Ах, он, правда, не расточителен, но за то что за фигура! Как будто это один из тех королей братств, которых водят в большие праздники по улицам, в богатых одеждах, которые затем вечером отбирают у них.

– Как это хорошо сказано! – вскричал юный Жакоб, подошедший в эту минуту.

– А ты чего мешаешься, молокосос? – отрезал ему Герен Буасо, и затем прибавил, обращаясь к Лескалопье: – я, брат, ни во что ставлю красивую внешность. Я предпочитаю всему, если человек ведет себя честно. Я стою за герцога Бургундского: он любит народ, и если бы он был правителем, то не угнетал бы его ради своих удовольствий.

Жакоб готов был возразить, но в эту минуту пришел Же-

ан Демер в своем блестящем вооружении. Он тоже пришел поглазеть.

Внимание купцов обратилось теперь на монаха-францисканца с котомкой за плечами. Лицо у него было все в морщинах и длинная белая борода, но милостыню он просил с такой миной, что встретиться он в лесу, его можно было испугаться. Он подошел к позорищу и, подняв глаза на двигавшееся в эту минуту колесо, не мог скрыть удовольствия, произведенного на него этим зрелищем. Вся его сгорбленная фигура выпрямилась, глаза загорелись злорадным огнем. Но он поспешно скрыл свою радость, опустил голову и снова стал нищим, он сильно стиснул руки и зашевелил губами, прикрытыми длинной бородой, но движение которых заметно было по расширению щек. В таком положении он подошел к лавке цирюльника.

– Святой старец! – проговорила с сердечным сокрушением селедочница, – он молится за осужденных.

XX. Жан малый

*«Нет имени ему на языке людей;
Потупит взоры он – его не замечают;
Но вдруг в глазах его огонь страстей сверкает;
Как демон страшен он, и в ярости своей
Он мрачен, словно ночь... недаром все считают
Его избранником...»*

Монах этот, принадлежавший к монастырю францисканцев (des Cordeliers) и носивший имя брата Жана Малого, был не простой нищенствующий монах. Он был также известнейший проповедник. Кетиф, в своей «Книге о проповедниках», говорит о нем: *Eloquentes sed ventosus*, т. е. красноречив как буря. Он проповедовал так, чтобы его понимали все, а в особенности простой народ. В то время как Герсон рекомендовал послушание, Малый проповедовал уничтожение тиранов, убийства. Каких тиранов? Один лишь имелся в виду: герцог Орлеанский. Все спрашивали друг у друга, за что он так ненавидит принца, но никто не мог угадать его тайны.

Простояв около позорища, Жан Малый снова принялся за сборы; когда он взошел к цирюльнику, тот только что вернулся к себе, так как его ждал клиент, а Жакоб вошел еще раньше.

– Братья, – сказал монах, – помогите бедным членам об-

щества Иисуса Христа, совершенно оскудевшим.

– Да, – сказал меховщик, которого сейчас собирался брить Жакоб, – если и другие монахи такие же сухопарые, как этот, так они, летом, в своем жиру не вскипят.

Он подал ему совершенно стертую монету, как старый льяр и той же ценности.

– А я, – сказал Демер, – подаю милостыню натурой. Вот вам фунт хорошего мыла, чтобы вам содержать свое тело в чистоте.

– Да воздаст вам св. Франциск! – отвечал Жан Малый и пошел в следующую лавку.

Когда последний клиент вышел из лавки, цирюльник сказал внуку:

– Теперь время запирать, никто больше не придет. Все пойдут смотреть на церемонию, поищи себе хорошенькое местечко, чтобы видеть кортеж. Я иду на свой пост, на улицу Моконсейль, а ты ступай на ступеньки церкви св. Евстафия, тебе отлично будет видно... Ах, постой, вот тебе денег на еду.

– Благодарю, дедушка.

– «Я и без еды обойдусь, – сказал про себя мальчик. – У меня уже два денье отложено, а вот с этим я куплю себе славный нож и привешу его к поясу, как у дворян».

– Но только, – продолжал цирюльник, одевавший в это время мундир городской милиции, – помоги мне застегнуть пояс, да подай мой шишак.

Когда все было исполнено, он вышел с гордым видом, постукивая алебардой по плитам.

Он улыбнулся, увидев, что монах-францисканец остановился у театра Бесшабашных, впереди которого один из актеров, Кокильяр, глотал воздух, чтобы набрать сил для красноречия.

– Брат! Пособите бедным членам Иисуса Христа.

– Вот еще! – сказал Кокильяр, – прилично ли дьяволу подавать милостыню Богу?

– Брат мой, вы клеветеете на себя.

– Вовсе нет! Ведь вы в своих проповедях так честите нас?

– Это только притчи, но, главное, я говорю против того, что вы даете свои представления слишком близко от дома Божьего. Отойдите подальше, собрат. Но я хотел бы сказать словечко вашему начальнику, королю шутов, где же он?

– Да вот он кстати и идет. Гонен хотел взойти на ступеньки эстрады, когда монах остановил его своим возгласом.

– Ну что, – спросил король шутов, – хорош ли сегодня сбор? Котомка-то, кажется, полна, но каково в мошне, а?

– Увы, в ней ничего, кроме нескольких стертых денье. Нам почти не подают деньгами. Купцы дают своим товаром, а отсюда выходит то, что носить тяжело, а пользы мало.

– Так, понимаю. Булочник, значит, подает хлеб, суконщик – сукно, чеботарь – обувь, а цирюльник бреет даром.

– О, это было бы нарушением наших правил! Цирюльник дает кусок мыла.

– Ну, так и я поступлю по примеру этих добрых христиан. Я преподнесу вам в дар из моего ремесла; предоставляю вам на выбор.

– Что такое? Объяснитесь.

– Что вы желаете, отец мой? Гримасу или же фокус?

– Вы смеетесь!

– Такое уж мое дело! Ну, пусть будет фокус!

Гонен схватил монаха своими ловкими руками, немножко потискал его, будто щупал, что у него под платьем, потом, окончив, сказал:

– Протяните теперь руку, отец мой.

– Ого! – сказал монах, – целый парижский су!

– Это еще не все: держите еще руку.

– Гм... Гм... Четыре экю с дикобразом, и не обрезанные!

– Ну, еще держите.

– Три франка с конем! Ах! Вот уж за это отпустится вам много грехов!

– Прошлых и будущих?.. Ну, так берите же без счета, ибо у меня много их на совести, да и еще будут.

Монах, не будучи в состоянии удержать все в руках, приподнял полу своего платья, чтобы забрать щедроты короля шутов, но когда он вздумал переложить все в кошелек, ее не оказалось.

– Я вижу чего вам не хватает, – сказал Гонен, – и не хочу делать ничего на половину. Вот ваша кошелек.

– Ах, вы, плут этакий, вы обокрали меня.

– Я же вас предупреждал, отец мой.

– За подобные дела прямехонько попадете вот в это здание.

– Что ж, это тоже своего рода театр, великолепнейшая рама для гримас, какую только можно выдумать. Выглядывающие головы – преуморительны. Наши архитекторы отсюда позаимствовали свои маскарады. Но моя голова туда никогда не попадет.

– Corbleu! – крикнул монах, но сейчас же опомнился, что такое ругательство может выдать в нем бывшего вояку. – Клянусь Богом! Вы давно заслужили эту раму, но покровительство королевы замедляет ваш последний скачок – на виселицу.

– Ну уж, актеру, да сделаться кривлякой – это значит опуститься.

– Э, если уж умирать, то не все ли равно умирать в перпендикулярном или в горизонтальном положении?

– У вас, отец мой, философский взгляд на вещи, а это вообще не монашеское дело, как ваше имя?

– Монашеское?

– Да, театральное.

– Брат Саше, ордена капуцинов.

– А вот я, король шутов, называюсь Гонен; а вы как?

– Жан Малый.

– Жан Малый! Я так и думал. Свирепый на кафедре, в сущности оратор умный. Почему вы такой свирепый?

– Потому что я живу ради ненависти и хочу ненависть эту внушить своим слушателям.

Жан Малый отбросил назад свой капюшон и показал измученное лицо, в котором светились сверкающие глаза.

– Да, да, я знаю, вы глубоко ненавидите Орлеанского, – сказал Гонен. А про себя он добавил:

– «Вот кого удачно загримировала природа. Как отлично подошла бы эта маска для одной из наших мистерий».

Гонен в некоторых мистериях по четыре раза менял маску, отсюда и пошла поговорка: *le diable a quatre*.

– Прощайте, отец мой, – продолжал он громко, – я должен оставить вас, чтобы приготовиться к вечернему представлению.

– Но я не могу оставить вас, брат мой, – возразил монах, поднимаясь по лестнице за Гоненом, – мне еще нужно переговорить с вами.

Когда францисканец и король шутов очутились лицом к лицу на театре, глаза пытаемых на колесе вытаращились от изумления при этом неожиданном зрелище; колесо как раз было в эту минуту в движении.

– Слушайте, брат, вскиньте глаза в ту сторону, – сказал монах. – Посмотрите на эту белокурую голову, над которой прибита надпись Ришар Карпален.

– Вижу, – ответил Гонен. – Карпален! Я что-то помню это имя. Не сын ли это того смешного человека, который с большим успехом мог бы подвизаться в моем театре и у которого

герцог Орлеанский украл жену? Славно же пристроили от-
родье бывшего сира де Кони! Ведь этому мальчику, должно
быть, не больше пятнадцати лет. Кто привел его сюда?

– Мать! – сказал монах глухим голосом. – Тот Карпален,
которого вы знали – умер. Жену у него отняли во второй раз.
Он хотел прогнать ее за то, что она родила сына, который
не мог быть его сыном, но раздумал, и этот простой чело-
век, вдохновляемый духом мщения, воспитал ребенка, ба-
старда герцога Орлеанского, в чувствах глубокой ненависти
к нему... Не правда ли, король шутов, какая славная коме-
дия! Сын вооружен против отца! Мальчику действительно
не более пятнадцати лет, но он получил суровое воспитание
и стоит взрослого мужчины по силе и решимости. Только он
не умеет сдерживать себя... Короче: он осужден за оскорб-
ление королевского брата...

– Отец мой, я понимаю, что вам очень тяжело видеть столь
строгое наказание за такую пустую вину: но не понимаю, че-
го вы можете требовать от меня.

– Вот в чем дело: я очень хорошо знаю, что вы имеете
огромное влияние на королеву и на герцога Бургундского.
Это кажется несовместимым, а между тем это так. Так вот
нужно в этот самый час, при покровительстве королевы, из-
влечь этого юношу из рук мессира старшины, для того, что-
бы он мог выполнить священный долг, завещанный ему от-
цом... тем, кого он считает своим отцом.

– Но ведь вы предлагаете мне сделку с дьяволом, так как

я же дьявол.

– Знаю.

– Мне нужны души, как и ему.

– И это знаю, – энергично заявил монах.

– Будь по вашему! Я послужу вам, отец мой. Только может быть приказ королевы опоздает к началу экзекуции ремнями.

– О, раньше и не нужно! Плеть чудесное возбуждательное средство.

– Вот истинно христианское милосердие!

– Так я могу на вас рассчитывать, король шутов?

– Конечно, да, потому что вы мне понадобится.

– Отлично, прощайте, брат мой.

– Прощайте, кум!

Гонен пошел за свои перегородки, а монах спустился по ступенькам. Закрывшись капюшоном, он прошел мимо массы любопытных, которые все покинули позорное место на подмостках и для того, чтобы насладиться зрелищем такого необычайного пролога, как разговор францисканца с королем шутов на сцене театра Бесшабашных. Шут Кокильяр, скромно усевшийся в сторонке, теперь встал с места и начал с того, что запел следующую песню:

«Когда с пирушки холостой

Я возвращаюсь домой,

О, если бы вы знали

О чем я думаю тогда!

Я часто вижу, господа,
Чего вы не видали.
Париж, с его домами в ряд,
Мне стадом кажется ягнят,
А башни – пастухами.
Ягнята резвые бегут
К реке, за ними вслед идут
И пастухи с бичами.
Увы! Опасен водопой!
Засели волки над водой
И стадо поджидают.
На острове стоит Пале...
На берегах же два Шатле
И пасти разевают».

– Славная песенка! – сказал Герен Буасо, бывший в числе зевак перед подмостками.

– Знаем мы, что это значит! – прибавил Бурдишон.

– А я так думаю, что эта песня про вас двоих! – сказал Лескалопье.

Один из присутствующих, по-видимому, провинциал, робко пробормотал:

– Я не понимаю, что он хотел сказать своей песнью.

– Потому, что ты дурак! – пропищал какой-то мальчишка.

Толпа захохотала. Глупая выходка вызвала шумное одобрение.

– Молчать! – вдруг крикнул Кокильяр. – Сейчас начнет говорить сам король шутов.

На самом деле шут народа, а не короля, собирался сказать речь.

XXI. Бургундия и Орлеан

Наступило глубокое молчание: каждый боялся проронить слово метра Гонена, который очень редко удостоивал публику своих речей с высокой эстрады.

– Люди парижские и иные, если таковые здесь находятся, – загремел он тем могучим голосом, который когда-то раздавался в громадной зале замка де Боте, – труппа Бесшабашных, составленная мной, королем шутов, с разрешения короля, нашего повелителя, для представления фарсов, соти (sotie), чертовщины и нравочений, на рынках доброго города Парижа, даст вам сегодня, в три часа по-полудни, представление: «Мучения св. Евстафия», в котором Бог-Отец появится в новом костюме. Жером Кокильяр, здесь присутствующий, заменит меня в роли Люцифера, так как я сегодня должен быть на обеде в отеле Сен-Поль.

В эту минуту раздалась оглушительная музыка цимбалов, барабанов и колокольчиков.

Когда гвалт несколько поутих, Гонен dokonчил анонс:

– За этой пьесой последует представление «Притворный мир или примирение Людовика, дворянина Орлеанского, с Жанно, дворянчиком из Бургундии»: под видом причастия они разделяют между собою... вафлю.

Снова раздалась музыка, заглушившая хохот народа.

– Я надеюсь, что подобная дерзость не пройдет даром, –

сказал Лескалопье своим обоим приятелям. – До чего мы дойдем, если допустят такое неуважение к принцам!

– А я стою за то, что не мешает дать хорошенький урок Орлеанскому, – сказал Бурнишон.

– Да и я тоже, – прибавил Герен Буасо. Король шутов еще не все сказал.

– Между мистерией и соти, – продолжал он, – исполнена будет пляска скоморохов, потом Жером Кокильяр прочтет стихи (un lai) моего сочинения касательно дел храброго стрелка, именуемого Вильгельмом Телем, который ровно сто лет тому назад убил тирана Геслера. В заключении, люди парижские и иные, если таковые найдутся, прошу вас не стрелять горохом из сарбаканов в Бога-Отца и его товарищей. Это мешает их игре. Будьте же поскупее на... горох.

Новый взрыв хохота, опять заглушенный тяжелой и беспощадной музыкой.

– Это что еще за Геслер? – спросил Бурнишон у Герена Буасо.

– Должно быть что-нибудь в роде нашего герцога Орлеанского, – отвечал последний.

– Это был, – объяснил Лескалопье, – такой человек, который сбивал яблоки стрелами из лука, и никогда не давал промаху.

Во время этих переговоров, метр Гонен, сойдя с эстрады, пошел к Этьену Мюсто, находившемуся у места казни.

– Кузен, – сказал он, – я хотел бы освободить вот этого

юнца, что там вертится.

– А он разве из твоих, – спросил Мюсто.

– Потом будет мой.

– Так тебе хочется спасти его от плетей?

– Именно.

– Невозможно! Вся эта чернь, которую ты привлек своим анонсом и которая теперь опять хлынула к моему театру, чуть не закидала меня камнями, когда я сцапал Карпалена, но она же заревет как легион ослов, если я лишу ее удовольствия присутствовать при обещанных сорока плетях.

– Что за славный народ! А я все-таки должен отнять у него эту добычу.

– Каким образом?

– Я нашел средство: ведь герцог Бургундский может спасти осужденного? Не правда ли?

– Конечно, может.

– Ну, так он сейчас будет проезжать здесь на церемонию. Дело мое в шляпе.

– Сколько еще у нас времени впереди?

– Полчаса.

– Этого довольно, тем более, что я уже слышу вдали крик: «Да здравствует Бургундия!»

Действительно подъезжал герцог. Он только что выехал из отеля своего на улице Pavee-Saint-Sauveur (в настоящее время улица Petit-Lion). Отель этот был настоящая крепость, от которой осталась теперь лишь одна толстая Четырехуголь-

ная башня, где в стрельчатом тимпане одного из наружных углублений, еще заметны два струга и проволока, вылепленные посреди готических узоров.

И так герцог Бургундский ехал несколько впереди своей свиты. На нем был строгий костюм без всякой золотой или серебряной вышивки. Это был черный всадник на вороном коне. Когда он остановился неподвижно, то, казалось, недоставало только пьедестала для этой конной статуи. Народ любовался его плотной фигурой и широкими плечами.

– Noel! Да здравствует Бургундия – кричала толпа.

Энтузиазм был так велик, что казалось толпа опрокинет герцога. Он радовался своей популярности, он часто говорил своим приближенным:

– Эти любезности те же фонды, они стоят капитала.

Увидев подошедшего к нему Гонена, он сказал:

– А-а! Вот и наш весельчак, король шутов! Ну что, как идет ваш театр?

– Плохо, ваша светлость. Самый забавник нашей труппы попал на пытку. Вот посмотрите, какую он корчит физиономию.

– Что же он сделал? – спросил герцог.

– Он позволил себе некоторые выходки против герцога Орлеанского.

– Напрасно. Значить он виноват.

– Очень виноват, конечно, но, ваше высочество, в такой торжественный день всякая вина отпускается, и вы знаете

обычай: когда король проезжает мимо лобного места, он милует осужденного. Так как король наш болен, то ваше высочество, пользуясь одной из прерогатив власти, могли бы воспользоваться ею в деле помилования.

– Славно сказано, шут, я так и сделаю. Он тут же приказал двоим из своих офицеров, Монтодуэну и Раулю д'Актонвилью освободить осужденных.

Офицеры немедленно привели их.

– Моего весельчака зовут Ришаром Карпаленом, – сказал Гонен, представляя его герцогу.

– А другого я как будто видел где-то, – перебил герцог, указывая на того, кто порицал монету.

– Это водонос Николай Малье. Он стоит около отеля вашего высочества, – объяснил Рауль д'Актонвиль.

– Ну, и пусть он вернется к своим ведрам, а ты тоже ступай к своим шутам, – прибавил герцог, довольный своей шуткой.

Чернь приветствовала его новыми криками, всякому хотелось прикоснуться к руке его.

После этой овадии, Иоанн Бесстрашный, как его называли тогда, продолжил свой путь, однако не без труда, – толпа теснила его со всех сторон. Стрелки вынуждены были расчищать дорогу.

Едва он отъехал, как послышалась труба со стороны Люксембургского дворца.

Герцог Орлеанский, узнав о том, что произошло здесь, вместо того, чтобы ехать прямо в церковь, решил сделать

крюк, чтобы испытать расположение черни, или, лучше сказать, подразнить ее, так как ему слишком хорошо было известно, что его ненавидят.

XXII. Парижский народ и герцог Орлеанский

*«Уздой позорною стесняемый народ
Грызет ее порой и тягостно вздыхает,
Когда очнется он и свой позор поймет –
Ужасен в гневе он, пощады он не знает».*

Когда герцог Орлеанский проезжал расстояние, отделяющее его от рынков, Мюсто привел к своему кузену Ришара Карпалена.

Дорогой сын Мариеты д'Ангиен, теснимый толпой, толкнул другого юношу, сына Колины Демер: молодые люди схватили друг друга за горло.

– Бастард! – сказал Ришар Карпален.

– Сам ты бастард! – ответил противник, угрожая ему ножом.

Они и не знали, что были так близки к истине.

Гонен с хохотом развел их. Жакоб Демер ушел, ругаясь.

– Поблагодари метра Гонена, – сказал Мюсто Ришару, – герцог Бургундский помиловал тебя по его просьбе.

– Благодарю вас, метр, – вскрикнул Ришар Карпален, – и верьте моей вечной признательности.

– Э! Что такое признательность? Дым один.

– Приказывайте: вы увидите мои дела, а не слова.

– Что-ж, посмотрим.

– Но только...

– Что такое?

– С одним условием, что вы не станете препятствовать мне совершить одно дело мести: в этом я дал клятву.

– Напротив! Но скажи мне, друг мой, ты еще слишком молод, чтобы носить в голове планы мщениия.

– У меня в голове сидит это слово с тех пор, как я начал понимать слова!

– Отец тебе внушил?

– Да.

– А мать?

– Мать я мало знал.

– Ну, на первый раз довольно. Ступай за мной.

Гонен вошел к себе в театр, куда Ришар Карпален хотел за ним последовать, но в эту минуту послышался резкий звук труб и крики: «Да здравствует Орлеанский!»

В ту же минуту молодого человека увлекла толпа: сдавленный со всех сторон, бросаемый взад и вперед, он не устоял и упал как раз под ноги лошадей отряда стрелков, которыми командовал Рибле, напрасно старавшийся расчистить путь, крича:

– Назад, мужичье!

Стрелков окружила куча ребят, следовавшая за ними от самого дворца и с увлечением, видимо подогретым, орала:

– Да здравствует Орлеанский!

Герцог был ослепителен. На нем был голубой бархатный плащ, отороченный золотым галуном и вышитый серебряными линиями, бархатная шляпа гранатового цвета, с которой каскадами ниспадали страусовые перья: белые, бледно-розовые и светло-зеленые и мешались с длинными вьющимися волосами, обрамлявшими шею, белую, как у женщины. Вокруг этой шеи, как змея, извивалось ожерелье из крупного жемчуга. Прибавьте к этому природную красоту, освещенную теперь радостным настроением. Его большие глаза горели пламенем, зажженным какой-нибудь новой любовной интрижкой. Среди враждебно настроенной толпы, он дышал спокойствием беззаботности.

Сеньоры его свиты также сверкали золотом и серебром.

– Если к нему нельзя пробиться у него во дворце, – сказал Бурнишон Герену Буасо, – так я здесь поговорю с ним.

– А я поддержу вас, кум, – ответил тот.

– Что вы еще выдумали? – возразил Лескалопье. – Что значат ваши мизерные дела, когда здесь дело идет о вопросах государственных.

Но, несмотря на все его возражения, Бурнишон выступил вперед, а за ним и Герен Буасо.

– Ваша светлость, – крикнул он – ваши офицеры разоряют нас... и отказываются потом платить деньги... вы тоже не платите нам долгов...

– Что он там поет, этот негодяй? – спросил Орлеанский.

– А вот и другой негодяй запоет вам ту же песню, – в свою очередь крикнул Герен Буасо, – а вот и третий, – указал он на Лескалопье, который поспешил скрыться в толпе.

Но взамен его выступили другие кредиторы, ободренные решимостью первых. Поднялся гвалт невообразимый.

– Гола! Рибле! Сюда, сержант! Бейте эту сволочь, – кричал Орлеанский, – а вы, Савуази, посылайте ваших пажей за подмогой.

– Увы! – вздохнул шамбелан, – со времени парламентского указа, у меня больше нет пажей. Но грозные требования не прекращались.

– Ну, будет, смирно! – насмешливо сказал герцог. – Я о вас позаботился. Все вы значите в моем духовном завещании.

– Ну так, значит, нам всем скоро заплатят! – проревел какой-то Голиаф в одежде мясника.

Схватив под уздцы лошадь герцога, он замахнулся на него широким ножом, но в эту самую минуту кто-то хватил его самого ножом в живот и он грузно рухнул на землю.

Ударил мясника никто иной, как Жакоб: но пока он с торжествующим видом размахивал ножом, другой юноша кинулся на него, чтобы отнять у него оружие и поразить им герцога. Это был Ришар Карпален.

Жакоб старался вырваться, но противнику удалось выхватить у него оружие. Не удалось только прорваться сквозь окружавшую его тесную кучку.

– Ах, Господи Боже мой! – промолвил герцог Орлеан-

ский, – если бы не этот мальчик, я был бы убит. Посади его к себе на лошадь, Рибле, и потом представь его мне, когда мы вернемся в отель.

– Слушаю, ваше высочество! – и Рибле стал подсаживать мальчика.

– Э, да это Жакоб! – крикнул он.

– Ты его знаешь? – спросил герцог.

– Это сын Колины Демер, ваше высочество. Орлеанский вздрогнул и задумчиво прибавил:

– Поручаю его твоей особенной заботливости, Рибле.

Толпа продолжала кричать и волноваться, но так как уже слышались вдали крики приближавшегося подкрепления, то Орлеанский храбро противостоял грозе.

– Расступись, сволочь! – гаркнул он, – или я со своими людьми всех вас передавлю!

Народная масса отхлынула по обе стороны, чтобы пропустить герцога и его свиту.

Вдруг Орлеанский заметил молодого человека, который, стоя на эстраде метра Гонена размахивал кинжалом и бросал на герцога дерзкие и вызывающие взгляды.

– Что это еще за бешеный чертенок? – спросил он.

– Это тот самый, что вырвал у меня нож, которым хотел убить вас, – сказал Жакоб.

– Эй ты! Маленький убийца! Кто ты такой? – спросил, возвысив голос, герцог Орлеанский.

– Я сын Мариеты д'Ангиен, – громовым голосом крикнул

Ришар Карпален.

Герцог зашатался; поводья выскользнули у него из рук, но он быстро схватил их.

– Оба мои бастарды! – прошептал он. – Один хочет убить меня, другой защищает. Что бы сказали их матери?..

Потом, повелительно махнул рукой:

– Едем, господа, пора! – сказал он.

Действительно, на церкви св. Евстафия било двенадцать часов, а церемония была назначена ровно в полдень.

XXIII. Ришар и Жакоб

*«Они и плакали, и руки пожимали,
Друг друга с радостью в объятья заключали,
В глазах у них меж тем огонь вражды сверкал
И каждый взорами другого оскорблял».*

С того самого дня, как скипетр Карла VI попал в руки Изабеллы Баварской и Людовика Орлеанского, апартаменты отеля Сен-Поль поступили в распоряжение итальянских художников – живописцев и скульпторов. Комнаты эти сделались чудом изящного вкуса, и для совершения этой метаморфозы герцог тратил безумные деньги. Каменщики получали по три парижских су в день, декораторы – по шести ливров в месяц, живописцы и скульпторы по пятнадцати, а распорядитель работ по двадцати пяти. Для того времени это были огромные деньги.

Зала, в которой когда-то мы видели заседание Государственного Совета с Карлом VI во главе, в то время совершенно простая, была теперь переделана и приспособлена, в случае надобности, для театральных представлений. Приготовлялось представление по случаю примирения двух герцогов. Гонен был уже здесь и распоряжался своими людьми.

– Эй вы, бастарды Феба-Аполлона, все ли мы в сборе?

Один, два, три, четыре, пять, шесть, я буду такт отбивать, значит, шесть, семь... нас будет восемь, считая новичка, который только будет показывать, что дует в волынку.

Затем, прямо уже обращаясь к тому, о ком шла речь, он сказал:

– Мой юный друг, ты пониже надвинь свою шляпу, хотя я лщцу себя надеждой, что загримировал тебя так превосходно, что никто не узнает в тебе Ришара Карпалена с лобного места. Но все-таки не следует пренебрегать никакой предосторожностью.

– Хозяин, буду ли я петь? – прервал тенор труппы Бесшабашных.

– Может быть, но ты дождись, пока тебя попросят, и тогда спой что-нибудь из сочинений Людовика Орлеанского, это выйдет очень хорошо. Теперь ступайте все на эстраду, чтобы быть готовыми по первому сигналу.

Ришар пошел было за другими, но Гонен остановил его.

– Садись возле меня, да потолкуем, пока пожалуют принцы. Прежде всего, не подумай, что если я помогаю тебе в том, что ты считаешь своей миссией, то, значит, одобряю ее. Она только вполне входит в составленный мной план. И так, по знаку моему ты подойдешь к герцогу Бургундскому и скажешь ему то, о чем мы условились. А теперь, вернемся к твоей истории. Ты говоришь, что отец твой поселился в Кутра в Аквитании, так, кажется?

– Так, хозяин, и там он жил перепиской рукописей.

– И оттуда герцог Орлеанский и увез твою мать? Это для него было легче сделать, чем взять Бордо!

– Оттуда. Отец мой, которого я не видел уже несколько лет, поспешно выписал меня из Монпелье, где я учился, заставил меня дать клятву отомстить поруганную честь семьи кровью похитителя. «Я бы не возлагал на тебя этой обязанности, сказал он, но нужда и страдания отняли у меня все силы: через несколько дней меня не станет. Полагаюсь на тебя». Я хотел броситься в его объятия, но он остановил меня жестом.

– Странно! А до отъезда твоего в Монпелье оказывал он тебе хоть какое-нибудь расположение?

– Ни малейшего.

– Однако, он хотел сделать из тебя ученого.

– Это не он, а моя мать. Она думала, по окончании моей учебы, послать меня в Париж, где, наверное, я мог бы чего-нибудь достигнуть.

– Гм! Одного знания мало. Оно не в цене. Тут нужно другое происхождение... ну хотя бы, например, если бы ты был бастардом какого-нибудь сеньора.

Гонен произнес слово бастард без всякого, по-видимому, намека.

Ришар не обратил на это внимания.

– Так, значит, для меня нет никакой надежды чего-нибудь достигнуть?

– Если бы у тебя были деньги, ты мог бы достигнуть бо-

гатства... Есть они у тебя?

– Нет.

– Значит, ты должен выбирать одно из двух: или церковь, или скоморошество. Быть или монахом, или плутом, выбери! Кто знает? Может быть тебе и достанется первый приз. Ведь было же недавно, что чеботарь из Труа попал в Рим папой, а в настоящее время король воров никто иной, как калекка (le roi de l'argot est un cul-de-jatte).

– О, хозяин, какое сопоставление!

– Друг мой, я предупредил тебя, что, поступая к нам, ты должен пообчистить свой мозг, оставить у наших дверей, на пороге, все ложные идеи, все глупые предрассудки своего воспитания. После этой чистки, ум твой прояснится и глаза будут смотреть прямо. Со сцены, на которой ты будешь и где зрители станут для тебя зрелищем, ты откроешь суть вещей, увидишь, как движутся все пружины, которые, как говорил грек Лукиан, одушевляли статую того самого Юпитера Громовержца, которому поклонялся народ. Ты будешь присутствовать при исполнении длинного фарса, разыгрывающегося перед тобой и который со временем станет историей... Я объясню тебе его, как верный пролог.

Едва замолкли эти слова, как раздались трубы; слышался большой шум на дворе отеля Сен-Поль: здесь смешивались звон колокольчиков, бряцанье оружия, лошадиный топот, голоса слуг и пажей, лай собак и крики черни. Весь этот гам возвещал возвращение принцев с церемонии примире-

ния.

Гонен и Ришар поспешили взойти на эстраду, а музыканты встретили симфонией появление двух примирившихся, которые вошли, держась за руки. За ними шли три герцога-дяди, в сопровождении дворянства и всех тех честных людей, которые настаивали на примирении, имея в виду прекращение той розни, которой воспользовались англичане, для расширения своих завоеваний.

Простой народ и буржуазия не только заставили умолкнуть свою ненависть, но даже кричали от восторга, видя что два врага, сделавшиеся друзьями, проехали расстояние от церкви до отеля Сен-Поль, сидя на одной лошади, поддерживая друг друга рукой и попеременно пересаживаясь на лошади, чтобы каждому из них удобнее было при остановках обращаться с речью к народу. Толпа во все горло не переставала кричать: «Да здравствует Жанно! Да здравствует Людовик!» повторяя те же названия, какие употребил в своей пьесе король шутов, но кричала это с искренним увлечением, а не с иронией метра Гонена. Между тем, как принцы смеялись, слыша это бесцеремонное выражение симпатии и когда смех этот передался всей свите, начиная с самого знатного вельможи и кончая сержантом Рибле и жандармами, юный Жакоб, все еще сидя за спиной у Рибле, раскланивался с толпой с гордым видом заправского принца.

С наступлением ночи, по распоряжению Парижского старшины, по всему городу зажглась иллюминация. При све-

те свечей, зажженных на каждом окне, народ толпами плясал и пел до рассвета; не обходилось и без выпивки. Сначала чокались стаканами, а потом перешли к толчкам, к пинкам, к потасовке. У многих остались тяжелые воспоминания об этой ночи.

Герцоги Бургундский и Орлеанский, утомленные странствованием через весь город, да еще вдвоем на одной лошади, почти упали в два готических кресла, где за минуту до того сидели метр Гонен и Ришар.

Они были в особенности измучены удушающей жарой. Поэтому они оказали честь рогам душистого ипокраса, поданным слугами на серебряных подносах.

Пока все это совершалось, музыканты короля шутов исполняли симфонию.

XXIV. Паж

*«Дитя, цветущее здоровьем и красою,
С надеждами на жизнь, без страха пред судьбой,
Мечтает по утру о счастье без заботы,
Но вечер светлые надежды разобьет!»*

Сцена, о которой говорил Ришару метр Гонен, не замедлила разыграться.

– Кузен, – сказал черный принц другому принцу, раззолоченному и разукрашенному как икона св. мученика Георгия Победоносца, – я слышал к величайшему сожалению, о том, что случилось с вами при проезде вашем через рынки.

– О, пустяки! – отвечал Орлеанский, – купцы пристали ко мне: мои офицеры забыли уплатить им долги.

– Эти бедняки должны бы, кажется, уж привыкнуть к подобным фактам... обычай становится правом, правда, такого права нет в Капитулациях Карла Великого: при том дворе были другие нравы!

– А вы это наверно знаете, кузен?

– Нитард – один из современников, и даже более – родной внук Карла Великого, сын его дочери Берты, тайно обвенчанной с Ангельбертом, – так вот этот Нитард рассказывает будто две дочери этого государя, т. е. тетки Нитарда, приняв

сан монахинь, своим непристойным поведением оскандалили весь двор. Я бы мог привести вам еще свидетельство историка Эмуана (Aimoïn).

– О, я не сомневаюсь в вашей глубокой учености... Я допускаю все, что вы говорите о прошлом; но вернемся к тому, что касается вас, – вам, действительно, грозила опасность.

– Оставим это, племянник, – вмешался герцог Беррийский. – Ничего там особенного не случилось; доказательством служат те радостные крики, которыми сейчас чернь приветствовала обоих вас.

– Однако, – настаивал Иоанн Бургундский, – говорят, если бы не мальчик...

– Кстати, – сказал Орлеанский, – шамбелан Савуази! Несмотря на указ, я требую, чтобы этот мальчик состоял при мне в качестве пажа.

– Это уже сделано, ваше высочество.

И он пошел за Жакобом, который в костюме пажа стоял в глубине залы.

– Право, – продолжал Орлеанский, взглянув на него, – можно подумать, что он всегда был пажом. Какой хорошенький, ловкий.

Он потрепал его ладонью по щеке, он бы обнял и расцеловал его, если бы его не окружали свидетели, уже начинавшие чесать языки. В числе таких был Гюг де Гизей, напомнивший ближайшему соседу о появлении Колины Демер на Суде Любви.

– Ты всегда будешь при мне, пажик, будешь служить мне за столом.

– О! Какое для меня счастье, – отвечал восторженно Жакоб.

– Этот юноша, – продолжал Иоанн, – даст себя убить за вас, если представится случай, а сегодняшнее происшествие, кузен, может повториться.

Орлеанский, видимо задетый такой настойчивостью, возразил очень громко:

– Признаюсь, я ничего не делаю для того, чтобы нравиться этой сволочи, я никогда не стану брататься с ними и здороваться за руку с мясниками и кожевниками или подставлять щеку для поцелуя рыночным дамам, от которых несет чесноком. Пфу!.. Вот источник нахальства черни и всех бунтов. На этот сюжет я сочинил фаблию, над которым вы подумайте. Содержание этого фаблио такое: рыцарь подает руку мужику; мужик сначала целует ее, потом жмет в своей руке, потом сильно тянет ее и в конце концов стаскивает рыцаря на землю.

– Превосходный сюжет для фаблио, – сказал Гюг де Гизей.

– Я тебя сброшу когда-нибудь этой мужичьей рукой, которую ты так презираешь, – проворчал герцог Бургундский.

Герцоги Анжуйский, Беррийский и Бурбонский, желая положить конец разговору, который мог принять дурной оборот, поднялись с мест, говоря, что им хочется есть.

Орлеанский подал знак, по которому занавесь в глубине

залы поднялась и присутствующие увидели накрытый стол, на котором возвышались целые причудливые монументы пирожных и всяких сластей, окруженных цветами. Пятеро герцогов уселись за этот стол, а за каждым стал один из дворян, состоявших при них: Рауль д'Актонвиль встал за герцогом Бургундским, за Анжуйским, Беррийским и Бурбонским стали Сурди, Монтодуен и Тюльер; что же касается до Орлеанского, то за ним, по его приказанию, стал Жакоб.

Распорядителем пира был шамбелан короля Карл Савуази.

Загремели трубы, множество слуг разносили вокруг стола серебряные кувшины и блюда, трубные звуки, раздававшиеся с перерывами, покрывали нескончаемую симфонию, которая опять началась.

Бургундский и Орлеанский, сидя рядом, оказывали друг другу придворные любезности, отказывались брать кушанья один раньше другого, многие из их сторонников остались этим очень довольны, но были и такие, которых эта игра не обманывала.

– Гм! – говорил Гизей на ухо Тюльеру, который, как ему было известно, был приверженцем королевского брата, – я надеюсь, что герцог Орлеанский не поймается на удочку, сколько ни гримасничай этот Жанно!

– Можете быть в этом уверены, сир Гюг; он после ужина непременно вымоет себе духами руки, чтобы очиститься от подлого прикосновения руки, запятнанной чернью.

– Ах, когда же придет час возмездия за наглость его и всей его свиты! – прошептал Рауль д'Актонвиль, не проронивший ни одного слова из ответа Тюльера.

XXV. Баллада

Орлеанский, чувствительный как женщина и поэт по темпераменту, находился под обаянием аромата цветов, которыми покрыт был стол, но частые возлияния вывели его наконец из мечтательности.

– Шамбелан, – сказал он, – король шутов теперь здесь или нет?

– Он, ваше высочество, на эстраде со своими жонглерами.

– Позовите его, пожалуйста.

По знаку шамбелана, Гонен предстал перед герцогом, смущенный непритворно. Он помнил сцену в замке де Боте и, с того самого дня, постоянно боялся, что его узнают, хотя и был тогда отлично загримирован.

– Мне очень странно, – начал герцог, – что ты позволяешь себе аллегии, направленные против нас...

– Э, кузен, – поспешил вмешаться герцог Бургундский, желая казаться добряком, – простите уж ему за то, что он очень остроумен.

– Я прощу, но только с условием.

– С каким, ваше высочество, – спросил Гонен.

– А таким, что ты должен дать мне возможность оценить красоту самой прелестной из твоих актрис. Говорят – это цвет красоты.

– Можно сказать почти розовый бутон.

– Только «почти»?

– У нее на это есть достаточное оправдание: на ее родине слишком жарко.

– Это где же?

– В Андалузии, ваше высочество. – Про себя Гонен добавил: – «Андалузьянка с улицы Глатаньи!» Нужно сказать, что один старинный и наивный хроникер обозначил улицу Глатаньи такими словами: «*güe ou est desfillettes*».

– Хорошо, – прибавил Орлеанский, – мы об этом поговорим еще. А теперь, после шутихи, перейдем к шутам. Завтрашний день ты, король шутов, предоставишь их в распоряжение господина шамбелана, который произведет им смотр. Понимаете ли, Савуази?

– Отлично понимаю, ваше высочество.

– Но я не понимаю, – сказал Гонен.

– Тебе вовсе не нужно понимать.

– Может быть даже лучше, чтобы я не понимал.

– Ты слишком много рассуждаешь, король шутов; довольно, даже слишком довольно. Гонен раскланялся и вернулся на эстраду.

– Кузен Бургундский, – снова заговорил Орлеанский, – вот уже много прошло времени с тех пор, как герцогиня Маргарита не была в Париже... а, между тем, красота и ум ее составляли украшение двора, пока вы воевали с неверными.

– Она предпочитает уединение и чувствует себя лучше в своем герцогстве, – ответил, едва сдерживаясь, Иоанн.

– Странно: в ней не заметно было такой антипатии к Парижу в то время, когда вы были в плену у турок.

Иоанн готов был вспыхнуть, но вмешался герцог Беррийский.

– Дорогие племянники, вы не кушаете, а между тем вот превосходные ржанки.

Пока тот и другой брали предложенные блюда, он наклонился к своим братьям Анжуйскому и Бурбонскому и сказал вполголоса:

– Если мы не вмешаемся в разговор, то они недолго останутся в мире.

Затем прибавил громко:

– Правда ли, герцог Иоанн, что турки употребляют некое черное, как чернило, питье, которое называют кофе?

– А правда ли, – спросил со своей стороны герцог Бурбонский, – что они бреют головы и оставляют только один клочок волос, за который ангел смерти должен тащить их в рай Магомета?

– А правда, – сказал еще Анжуйский, – что они совсем не пьют вина?

На два первые вопроса Бургундский только утвердительно кивнул головой, на последний он ответил:

– Никогда, они в этом случае умнее нас.

– Умнее! – вскричал с иронией Орлеанский, – а в этом умнее, что набирают себе кучу жен и запирают их в особом здании, именуемом сераль?

– Не вам бы бросать камнем в их сераль; вам тоже можно поставить на вид ваш «Val d'Amour».

– Это выдумка, кузен, сплетни ваших приятелей-мясников и кожевников... этими рассказнями тешатся простофили у цирюльников.

– А ваши смелые любовные похождения тоже сказки? Или приписываемые вам победы возмущают вашу скромность?

– Нисколько, кузен Жанно, как называет вас король шутов. Ваш кузен Людовик встретил в жизни весьма немногих дам, отказавших ему в любви; но он ни мало этим не тщеславится, памятуя поговорку из старинного фаблю:

«Vous l'etes, serez ou futes, de fait ou de volonte».

– Кузен Людовик, вы очень жестоки к слабому полу и, прибавлю, несправедливо жестоки. Согласен, что добродетель по улицам не бегают, но все-таки есть множество примеров...

– Гм... гм... то же самое рассказывает и метр Гонен у себя на эстраде. Только он прибавляет... извините, кузен, что это мнение нищих духом, которых тоже весьма много.

– Метр Гонен ничто иное как фигляр. Для вас, в данном случае, он только потому может служить авторитетом, что вы взяли себе за правило судить о женщинах только по оригиналам тех портретов, которые, в хронологическом порядке стоят в галерее вашего Брегенского отеля. Для большей точности нужно прибавить, что все эти портреты в костюмах земного рая. Когда вы нам покажете эту галерею, кузен?

– А когда луна закроет солнце.

– Зачем же такая таинственность?

– А затем, что я боюсь некоторых заинтересованных глаз.

– Но мои, надеюсь, не в числе таких?

– Прекрасный кузен, неужели вы всегда будете стоять за исключения?

– Подлец! – проворчал Бургундский, раздавив от ярости ручку своей шпаги.

– Пусть подадут пряности, и нектар! – закричал Беррийский, чтобы положить конец этой сцене.

Тогда все, пажи и слуги, заторопились подавать гостям сладкие пирожки с анисом и флаконы наполненные розоватым вином, которое получалось из провинции Шампань, присоединенной к французскому королевству через брак Филиппа Красивого с Жанной Наварской. Это вино сверкало и пенилось в стаканах и развязывало языки даже самым угрюмым людям.

Даже на герцога Бургундского действовали несколько стаканов, выпитые по приглашению дядей короля.

Увенчанный цветами, как афинянин времен Анакреона или римлянин эпохи упадка, герцог Орлеанский вдруг встал с места, осушил свою золотую чашу и весело воскликнул:

– Этот пир восхитителен! Но ему недостает того, что составляет душу пира: трувера.

– Пир этот – вполне пир, – возразил сеньор де Буабурдон. – В нем участвует глава труверов.

– Лъстец!

– Лъстит, значит, и общественное мнение, которое на сто голосов прославило ваш поэтический талант. Ах, если бы только я смел, ваше высочество...

– Что бы вы сделали?

– Я бы позволил себе беспокоить вас просьбой, к которой, конечно, присоединились бы все здесь находящиеся сеньоры.

– Какая просьба?

– Я бы умолял ваше высочество продекламировать нам одну из ваших рифмованных пьес, которые вы сочиняете и читаете с таким совершенством.

– Хорошо, добрый принц, я готов исполнить роль трувера, но прежде, – слушай, паж, пойди и принеси из соседней комнаты шкатулку, которую я, предвидя возможность такой просьбы, нарочно велел принести сюда.

Жакоб поспешил исполнить приказание, и Орлеанский вынул из шкатулки листы бумаги, исписанный его почерком. Он выбрал один листок и показал Карлу де Савуази, который в полголоса просил его не читать этого.

– Ба! – ответил тем же тоном Орлеанский, – у него слишком дубовая голова, чтобы догадаться. Ваше высочество, – сказал он громко, – я вам прочту балладу об одной очень высокопоставленной даме, о имени которой умолчу, но чтобы эта баллада была оценена по достоинству, к ней нужен аккомпанемент. Савуази, позовите Гонена.

Король шутов немедленно появился. Орлеанский спросил у него, знает ли он его балладу, начинающуюся такими словами:

«Молва стоустая идет»...

– Отлично знаю, – ответил Гонен, – и не только знаю, но даже положил ее на музыку, как и все произведения вашего высочества.

– В самом деле?

– Я готов сейчас доказать вам...

– Я тебе сейчас представлю случай к тому. Потом с улыбкой тихо сказал Гонену:

– Не забудь также серьезного дела, о котором ты мне говорил.

– Какое дело, ваша светлость?

– А насчет хорошенькой актрисы, что ты должен мне представить.

– Когда и где прикажете?

– Завтра, около полудня, у меня в замке де Боте. Ты знаешь где он?

– Нет, не знаю, – смело ответил Гонен.

– Между Венсенским лесом и Ножаном: ну, теперь за музыку.

Пока король шутов возвращался к себе на эстраду, у него в уме пронеслись философские размышления.

– Все в этом мире одна комедия. Только что мне пришлось играть мою роль с монахом, теперь приходится с сыном ко-

роля. Только одна театральная шутка не фальшива; призываю в том свидетелями Аристофана и Плавта! Фарс достойный презрения – это история.

Отогнав от себя лирическую мечтательность, Гонен приказал музыкантам приготовиться сыграть знаменитую балладу. Последние настроили инструменты и, по знаку своего главы, заиграли морсо. Орлеанский на лету подхватил тон и начал с первой строфы:

«Молва стоустая идет,
Что хороша моя подруга,
Под именем цветка слывет
Она у недруга и друга.
Она богата и знатна,
Барона гордого жена,
Который ездил в Палестину
И храбро дрался с Сарацином».

Намек был слишком ясен, друзья принца-поэта смеялись под шумок или же содрогались от мысли – сколько ненависти собирает он на свою голову. Дяди были в отчаянии от этой безумной выходки. Что же касается герцога Бургундского, то Рауль д'Актонвиль, страшась с его стороны взрыва, всячески старался успокоить его и удержать его руку.

Орлеанский с увлечением поэта продолжал безумствовать:

«Увы! Мне жаль тебя, барон!
Бедняга, и не знает он,
Что без него она внимала
Моим восторженным речам
И, снисходя к моим мольбам,
Мне постепенно уступала.
И раз, в глубокий час ночной,
Рукой от страсти неумелой,
Я косу ей расплел несмело
И пояс развязал златой»...

Всякому понятно, какие разнообразные чувства волновали присутствующих.

– Это ваши стихи? – спросил глухим голосом Иоанн Бесстрашный.

– Мои, герцог, и это еще не конец.

– А, ну посмотрим! – прибавил Бургундский, весь дрожа.

Потом он сказал на ухо Раулю д'Актонвилю, который одной рукой делал ему знаки, чтобы он имел терпение, а другой сжимал рукоять кинжала.

– Я устрою судьбу твою, если...

– Она устроена, ваша светлость.

Орлеанский закончил, не моргнув бровью:

«О, мой цветок!.. Я так страдаю,
Но тщетно я тебя молю,
И лишь одну отраду знаю,
Когда на твой портрет смотрю!»

– И этот портрет фигурирует в секретном кабинете отеля де Брегень? – спросил Бургундский с налитыми кровью глазами.

– Да, герцог, и притом он так же прекрасен, как и стихи, которые вы только что прослушали; скромность есть качество бессильных.

– Точно так как терпение – качество ослов, – проворчал Иоанн Бесстрашный, вставая, чтобы поразить Орлеанского; но в эту самую минуту раздирающий крик, крик дикого зверя, вышедший из-за одной перегородки, поразил ужасом и оцепенением всех присутствующих.

Король вырвался из своей тюрьмы и, преследуемый сторожами, рычал и ревел, как настоящий зверь; он остановился на пороге как призрак нищеты и голода.

XXVI. Долина любви (Le val d'Amour)

*«Я родился в Эдеме на ложе из роз,
Жизнь мне дал поцелуй первой брачной четы,
Сладкий мой голосок поражает до слез
Пробуждает в душе золотые мечты».*

Видели ли вы когда-нибудь картину Гольбейна, на которой грубо изображено нагое тело, лежащее на камне, сухое, неподвижное, с редкими прямыми волосами, со втянутым животом и зеленоватой кожей – картина ужасающая по своей правде. Но то, что предстало внезапно перед пирующими и что называлось Карлом VI, было еще ужаснее. Этот труп стоял, и ходил, и рычал.

Наконец, несчастный безумец немного успокоился, луч разума проник в его голову.

– Сколько света! – вздохнул он, изнемогая от истощения. – Какой обильный стол! Отчего же вы не позвали меня, когда я умираю от голода.

И схватив со стола нетронутую курицу, он убежал в угол и стал есть ее как зверь.

– Герцог Орлеанский! – сказал Иоанн Бесстрашный, – вот дело рук ваших! О, когда-нибудь вам придется дать за это

страшный отчет!

– Если кому следует отдавать отчет за печальное положение короля, то разве одному Богу. Пусть он вернет ему здоровье, разум, которые сам же отнял, и тогда не будет надобности обращаться с ним как с существом близким к животному. Этого мало еще что он безумец, но он бешеный.

– Что это за изменник говорит такие речи? – вскричал Карл, вскочив как ужаленный. – Сумасшедший? Да, это от судьбы! Но бешеный?... Почему я бешеный? Потому что меня доводили до бешенства те муки, которые я терпел.

– Что я говорил? – повторил Бургундский, обращаясь к Орлеанскому.

Потом, повернувшись к Карлу VI, он сказал:

– Ваше величество, придите в себя и положитесь на верных слуг, в которых у вас не будет недостатка.

– Король!.. Кто говорит, что я король? Надо, чтобы все это знали и заявили об этом! В этом дворце еще есть честные люди. Да, я король. Пусть везде воздают мне должное почтение. Ах! Я помню: я был страшно болен. Я потерял рассудок, но теперь он вернулся ко мне, несмотря на то, что меня держали в тюрьме, взаперти. Теперь кончено!

– Вы слышите? – заметил герцог Бургундский Людовику Орлеанскому.

Но последний ответил прямо королю:

– Брат мой, – вскрикнул он с выражением искренности, – какая радость для всех, а в особенности для того, кто к вам

так близок! Я сейчас же отправлюсь возблагодарить св. Донисия.

– Мы тоже пойдем! – воскликнули три герцога.

– Лишь бы только, – прибавил Беррийский, – этот про- блеск разума опять не угас.

– Но прежде всего, – сказал Бургундский, – пусть снимут с короля это грязное, изорванное рубище, а потом уже мы постараемся сохранить разум. Метр Жеан Кокерель говорил мне об одной молодой девушке Одетте, которая превосходно ходит за больными. Ей бы можно было поручить короля, если бы к нему опять вернулась меланхолия.

– Это вы отлично придумали, – сказал Беррийский.

– Кроме того, есть еще интересная игра в карты, которую изобрел некто Пьер Гривжонер, она очень развлекает боль- ных.

– Благодарю вас, Иоанн Бургундский, – сказал Карл, – ви- дите, я вас узнал. Что же до вас касается, моего брата, как вы говорите, то я очень хорошо помню, как вы злоупотребляли моей болезнью!

– Вы напрасно обвиняете меня, брат мой. Я долгое время был в отсутствии по военным делам, и ваша достойная су- пруга...

– Достойная моя супруга? Ах, да, Изабелла, но где же она?

– Королева, – сказал герцог Беррийский, – еще не опра- вилась после родов.

– Как! Родила! Я об этом ничего не знал. Могу я узнать,

кто был этому причиной и какой у меня ребенок родился?

– Сын.

– Где же отец его?

Герцог Бургундский закусил себе губы, чтобы не назвать Орлеанского.

– Я хочу видеть этого сына, – сказал король, – я узнаю.

– Государь, он умер!

– Ну, и хорошо сделал! Но, однако, пусть меня оденут. Господа, займемся делами государства.

Говоря это, Карл VI, о котором говорили, что он самый умный человек в королевстве в то время, когда не бывает самым глупым, принял королевскую осанку и направился к внутренним комнатам, в сопровождении герцогов Анжуйского и Бурбонского, а также дворян своей свиты.

В зале остались герцоги Беррийский, Орлеанский, Бургундский, Рауль д'Актонвиль и Жакоб, не считая Гонена и Ришара Карпалена, которые отправили всех жонглеров, а сами забились в самый темный угол эстрады, чтобы присутствовать при дальнейшей игре этой комедии или, иначе, этой исторической драмы.

– Увы! – вздыхал Беррийский, – я очень боюсь, что это ненадолго!

– Я, однако, очень бы желал, чтобы он принял на себя бремя власти, – сказал Орлеанский.

– Королю будет весьма трудно устроить финансы, – проворчал Бургундский.

– Вы все видите в черном свете, кузен... Послушайте, не хотите ли перебить ваше мрачное настроение, сыграв партию в кости?

– Я боюсь, что если я у вас выиграю, то меня обвинят в расхищении государственной казны.

– Гм... После битвы при Никополе турок Баязет прозвал вас быком. Вы не жалеете для меня ударов рогами.

При этом грубом оскорблении, Иоанн Бургундский опять кинулся было на Орлеанского, но Беррийский опять вмешался.

– Если мой племянник не желает играть в кости, – сказал он, – то пусть он полюбуется на миниатюры Жана из Брюгге к роману Рено де Монтобан. Вот он здесь, на столе.

И он увлек Орлеанского в соседнюю залу, устроенную для игры, но Орлеанский с Жакобом улизнул в боковую дверь и, спрятав в шкаф свои стихотворения, вышел подземным ходом, который шел в отель де Брегенъ, где и находилась долина любви. Он дошел до маленькой и кокетливо убранной комнаты, которую все еще занимала Мариета д'Ангиен. Прежде чем переступить святилище, где лежала на ложе из бархата, кружев и шелка единственная женщина, которую он когда-нибудь любил, принц приказал пажу смотреть за тем, чтобы никто не пробрался через дверь, которая вела в его собственные комнаты; он надел пажу на шею серебряную цепочку, на которой висел серебряный же свисток.

Жакоб уже несколько минут прохаживался по галерее, ко-

гда вдруг ему пришло в голову как всякому любопытному ребенку, одно желание. Идя за принцем, он заметил при мерцающем свете никогда не гасимого огонька, писанных красавиц, которые привлекли его юную душу. Мальчики того времени были такие же как и нынешние. Всякий раз когда, прохаживаясь взад и вперед, он подходил к Долине любви, он заходил все дальше, томимый желанием увидеть все. Наконец, он не выдержал, перешел заповедную черту. Он вошел, и все эти красавицы, более или менее прикрытые, стали пристально смотреть на него, точно говоря: «Здравствуй, мой маленький дружок, иди, я поцелую твои свежие розовые губки». И он подошел и стал целовать в губы те портреты, которые особенно влекли его к себе. Но какое-то особенное чувство тянуло его к портрету, с которого глядело невыразимой кротости личико, будто стыдившееся за свое присутствие в этом потайном музее. Точно что-то осветило мальчика, он пригляделся ближе и прочел на верхней части рамы имя Колины Демер.

– О, – вскричал он, – так это правда!

Волнение его было так сильно, что он не устоял: колени у него подогнулись и он без чувств упал на паркет.

Он очнулся на постели, около которой стояла женщина, все еще прекрасная. Мариета оказала ему помощь, как мама сыну.

Не пришло ли ей в голову, что это ее сын?

XXVII. Бастард

*«Если злоба в душе человека царит,
Днем и ночью она беспрестанно твердит:
Из двух зол выбирай: две дороги лишь есть,
Иль в отчаянье впасть, иль позор перенести.
Два исхода остались тебе – выбирай:
Преступленье сверши, иль себя убивай...»*

Орлеанский в коротких словах передал Мариете д'Ангиен о том, что сын ее в Париже, и о своей встрече с ним, которая могла окончиться для него печально. Он успокоил ее относительно этого неудавшегося покушения и обещал возвратить ей сына. Отсюда-то и произошла ее ошибка.

Между тем, пока Карл VI оканчивал свой туалет, чтобы во всем блеске идти со всем двором в залу заседаний Государственного Совета, Гонен в темном углу эстрады указывал Ришару на герцога Бургундского, неподвижного и безмолвного, и говорил ему на ухо:

– Ты видишь этого человека. Несколько часов тому назад это был самый счастливый, самый торжествующий из сеньоров мира христианского. Его лелеяли золотые сны при радостных восклицаниях народа, между тем как Орлеанский слышал на пути своем только ропот и даже оскорбления. И вот этот последний проронил с уст своих несколько слов, из-

менивших все. Его тоже восторженно приветствовали, и этот поворот только усилил ненависть, которую Бургундский питает к Орлеанскому, а известная баллада прибавила ко всему еще муки ревности. Хоть по этому-то больному месту и нужно ударить! Следуй моим инструкциям, ступай прямо к герцогу и найди предлог заговорить с ним о Долине любви.

– Почему же вы сами не сделаете этого? – спросил Ришар.

– Потому что я только шут и имею право только смешить. Ты ненавидишь того, как и он, слейте вашу обоюдную ненависть воедино.

Гонен так настоятельно требовал, что Ришар сошел с эстрады и, не обращая внимания на Рауля д'Актонвиля, не отходившего от герцога и не спускавшего с него глаз, он медленно подошел к герцогу, который теперь походил на каменного рыцаря, какие ставились на могилах и который теперь, сбросив с себя оцепенение, несколько раз повторил:

«И лишь одну отраду знаю,
Когда на твой портрет смотрю».

Потом, в необыкновенном возбуждении, Бургундский сжал кулаки и прошептал: – «Подлец!». В этот момент он увидел Ришара.

– Ваша светлость, – сказал юноша, сильно взволнованный.

– Кто ты такой?

– Человек, которого вы сегодня освободили от казни.

– Чего же тебе нужно?

– Помощи против высокого и могущественного сеньора.

– Против кого?

– Против герцога Орлеанского.

– Что может быть общего между им и тобой?

– Мать моя.

– Объяснись.

Ришар рассказал ему о бегстве отца, то есть того, кого он считал отцом, о похищении своей матери и задержании ее. Он, Ришар, сам ходил в отель де Брегенъ, чтобы требовать мать свою от самого герцога, и его вытолкали за дверь, сказав ему, что отель де Брегенъ не то, что отель д'Артуа, куда может войти всякий мужлан, а так как Ришар кричал, отбивался и поносил герцога всяческими словами, как он того заслуживал, то его связали и представили парижскому старшине.

– Стало быть ты не знаешь, где заперта твоя мать?

– Метр Гонен, знающий если не все, то почти все, утверждает, что она должна быть непременно около того места, что называется Долиной...

– Долина любви! И ты хотел бы туда пробраться?

– Да, герцог.

– Каким образом?

– Благоволите, ваша светлость, выразить желание, чтобы на празднике, который в честь вашу даст герцог Орлеанский, был и метр Гонен со своей труппой, а так как я теперь состою

в труппе...

– Так, но это еще не все, что же ты сделаешь потом?

– Метр Гонен поможет. Во-первых, в отеле де Брегень обыкновенно отдается в распоряжение короля шутов и его труппы, для приготовлений к представлению, часть галереи, прилегающей к «Val d'Amor», кроме того, я уж не знаю каким образом, – но у метра Гонена есть ключ от потайного отделения отеля.

– Хорошо, мы вместе войдем в этот вертеп, в эту долину любви; ты пойдешь, куда укажет тебе долг сына... я же – хочу удовлетворить свое любопытство.

– Но, ваша светлость, я очень боюсь, что ваш уход может возбудить внимание, особенно, если вы встанете и пойдете не обычным путем...

– Не бойся ничего, – сказал Рауль д'Актонвиль. – Я заведу ссору между нашими людьми и людьми герцога Орлеанского и в суматохе можно будет сделать, что угодно.

– Ну, да будет так, – сказал Бургундский, вставая с места.

Герцог направился в игорную залу: там шел спор, дело доходило до драки.

В ту минуту как Ришар шел к Гонену, Рауль говорил своему господину:

– Я с этого мальчика не спущу с глаз. Дело ему найдено, наказание будет полное.

Иоанн Бесстрашный ничего не ответил и вошел в игорную залу, где шум как будто стал потише.

XXVIII. Карты

*«Он умер в нищете, без гроша за душой,
Терять во всем было его обыкновением,
И если обретет на небе он покой,
То будет счастьем, достойным удивленья».*

Время появления игры в кости неизвестно: она существовала с незапамятных времен, и до царствования Карла VI никакой другой игры во Франции не знали. Рассказывают, что брат Людовика Святого был отчаянный игрок. Дюгесклен проиграл в кости все свое имущество и умер бы с голода, если бы ему не помогал Карл VI.

Людовик Орлеанский любил игру так же страстно, как и женщин. До сумасшествия Карла VI, братья часто играли вместе и обыгрывали друг друга дочиста.

Когда для развлечения больного короля выдуманы были карты, то они заменили игру в кости. Карты вошли в моду и производили фурор. Отель де Нель, обращенный в игорный дом, часто бывал свидетелем кровопролитных стычек.

То же самое, как мы видели сейчас, чуть-чуть не произошло во дворце короля. Вмешательство дядей короля прекратило скандал.

Иоанн Бесстрашный только прошел через залу, простился

с игроками и вышел.

В соседней комнате Карл VI, уже одетый в роскошное платье, вероятно под влиянием насыщения после мучительного голода, уснул в креслах, служивших ему треном.

Этот благодетельный сон продолжался до утра.

Пробудившись, Карл VI почувствовал себя свежим и бодрым. Рассудок вернулся к нему вполне. Он собирался заседать в Государственном Совете, между тем, как брат его думал только о том, как бы ему уехать в замок де Боте, чтобы принять из рук Гонена молодую девушку, которую герцог приказал ему привести. Но еще ранее, ему нужно было навестить королеву. Он отозвал Жакоба с дежурства в галерее и тот, конечно, не сказал ему о причине своего обморока, но сел на лошадь и поехал вслед за принцем, с истинно сыновней привязанностью.

Орлеанский уже не думал о брате, у которого в течение нескольких минут видел проблески разума, на которые, по его мнению, не стоило и обращать внимания.

XXIX. Король

Карл VI, одетый во все королевские регалии, вступил в зал Государственного Совета с величием, совершенно не согласовавшимся с его вчерашним ужасающим видом. Королева, едва оправившись после родов, поспешила одеться и пришла туда же. Она села рядом с супругом на стуле, который был ниже королевского. За ней стали две статс-дамы. Позади них разместились на табуретах другие придворные дамы.

За огромным овальным столом, после короля, разместились герцоги Беррийский, Анжуйский и Бурбонский, затем герцог Бургундский, оставалось одно пустое место – место герцога Орлеанского; группа сеньоров обеих партий дополнила собрание.

– Мир и спасение всем, – проговорил Карл VI, с легким наклоном головы, – садитесь и расскажите нам, в каком положении дела государства.

– Сир, – сказал герцог Беррийский, – в королевстве все спокойно. Нет более мятежей, нет войн. Англичане уходят, оживляется торговля: только денег мало по-прежнему.

– Каким же образом мало денег, если торговля оживляется? И как это англичане уходят, а между тем занимают прежние места. Вы как об этом думаете, кузен мой, герцог Бургундский?

– Сир, – отвечал последний, – вот что я думаю о положе-

нии государства: представьте себе человека, которого сбросили с башни св. Иакова. На лету, он говорит сам себе: – «Пока все еще идет недурно, но беда как упаду!»»

– Что значит эта аллегория?

– Это значит, что французское королевство свержено в бездну, на дне которой оно погибнет, если его не спасут на лету.

– Объяснитесь.

– Все идет хуже и хуже с тех пор как рука ваша перестала держать бразды правления: расточительность королевы и герцога Орлеанского заставляют Жана Малого проповедовать с кафедры, что они одеваются кровью народа, питаются его слезами, несмотря на ваши указы, восстановлено право реквизиций: налоги удвоены, таксы увеличены до бесконечности, судебные и другие места продаются чуть не с аукциона...

– Дорогой племянник, – сказал Беррийский, – вы забываете, что только что примирились со своим кузеном герцогом Орлеанским и поклялись избегать всякого нового повода к раздорам. При том, все можно поправить. Племянник наш герцог Орлеанский намерен удовлетворить всем нуждам государства, употребив на то сбор ежегодной таксы.

– Это будет уже второй сбор в этом году.

– Куда же пошли деньги первого сбора? – спросил король.

– Все истрачено, сундуки совершенно пусты, – ответила королева, смотря с вызывающим видом на герцога Бургунд-

ского.

– На что же потрачены деньги? Или мы вели какую-нибудь разорительную войну?

– Нет, ваше величество, война против англичан идет из замка в замок, одни только сеньоры несут ее тяготы.

– В таком случае, королева, все это золото издержано безумным образом?

– Государь, вы несправедливо оскорбляете вашего брата и меня. Все тратилось на произведения изящных искусств, на устройство празднеств и турниров для увеселения черни.

– Да, – грубо прервал Бургундский, – и все это вызвало возмущение мальотинцев, которое поколебало престол еще сильнее, чем англичане.

– Согласен, – сказал Беррийский, которому вторили его братья, – но зачем бросать камнем в прошлое? Будем заботиться как бы устроить будущее. Для этого есть средство: нужно перечеканить монету.

– Перечеканить монету! – вскричал Иоанн Бесстрашный. – Да что вы! Или вы хотите, чтобы парижское население взялось за пики да построило бы баррикады? Да они сожгут нас, как жидов и фальшивомонетчиков!

– Пустое! – перебила Изабелла, – денег нужно достать во что бы то ни стало.

– Для новых безумных трат?

– Это уж слишком, герцог Бургундский, вы нарушаете уважение к королю, если не уважаете королеву.

Изабелла сделала вид, что хочет уйти.

– Остановитесь, королева, – сказал Карл VI. – Мы собрали Государственный Совет для того, чтобы все обсудить и доискаться истины, хотя бы она была для кого-нибудь из присутствующих здесь и неприятна. Ах, зачем ко мне опять вернулся разум! Настоящее печалит меня; будущее пугает. Я не говорю о прошедшем, то есть о времени моего несовершеннолетия. То было ничто в сравнении с тем, что сделано во время моей болезни. Кому довериться? Что делать?

– Есть только одно средство, государь, – выговорил Бургундский, – созвать генеральные штаты.

– Генеральные штаты! – пробормотали сеньоры партии Орлеанского.

– Да, генеральные штаты, – подтвердил Иоанн Бесстрашный.

И, обратившись к королю, он продолжил:

– Такое уважение к подданным со стороны вашего величества, государь, успокоит умы и приведет к добровольному согласию на новые субсидии, которые на этот раз употреблены будут на действительные нужды государства.

– Генеральные штаты, – продолжал герцог Беррийский, – что означает это установление, как не унижение королевской власти? Король зависит только от Бога. В трудные времена он может обратиться за советом к своему дворянству, но спуститься ниже – никогда!

Пока противные партии выражали то или другое мнение,

Изабелла все думала, куда мог деваться герцог Орлеанский, и решила, что его наверное задержало какое-нибудь новое любовное похождение.

– Кузен Бургундский, – сказал король после некоторого размышления, – мы вам очень благодарны за то, что вы так смело высказались против действий правительства и расточения финансов за последние годы. Но берегитесь! Вы с таким жаром принимаете сторону черни, что вас могут заподозрить в каких-нибудь честолюбивых замыслах.

– Ловко хватил! – пробормотал Беррийский своим братьям.

Потом прибавил громко:

– Вы удивительно изволите рассуждать, государь!

– Герцог Беррийский, – перебил его король, – мы не станем скрывать от вас, что собрания, исключительно составленные из пэров и баронов, также не внушают нам особого доверия. Подобное собрание тотчас бы избрало на мое место принца, всегда оказывавшего покровительство дворянству. Следовательно, или Бургундский, или Орлеанский дом пришли бы к власти. Если бы брат мой был здесь, я сказал бы ему: «Я прощаю вам все сделанное вами, но не хочу дать вам возможности и впредь делать то же самое». Здесь не обо мне лично идет речь, но о благе общем. Ах! Прошли времена Карла Великого, когда были только дворяне и крестьяне. Крестьяне мало-помалу выкупились; образовались общины; буржуазия приобрела вольности и богатства; она стремится

пересилить дворянство. Нужно подумать, как бы установить равновесие. Но прежде всего, нашим первым решением будет уничтожение указа, вынужденного у меня в январе 1406 года, в силу которого брат мой получил верховное право распоряжаться финансами, а королева – председательствовать в совете.

– Но, государь, я не заслужила, – проговорила королева.

– Не прерывайте меня. Я поступлю так, такова моя твердая воля. Я хочу, чтобы вы больше не принимали участия в делах общественных. Что касается моего брата, то он тоже лишается возможности удовлетворять своей неумеренной страсти к роскоши и празднествам, в ущерб государственной казне. Нашему кузену, герцогу Бургундскому, я поручаю финансы. Такая должность влечет за собой народную ненависть к лицу, занимающему ее. Желая от души, чтобы популярность его не пострадала от этого слишком скоро. Управление же государством разделено будет между герцогами Орлеанским и Бургундским. Каждый указ должен быть подписан ими обоими, иначе он не будет иметь силы.

– Но если произойдет разногласие во мнениях? – спросил Беррийский.

– В таком случае должны быть созваны генеральные штаты, и оба герцога лишатся власти. При таких условиях, надеюсь, они придут к соглашению. Я сказал.

Он сделал знак, что распускает собрание. Изабелла и герцог Бургундский были унижены, остальные все говорили

друг другу слова, сохранившиеся в хронике:

– Когда Карл VI не бывает самым безумным, то он самый умный человек в королевстве.

XXX. Андалузианка

Карл VI, – говорится в одной старинной хронике, был в свое время государь жалостливый, кроткий и добродушный к народу, усердный служитель Богу и щедрый на милостыню. Лицо у него было совсем бледное и глаза полузакрытые. Казалось, что он спит, надев на голову шапочку с небольшими уголками; после заседаний Государственного Совета он прохаживался по залам отеля Сен-Поль целый час, смотря туда, сюда, разглядывая перемены, произведенные в отеле, как человек долго отсутствовавший и припоминающий, все ли на своем месте.

Действительно, казалось, к королю окончательно вернулся рассудок и он навсегда зажил нормальной жизнью. Он все ходил по отелю, как будто узнавая его.

Во всем Париже только и было разговоров, что о происшедшей с ним перемене и о его твердости, выказанной в заседании совета. В церквях служили благодарственные молебны за возвращение ему рассудка, заказывались большие и малые мессы об окончательном его выздоровлении.

Королева злилась на себя за то, что допустила это пробуждение. С другой стороны она старалась забыть неверность королевского брата в обществе сеньора Буабурдона, прекрасного кавалера, состоявшего при ее особе.

Пока все это совершалось, Маргарита де Гено, супруга

Иоанна Бесстрашного, переодетая в мужское платье, пробралась в отель де Брегенъ в ту самую минуту, как Мариета д'Ангиен в таком же мужском костюме выходила оттуда, чтобы у короля шутов разыскать своего сына. Но за ним уже приходил Рауль д'Актонвиль, чтобы указать ему вернейший путь освободить мать свою из рук герцога Орлеанского.

Идя по направлению к отелю д'Артуа (дворец герцога Бургундского), они повстречали брата Саше, продолжающего свой уличный сбор. Ришар подошел к нему, как к лицу духовному, и попросил у него благословения на совершение дела, завещанного ему отцом.

Жан Малый ограничился только словами: *Fiat voluntas Dei*, но с таким страшным выражением, что Ришар содрогнулся от ужаса.

Бедный мальчик точно окаменел. Рауль д'Актонвиль увел его и минуту спустя, в доме, близ ворот Барбет, перед отелем маршала д'Эвре и по близости от отеля д'Артуа, Евстафий Малье, водонос, которого мы видели на лобном месте, и Ришар Карпален сидели за столом, лицом к лицу, как тогда, и делились друг с другом своими тогдашними ощущениями и своей ненавистью.

Что же делал герцог Орлеанский в своем замке де Боте. Он был под обаянием прекрасной андалузианки, которую Гонен прислал ему с целой свитой других фиглярок.

Рита отличалась тем сложным типом, в котором заметно слияние мавританской крови с кровью старой Испании.

Немного орлиный нос, тонкие губы, густые брови дугой, голубые блестящие глаза, осененные длинными, шелковистыми ресницами, матовый цвет лица, изредка слегка розоватый. Маленькая и миниатюрная, она отличалась необыкновенной гибкостью. Когда она плясала свой национальный танец, она была восхитительна с черной распущенной косой, доходившей до колен и роскошной шеей, на которой, как у древней Мессалины, была надета только простая золотая лента. Вокруг нее безумно кружились вакханки, набранные королем шутов на дворе Чудес, по ремеслу уличные танцовщицы с кастаньетами; пока молодые – они танцевали, а под старость занимались гаданьем.

Людовик совершенно забылся в этом подготовленном упоении, не думая ни о чем. Государство, брата, врага своего – он всё забыл.

Надо было, однако, подумать об отъезде. Когда сенешал увидел, что наступила минута пресыщения, он сказал Жакобу:

– Ну, милый паж, вели оседлать герцогского мула. Лошадиная рысь не так спокойна. А мул идет ровно и правильно.

Жакоб тотчас распорядился. Герцог лениво сел на мула и поехал потихоньку, за ним на лошади ехал паж.

Пока они продвигались к Венсенскому лесу, Карл VI совершил крайне решительный поступок. Расхаживая по отелю, он добрал до апартаментов королевы и, войдя к ней, застал Буабурдона у ее ног. Несчастливого поклонника, по при-

казанию короля, немедленно схватили, зашили в мешок и бросили в Сену, что же касается Изабеллы, то ее тоже арестовали и отвезли в замок Амбуаз, где она должна была содержаться как преступница, в ожидании приговора, или к смертной казни, или к пожизненному заключению в монастырь.

Король в данном случае выказал решительность, приводившую всех в изумление.

Каждый спрашивал другого – вернулся ли разум к нему окончательно, или же ему грозит опять потрясение.

– Я думаю что так! – говорил сам себе Бургундский.

Вдруг с улицы послышались какие-то крики, заставившие Карла VI вздрогнуть.

– Что там такое? – спросил он. Савуази, выскочивший на балкон, закричал оттуда:

– Герцог Орлеанский!

Он не смел докончить.

– Ну, что же такое? – Что с моим братом?

– Увы, государь, – он убит!

– Убит! – повторил король, опускаясь в кресло, вокруг которого столпились все сеньоры, кроме герцога Бургундского, который воспользовался общим смятением, чтобы исчезнуть.

– Рауль д'Актонвиль исполнил все с точностью, – говорил он сам себе. – А теперь остается только выжидать. Король не поправится... и предо мной останется только преступная

женщина, которую парламент уж, конечно, не пощадит.

Затем, Иоанн Бесстрашный вышел через потайную дверь, быстро достиг своего отеля, выбрал лучшего скакуна и, в сопровождении нескольких преданных слуг, поскакал по дороге к Сен-Максану, велел изрубить за собой мосты и остановился в Реймсе, откуда решил наблюдать за дальнейшим.

Едва он выбрался из отеля Сен-Поль, как показались носилки. На носилках лежал умирающий герцог Орлеанский. Его не только ударили кинжалом, но еще и отрубили правую руку. Своей левой рукой он прижимал к груди тело убитого Жакоба.

Рауль д'Актонвиль догнал своего господина, увезя с собой отрубленную руку, которую бросил к ногам герцога со словами:

«Рукой от страсти неумелой
Я косу ей расплел несмело
И пояс развязал златой».

Когда носилки внесены были в залу, где находился король, при первом известии об убийстве упавший в обморок, то он все еще был без чувств.

Огромная толпа народа сопровождала носилки, где лежали мертвый и умирающий. Сзади всех шли Жан Малый и Гонен.

За ними следовал Рибле, таща за ворот Ришара Карпалена, который искал глазами герцога Бургундского, чтобы най-

ти у него защиту.

– Вот один из убийц! – сказал Рибле. Герцог Орлеанский поднял в последний раз глаза на убийцу и прошептал:

– Мой сын! Сын Мариеты д'Ангиен, а вот этот бедный мальчик (он сделал усилие, чтобы поцеловать в губы Жакоба) тоже мой сын, сын Колины Демер. Ришар, ты убил своего отца и брата.

Затем голова герцога поникла: он умер.

– Это правда? – спросил растерянный Ришар.

– Правда, – отвечал Гонен.

– Правда! – прибавил Жан Малый.

– О, я несчастный! – крикнул Ришар.

Он быстро вырвался из рук Рибле, побежал к балкону и одним скачком очутился на нем.

Послышался глухой стук: Ришар ринулся оттуда и упал на свою мать, возвращавшуюся из театра Гонена. Оба были мертвы.

Тогда Жан Малый схватил за руку Гонена и потащил его в угол залы. Здесь он поднял свой капюшон.

– Узнаешь ли ты меня теперь? – спросил он. Свирепая радость светилась на этом страшном лице, которое Гонен сразу узнал.

– Обер де Фламен! – прошептал он, пораженный.

– В монашестве Жан Малый.

Король очнулся только поздно ночью. Он сохранил достаточно сознания, чтобы приказать арестовать герцога Бур-

гундского, которого уже не нашли.

Впоследствии, благодаря сумасшествию короля, возвращению убийцы и Изабеллы Баварской, – благодаря апологиям убийства в устах Жана Малого, смерть Орлеанского стала считаться как бы подвигом добродетели!

Маргарита Гено удалилась в свое Бургундское герцогство, где суровый супруг ее, считавший ее оклеветанной, оставил ее в покое. Жан Малый остался в летописях истории как грозный оратор.

Что же касается короля шутов, то будучи предтечею Мольера в комедии, он и кончил точно также, как впоследствии Мольер: Гонен умер на сцене, играя свою любимую роль – роль Сатаны.